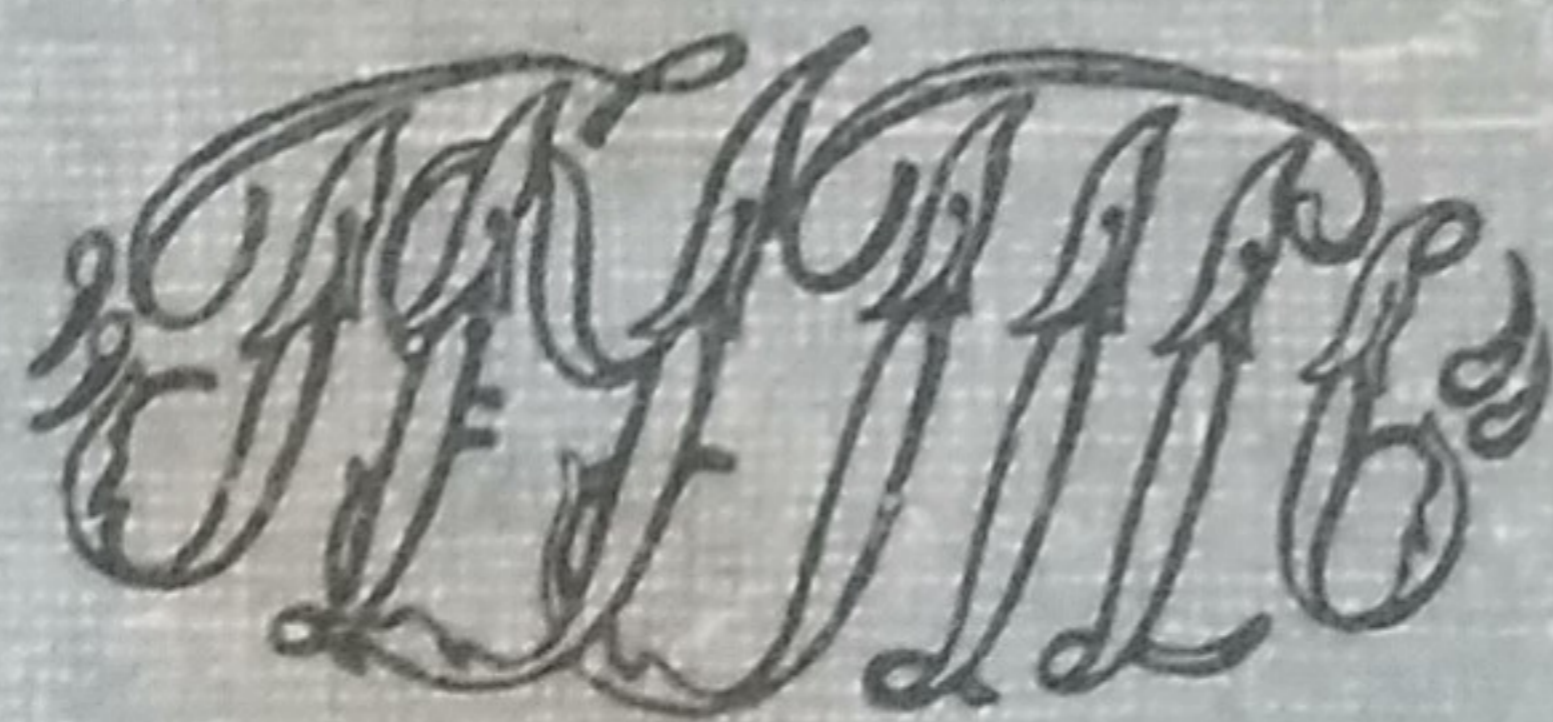


Б-9
Щ-95
22195

Сторонка

Свящ. С. Щукинъ.

БОЖЕСКОЕ
И
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ



Б-9
У-95

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ
Книг. № 22195

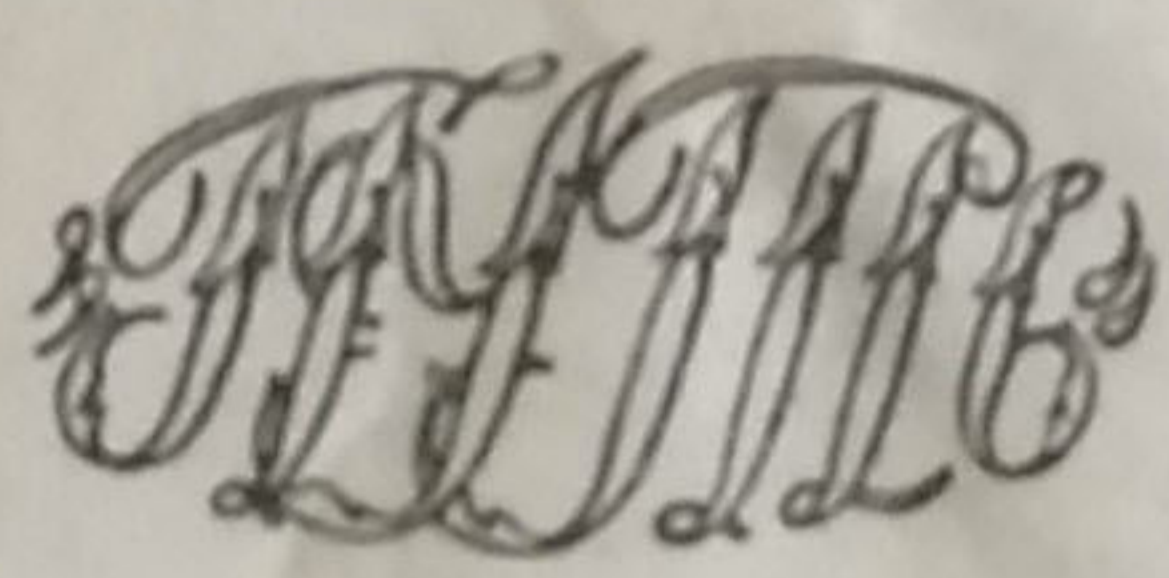
К

Б-9
К-3
шз-95

Свящ. С. Щукинъ.

БОЖЕСКОЕ И ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.



22/95

БИБЛИОТЕКА
Историческаго
Археологическаго
Музея Академіи

1916 г.

О мертвыхъ и умирающихъ.

Когда ярко свѣтитъ солнце, на кладбищѣ почти весело.

Прекрасные кипарисы, высоко поднимающіеся сильные и свѣтлые дубы, много цвѣтовъ за рѣшетками, вездѣ буйная зелень и сіяющій среди нея блескъ памятниковъ—все говоритъ о жизни. И въ одномъ мѣстѣ бѣлые кресты разставлены такъ, что кажется, будто они пляшутъ веселую пляску. Когда идешь печальный, то стараешься не смотрѣть въ ту сторону: непристойная пляска надмогильныхъ крестовъ волнуетъ душу, какъ алая насмѣшка дьявола. Впрочемъ, скоро заселяется кладбище, и быстро вырастаютъ деревья: уже почти закрыта зеленью та сторона.

Пріѣзжіе люди заходятъ сюда погулять. Восхищенные богатствомъ растительности, они восклицаютъ: какъ хорошо! Тутъ и мертвому весело!

И случилось, что пріѣзжій старецъ шелъ къ церковному старостѣ и покупалъ себѣ могилу. И уже не уѣзжалъ изъ города, терпѣливо ожи-

МОСКВА—1916.

Товарищество ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
Арбатская па., Филипповскій п., II.

дая недалекой смерти. Зелень деревьевъ и краски цвѣтовъ оживили могилы; свѣтъ яркаго солнца прогналъ горе. Иногда здѣсь проходятъ даже люди, которые бесѣдуютъ о любви, суетной и далекой отъ мертвыхъ.

Но останься здѣсь цѣлый день, пройдишь по дорожкамъ кладбища, загляни въ глубь зелени, тогда увидишь, какъ много печали на свѣтѣ.

Посреди кладбища находится небольшая церковь. Она мало видна среди зелени. Въ ней прохладно и почти всегда стоитъ гробъ.

Покойникъ лежитъ, мухи шумно носятся вокругъ его лица; а далеки тѣ, кто оросилъ бы его слезами горя, припалъ бы къ мертвому съ объятіемъ горькой любви. Очень часто это пріѣзжій и его здѣсь не знаетъ никто. Равнодушно мимо гроба проходитъ кладбищенскій сторожъ; на минуту остановится, посмотритъ пристально и благословитъ мертваго священникъ. А на телеграфѣ уже выстукиваются слова, которыя понесутъ въ чьи то души смятенъе и тяжкую скорбь. И гдѣ то далеко заволнуются люди, замечутся въ страхъ и будутъ спѣшить. И когда пріѣдутъ сюда, запоютъ печально пѣвцы слова погребенія, и своды храма огласятся криками отчаянія, проклятiями блестящему югу.

По дорожкамъ кладбища, время отъ времени, проходятъ безшумно одинокіе люди. Каждый идетъ не спѣша, привычной дорожкой и уходитъ къ родной могилѣ въ глубь зелени. Одни изъ нихъ жили всегда въ этомъ городѣ; другіе

привезли больныхъ издалека и, похоронивъ здѣсь, уже не захотѣли оставить одинокими близкихъ людей. Устроивъ свои дѣла, они поселились у насъ и жили гдѣ нибудь вблизи отъ кладбища. Они бывають здѣсь почти каждый день. Для нихъ кладбище самое цѣнное въ жизни. Радостный часъ дня для нихъ тотъ, когда они приходятъ сюда. Только здѣсь они и живутъ: раскрыты души, глаза увлажнены слезами. Поговорите съ ними о мертвыхъ, они полны чувства, мысли и страданія. Ходятъ около родной могилы, поливають цвѣты на ней, что то шепчутъ про себя, чѣмъ то волнуются, о чемъ то горько мечтають. Въ же кладбища холодно закрываютъ глаза ихъ отъ постороннихъ душевную муку. Живые люди не интересны для нихъ.

Вотъ идутъ двѣ женщины—мать и дочь. Годы и тяжкія неудачи жизни сгладили между ними разницу лѣтъ; онѣ похожи на двухъ сестеръ.

Когда то мать привезла сюда больного брата, здѣсь похоронила его и сама поселилась навсегда.—У меня никого нѣтъ, кромѣ брата говорить она, мы любили его. Зачѣмъ намъ оставлять его?

Смыслъ ихъ жизни въ этой могилѣ. Все остальное—эти ежедневныя мелочи жизни—все неважно, родитъ только досаду.

Въ чувствѣ къ брату у женщинъ есть большая обида за него на жизнь. Жестока была къ нему жизнь: его невинно отдали подъ судъ, обвинивъ

въ большомъ позорномъ дѣлѣ; такъ подъ судомъ, въ тяжкой думѣ о человѣческомъ предательствѣ, онъ и умеръ. Какъ же намъ бросить его? Мы каждый день ему говоримъ, что онъ оклеветанъ; что не только мы, теперь всѣ уже знаютъ объ этомъ. И думаемъ, что онъ слышитъ наши слова, что они даютъ ему радость.

На скамейкѣ, близко отъ входа на кладбище, сидитъ молодая женщина. Она ни на кого не смотритъ; придетъ и сидитъ, обнявъ небольшой крестъ на дѣтской могилѣ. Всякій день на могилѣ цвѣты, какъ будто мальчикъ похороненъ вчера. У женщины есть и другія дѣти.

— Но знаете, этого я не могу забыть. Какой онъ былъ умный, какой ласковый! И передъ смертью онъ сказалъ мнѣ: мамочка, ты не оставляй меня одного. Всегда приходи ко мнѣ. И никогда не забывай. Слышишь? Я наклонилась къ нему, а онъ шепчетъ мнѣ на ухо: обѣщаешь, мамочка? И вотъ прошло пять лѣтъ, а вижу его, какъ будто умеръ вчера.

Вся заволнута женщина, оторвется отъ креста, выпрямится.

— Живу я хорошо, хорошія у меня дѣти, но этого не могу забыть. И какой день не приду сюда, чувствую свою вину передъ нимъ. Кажется: онъ не укоряетъ меня, а плачетъ жалостно: забыли его!

Тихо идетъ по дорожкѣ старушка. Она маленькая, вся сѣрая и безцвѣтная. Когда встрѣтишь ее, она станетъ, вѣжливо и степенно поклонится,

подождетъ, пока пройдешь, и тогда двинется дальше. Не приходило въ голову, что въ ея душѣ можетъ быть большое содержаніе. Много лѣтъ видалъ ее едва не каждый день, а мыслью не останавливался никогда.

И вдругъ она заболѣла и, больная, заговорила.

Какія жгучія оказались чувства въ душѣ у нея, какая глубокая обида на жизнь!

— Батюшка, батюшка! Зачѣмъ только, когда мы малы, насъ такъ берегутъ. Была я маленькой очень больная, совсѣмъ умираю. Мать выходила меня: не спала ночей, сама страдала, непосильно работала. Ну, скажите, зачѣмъ? Умерла бы я тогда, какое бы счастье!

— Ну, зачѣмъ же такъ мрачно смотрѣть?

— Ахъ, батюшка! Ничего я не преувеличиваю, и въ Бога вѣрю, и маму покойную люблю. Но ничего, ничего въ моей жизни не было хорошаго. Вотъ вся она предо мной: все хорошее прошло мимо меня. Были только горе, разочарованіе, обиды, болѣзни. Ахъ, какъ бы я хотѣла, наконецъ, умереть!

Но она выздоровѣла. И выздоровѣвъ, купила мѣсто для своей могилы, устроила кругомъ ея рѣшетку, поставила около скамейку; и теперь часто сидитъ на ней и смотритъ на могилу.

Какъ будто выросла старушка. И ужъ видишь, что въ душѣ ея большія и пламенные живутъ мечты; что неравнодушно проходила она жизнь; что глубокимъ чувствомъ отзывалась на слова

и дѣла человѣческія. И какъ мудрецъ смотритъ теперь, уже ничего отъ жизни не ожидая, никого и ни въ чемъ не виня; еще въ жизни, но уже давно виѣ и выше ея, на половину какъ бы уйдя туда, гдѣ мудро и беззавистно живутъ. Эти постоянные, вѣрные посѣтители кладбища любятъ его. Они хорошо его знаютъ. Живутъ его интересами. Имъ извѣстно, кто и гдѣ похороненъ, кто умеръ молодъ и кто старикомъ; кто ушелъ отъ земли, окруженный любовью, и кто одиноко и горько несчастный.

Принесутъ на кладбище новаго покойника, они идутъ въ церковь, усердно молятся объ умершемъ. Они уже приняли его въ свое сердце, какъ родного чтутъ его.

Особымъ праздникомъ является для нихъ день, когда поминаютъ тѣхъ, кто лежитъ въ родныхъ имъ могилахъ. Много у нихъ заботъ въ этотъ день: хлопчутъ дома съ обѣдомъ, хлопчутъ съ могилой, убирая ее, служатъ обѣдню и панихиду, плачутъ опять и опять.

И еще бѣльшій праздникъ во дни общихъ заупокойныхъ моленій церкви. Это дни ихъ торжества.

Тогда народомъ наполняется кладбище. Бываютъ адѣсь все: и тѣ, кто забылъ свое горе, и тѣ, кто забылъ и умершихъ: иѣтъ къ нимъ жалости и уже иѣтъ о нихъ молитвы искренней. Какъ тѣни далекія, стали для нихъ когда то жившіе люди.

Но много, много приходитъ и скорбныхъ

тяжко. Торопится жизнь, и дѣло дня отнимаетъ свободу; малое, рѣдкое время можно отдать умершему. Въ эти же дни—какъ ихъ не вспомнить?

И тихіе, скорбные люди, тѣ, что постоянно посѣщаютъ кладбище, испытываютъ въ эти дни сладкую и жестокую радость. Радость, что много народа на тризнѣ.

— А, вы тоже пришли и тоже несчастны? И у васъ есть потери невозвратимыя? — И торжествуютъ объятые скорбью, что не одиноки въ ней, что другіе только суетою дня задавили ее, набросили на колючіе глаза ея тревоги дѣль, но она точитъ, точитъ сердце.

Спускается солнце. Чуть-чуть прошелъ по деревьямъ слабый вѣтеръ и какъ-будто задрожала жара. Изъ ослѣпляющаго и яркаго, какъ старое золото, дѣляется воздухъ.

На кладбищѣ стало больше людей.

Окончивъ работу, они сюда идутъ отдохнуть, погрузить, уйти въ прошедшее.

Проходитъ юноша съ мечтательными глазами. Какъ счастье открылась жизнь ему, какъ свѣтлая радость явился міръ. И часто онъ ходитъ сюда и грустно и сладко мечтаетъ; берегаетъ адѣсь свою радость отъ живыхъ, завистливыхъ и жестокихъ. Ему кажется: только мертвые беззавистно поймутъ его радость.

Вечеръ идетъ. Сумракъ снялъ съ кипарисовъ ихъ зеленую яркость и они стали печальны. И уйдя межъ деревьевъ черною тьмою, онъ глубокимъ и обширнымъ сдѣлалъ кладбище.

Идутъ двѣ дѣвушки, молодыя и свѣтлыя. Грустно кладбище, но дрожитъ радость на сердцахъ, и весело прозвучалъ звонкій ихъ смѣхъ.

И повѣрилъ ему юноша и бодростью на него отозвались сердца тѣхъ, кто его слышалъ, онъ же вдругъ оборвался.

Смолкли дѣвушки, растерялись, заторопились. Онъ услышалъ: кто-то тяжело стонетъ.

Священникъ стоитъ на колѣняхъ около могилы недавно умершей жены и плачетъ. Большой ростомъ, немолодой, не стыдится слезъ.

— О, горе, горе!—стонетъ священникъ:—дѣти зовутъ тебя, дѣти плачутъ о тебѣ. Что мнѣ сказать имъ? Какъ утѣшить?

А дѣвочка лѣтъ шести тянетъ его за рукавъ рясы.

— Папа! пойдѣмъ! Па-а-па!—плачетъ она, вся надрываясь, напуганная, измученная.

Ей бы лежать сейчасъ въ чистой кроваткѣ и улыбаться бы сонно матери, какъ она креститъ ее, дорогую, любимую дѣвочку.

Во тьмѣ засвѣтились огни. Это сторожъ прошелъ по кладбищу и зажегъ у могилъ лампы. Но полными тайны кажутся огни. Что-то живетъ около нихъ: движется, мыслить, тихо шепчетъ. Мертвый ли подаетъ голосъ живому? И жалкая, вся связанная какими-то, неизвестными намъ, тяжкими путами, душа его жаждетъ хоть краемъ коснуться царства живыхъ. А тамъ, вдали отъ огней, сплошной глухой и тяжелый

мракъ. Но и тамъ видится что-то живое, какая-то тайна творится.

Боже мой! какія тяжкія видишь въ вечернее время на кладбищѣ сцены.

Приходятъ люди, припадаютъ къ могиламъ, цѣлуютъ землю и стонутъ, заглушая крики больного сердца. И какія слова любви къ умершимъ говорятся громко, какія горячія просьбы къ нимъ о прощеніи!

Во тьмѣ застучали шаги: вразъ, грузно ступаютъ усталыя ноги многихъ людей. Голосовъ же не слышно. И кажется, будто преступники совершаютъ тайное страшное дѣло.

Принесли умершаго въ церковь, поставили гробъ и ушли.

Молчитъ церковь и молчитъ покойникъ и, кажется, пусто и мертво въ храмѣ. Но засвѣтилась свѣча передъ гробомъ, и вмѣстѣ съ тихимъ свѣтомъ ея разомъ человѣческой мыслью наполнился храмъ.

Въ страхѣ душа умершаго: трепещетъ предъ новой, безмѣрной радостью и горько рыдаетъ и страдаетъ тяжело о сдѣланномъ злѣ. Отъ алтаря же идетъ къ ней, измученной, Божій милосердный привѣтъ.

Тихій пріютъ. Придутъ люди съ пѣніемъ и молитвой, съ воплемъ и многими слезами. Засыплютъ землю мертваго, набросаютъ холмъ и уйдутъ.

Въ первый разъ страшно уходитъ: тяжело

оставлять одного на ночь, жуткую и долгую ночь среди мертвыхъ. И долго медлятъ люди около могилы. И другой день тяжело уходить. Но потомъ привыкають.

Идетъ, идетъ время. Восходитъ и заходитъ солнце. Стоять кресты молчаливые: веселые подъ яркимъ солнцемъ, и таинственно задумчивые подъ бѣлымъ свѣтомъ луны.

Рѣже приходятъ люди.

Старѣетъ крестъ на могилѣ. Ровняется могильная насыпь: вѣтеръ выдуваетъ землю, люди топчуть ногами, осѣдаетъ земля. Старѣетъ крестъ, покосится и упадетъ на землю. И уже некому поправить его. Придетъ сторожъ и унесетъ обломки. И нѣтъ имени мертвому, и забыла о немъ земля.

Приходитъ взволнованная женщина. Спрашиваетъ сторожа: „гдѣ моя мать?“

И что то ищетъ среди могилъ, шагами мѣряетъ землю, читаетъ надписи на крестахъ, и опять говорить раздраженно:

„Она была похоронена вотъ тутъ. Я хорошо знаю мѣсто, прежде ходила сюда каждый день, потомъ долго жила въ другомъ городѣ. Вотъ тутъ и крестъ нашъ стоялъ. Гдѣ моя мать?“

Волновалась женщина и справедливо негодовала и горько плакала. Бранила старосту, священника, сторожа. Было невыносимо обидно, казалось жестокимъ: „гдѣ мать?“ Увы! На этомъ мѣстѣ былъ уже похороненъ другой. И приходили другіе люди, и такъ же плакали, и эту же

землю цѣловали, но вспоминали, плакали и молились о другомъ. И было жутко думать объ этомъ.

Гдѣ они? Гдѣ? Какъ мало мы знаемъ объ этомъ, какъ мало желаемъ знать!

Еще видится мнѣ въ смутномъ воспоминаніи улыбка отца. Какъ, должно быть, онъ любилъ меня! Еще чувствуешь на головѣ ласкающую руку матери. Слышите: вѣдь это было, и было недавно. Жива мать была, и всю любовь мнѣ отдавала, и съ молитвою обо мнѣ умирала; обо мнѣ, обо мнѣ только думала, страдая тяжко.

Увы! Далекой, уже чужой и ненужной стала она въ мечтахъ моихъ.

Кто ходилъ по земнымъ дорогамъ раньше меня? Кто смотрѣлъ на это море, на горы, на чудесныя и милыя красоты земли? Воспринималъ отъ нихъ радость жизни, залечивалъ раны сердца цѣлительной мыслью, въ нихъ вложенной?

И кто пойдетъ по нимъ послѣ меня?

Изучаемъ жизнь „предковъ“; изслѣдуемъ то, что осталось отъ нихъ въ землѣ, что изъ словъ и дѣлъ ихъ живетъ на землѣ. Ну, а они сами— гдѣ? Тѣ, которые такъ жили, это строили, объ этомъ думали? Ихъ души „разумныя и бессмертныя“?

Заботимся о счастья „грядущихъ поколѣній“, но кто думаетъ: счастливы ли тѣ, которые жили и уже отошли?

Уважаемъ великихъ людей, предъ ними преклоняемся. Каждую строчку того, что они писа-

ли, мы знаемъ. Но теперь, гдѣ тотъ, кто мыслилъ радостно и сердца людей наполнялъ восторгомъ чудеснымъ? Прорвался ли къ свѣту и Бога великаго хвалить вдохновенно, или мучится въ мукахъ смятенной душой?

„Здравствуй, племя

„Младое, незнакомое! Не я

„Увижу твой могучій поздній возрастъ,

„Когда перерастешь моихъ знакомцевъ

„И старую главу ихъ заслонишь

„Отъ глазъ прохожаго...“

Какая грусть! Но тотъ, кто писалъ эти строки, давно лежитъ въ могилѣ и кости его истлѣли. И это уже не его грусть, а моя; это я самъ съ глубокой тоскою смотрю на сладкую красоту міра и думаю: я скоро уйду отсюда. И въ мысляхъ нѣтъ у меня: гдѣ онъ, чье слово заставляетъ меня весь міръ обнять примиренно и вѣчное почувствовать ярко? Только въ церкви есть память о мертвыхъ; внѣ же ея, они какъ небывшіе. Только церковь ихъ помнитъ; для нея они живы: думаютъ, чувствуютъ, нуждаются въ помощи.

„Покой, Спасе нашъ, съ праведными раба твоего и сего всели во дворы Твоя, якоже есть писано, презирая, яко благъ, прегрѣшенія его, вольная и невольная, и вся, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, Человѣколюбче“.

„Батюшка, помолитесь о моей женѣ, мнѣ очень тяжело“. И самъ придетъ, сганетъ въ уголокъ алтаря. И видишь: душа охвачена горячимъ

огнемъ, и новая жизнь — печальная и глубокая — засіяла въ глазахъ.

„Знаете. батюшка, когда умерла моя дочь, я хотѣлъ покончить съ собой. И только церковь меня остановила. Только служба церковная, вотъ эти ваши удивительныя церковныя слова“.

Понимаете: они умерли, ихъ нѣтъ. Бросили послѣдній комъ земли и ушли. Никогда, и на одинъ мигъ, никто не увидитъ умершаго. Скорбно такъ, что сказать нельзя. Но пришелъ въ церковь и... мертвый живъ. И слова около него ласковыя. Ихъ не я сказалъ, но когда услышалъ, имъ на встрѣчу такъ и бросилось сердце. И чувства около нихъ удивительно нѣжныя, человѣчныя.

„Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни и дверь райскую: да обрящу и азъ путь покаяніемъ, погибшее овча азъ есмь, воззови мя, Спасе, и спаси мя“.

И Тотъ, Кто далъ эти чувства мнѣ, и вмѣстѣ съ ними далъ въ этомъ горѣ удивительный отдыхъ для сердца, почти доходящій до счастья, о, Онъ, съумѣетъ его дать и тому, о комъ я молюсь, гдѣ бы онъ ни былъ, кто бы онъ ни былъ.

„А, у васъ на кладбищѣ и церковка есть? Ну, значитъ, у васъ ужъ и я лягу“. И забота священника, понятная и дорогая людямъ, чтобы на кладбищѣ была и церковь.

Ибо только одна мысль утѣшаетъ умирающихъ: жилъ на свѣтѣ Христосъ. Подобный

намъ, ходившій по дорогамъ земли; какъ мы, ее любившій и, какъ мы, одинокій въ предсмертной мукѣ своей—былъ Онъ причастенъ вѣчности, зналъ тайны небесъ.

Чувствуютъ люди, что надо поближе къ тому мѣсту, гдѣ живетъ и хранится великая мысль. Хотя бы краемъ коснуться ея. Какъ безъ нея, какъ безъ Него?

Тысячи вѣковъ будутъ ложиться на мою память, и какъ же не задавятъ ея? И нѣтъ во мнѣ, чѣмъ бы я могъ воспротивиться имъ. Никакая слава, смѣлая мысль, никакое дѣло мое не устоитъ. И только тутъ, гдѣ эта жертва за грѣхи и дѣла человѣческіе, вѣрится, только тутъ я какъ то смогу уцѣлѣть.

О, пусть люди забудутъ меня; и пусть земля забудетъ меня. Но вѣдь я съ Нимъ, со Христомъ, и Онъ уже знаетъ, какъ пронести меня чрезъ этотъ океанъ забвенія, спасти отъ потопа великаго. Если не Онъ, то кто другой?

„Да помянетъ Господь Богъ всѣхъ православныхъ христіанъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Какое глубокое содержаніе въ этихъ словахъ, такъ часто повторяющихся въ церковныхъ службахъ.

„Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“.

Гдѣ то, когда то жили. И умерли. И земля потеряла ихъ: нѣтъ о нихъ памяти. Шумятъ новые люди, и новыя дѣла волнуютъ людей.

Забудутъ на землѣ лица наши, и памяти о томъ, что жили мы, не останется. Безчисленное

количество разъ совершить земля путь, назначенный Богомъ. Измѣнится поверхность ея. Умретъ народъ нашъ. И если бы опять пришли мы на землю и сказали бы громко слова самыя трогательныя, уже ничье сердце не задрожало бы въ отвѣтъ. Ибо у людей будутъ уже и другія слова. О, помяни насъ и тогда, Господи! Помяни насъ въ этомъ всеобщемъ и страшномъ забвеніи нашемъ!

Словами этими вѣра наша взрываетъ океанъ забвенія, волнуется его до послѣднихъ, крайнихъ глубинъ. Гдѣ то, когда то жившихъ, уже задавленныхъ безмѣрностью вѣковъ, вырываетъ ихъ отъ безмѣрной тяжести этой.

Страшно, страшно человѣку передъ громадой вѣчности, хочется послѣдней и вѣчной свободы.

Не надо молиться за мертвыхъ?

Но смотрите, какъ могилы толпятся около церкви.

Не надо молиться о живыхъ?

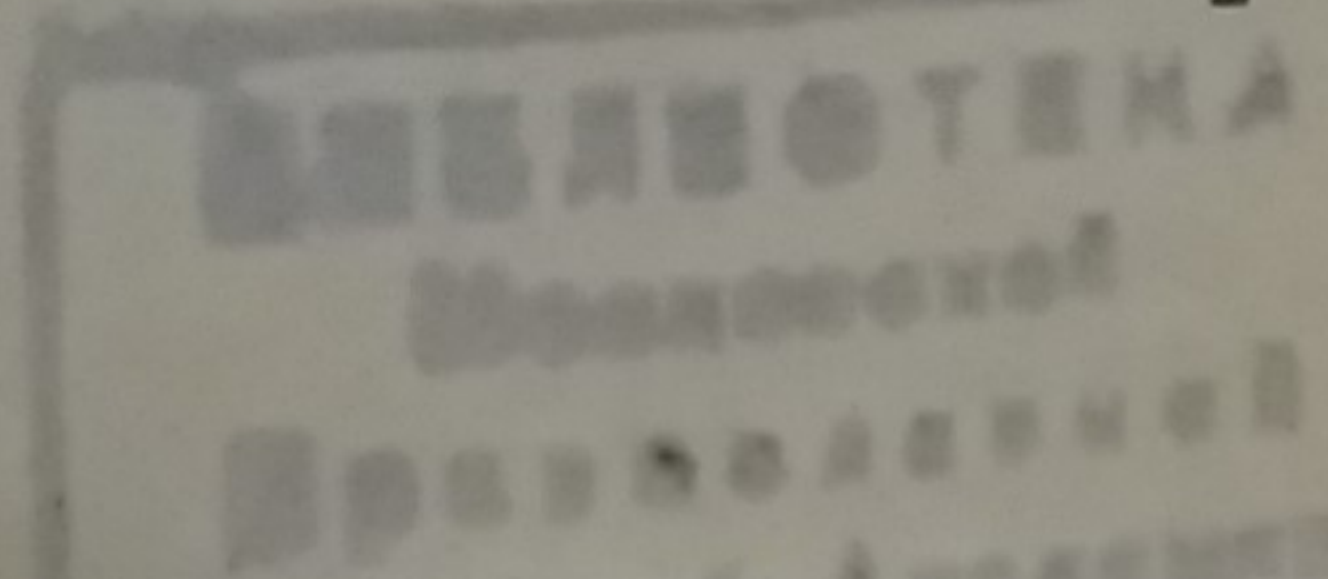
Боже мой! Какъ безжалостно обрываютъ они благоухающіе лепестки души человѣческой!

Все это ненужное, лишнее и невѣжественное?

И, однако, наперекоръ всему, человѣческая душа любитъ, молится, и тоскуетъ, и приноситъ жертвы.

„Воспоминаю вамъ, братіе мои, и чада, и друзи мои, не забываютъ мя, егда молитесь ко Господу“...

Развѣ не дѣло любви молитва за мертваго?



Когда человекъ, умирая, просить молиться о немъ, его просьба крѣпка и искренна, какъ просьба голоднаго, какъ мольба несчастливаго. И надежда, съ которою смотрятъ глаза его, волнуется душу больше, чѣмъ надежда нищаго.

И если не жестоко къ одному, зачѣмъ хочешь быть жестокимъ къ другому?

Это та же любовь къ человеку, которая велитъ трудиться за искренняго, ведетъ на подвигъ за ближняго. Любите человека въ грядущемъ, но и въ прошедшемъ, любите живого и мертваго. Любите его въ глубинахъ земли, откуда уже не слышенъ голосъ его; любите его всѣми забытаго, имени кого вы не помните.

„Батюшка, пожалуйста, совершите погребеніе моего мужа!“

„Но вѣдь, вы—лютеранка, и вашъ мужъ лютеранинъ?“

„Да, но онъ просилъ передъ смертью: пусть меня похоронитъ православный священникъ. Страшно уходить туда безъ молитвы.“

Это у любви человѣческой обрываютъ одни изъ лучшихъ и наиболѣе ароматныхъ ея лепестковъ. Молитвой за мертваго питается любовь до конца. Тутъ кается человекъ въ обиду, которая совершена безвозвратно. „Не могъ я здѣсь исправить зло, тебѣ сдѣланное, о, прости меня тамъ!“ И видитъ виновный: идетъ отсюда прощеніе, гдѣ по инымъ основаніямъ судятъ. И неся на душѣ тяжесть вины своей,

уже прямо стоитъ человекъ и не униженно дѣлаетъ дѣло жизненное.

Молитвой питается благодарность къ умершему. Ты страдалъ за меня, любилъ, думалъ о томъ, чтобы я былъ счастливъ. Что я могу принести тебѣ? Чѣмъ отплатить? Вотъ видишь: я все это помню, ничего не забылъ. И если видишь добро во мнѣ, оно отъ твоего слова искренняго, отъ твоего благороднаго дѣла. О, Господи! Не забудь этого тамъ, гдѣ видишь его смятенную душу!

Молитва прощаетъ жестокость мертваго.

Ушелъ человекъ, и уже ничто не мѣшаетъ прямо взглянуть на него. И вижу: въ его жестокости было много моей. Я укрѣплялъ ее въ немъ безжалостнымъ сердцемъ моимъ, словомъ немирнымъ и злымъ.

Велика и обильна любовь и нѣтъ границъ для нея. Какъ скажешь рѣкѣ, которая выходитъ изъ береговъ, чтобы удержала воды свои? Какъ скажешь душѣ, полной любви: удержи чувство свое? И развѣ нужно это? Напоить вода землю жаждущую, и оживетъ земля травами и звонкой радостью. Излей на мертвыхъ любовь свою, и оживутъ они, и воскреснутъ любовью отвѣтной, надеждой прекрасной, великимъ послѣднимъ стремленьемъ. Ненасытна любовь. Не насытишь ея безмѣрностью неба и тепломъ милой земли. Не насытишь ея очами человѣческими сіяющими, несущими радость и жизнь, улыбкой ребенка ангельской. Бросаетъ

любовь жадный взоръ свой въ сторону мертвыхъ, и тамъ видитъ, и тамъ жалѣетъ, и тамъ созидаетъ.

Для тебя кладбище нѣчто далекое и чужое. Тебѣ нѣтъ до него дѣла: ты занятъ, хлопчешь, живешь. Но ты придешь сюда неизбежно.

Смотри: какъ громадно число отжившихъ и какъ мало живущихъ! Увы! Завтра и мы будемъ, какъ отжившіе.

Есть сказаніе: святой монахъ въ Кіевской Лаврѣ въ Христову заутреню спустился въ пещеры и всей силой восторга пасхальнаго возгласилъ: „Христось Воскресе!“ И мертвые загремѣли въ отвѣтъ: „Воистину Воскресе!“

Вотъ куда направляется мысль.

Они живы. Радуетъ насъ и они съ нами радуются, скорбимъ—скорбятъ и они.

И старый священникъ ходитъ въ пасхальные дни по кладбищу и говоритъ, кропя могилы святой водой: „Христось Воскресе!“

И вѣрить старческое сердце его, что вмѣстѣ со святымъ привѣтомъ этимъ несетъ онъ радость мертвымъ.

Сколько ихъ прошло предъ глазами священника. И по временамъ онъ теряетъ различіе: кто мертвъ и кто живъ?

Какъ считать ихъ мертвыми? Видитъ лицъ ихъ и голосъ тревожный ихъ слышитъ; еще лежитъ на нихъ вчерашняя мысль и всѣ земныя тѣни.

И часто живыхъ считаетъ, какъ мертвыхъ. Ибо сегодня онъ говоритъ съ ними, а завтра они лежатъ передъ нимъ безгласны и неподвижны.

И когда священникъ идетъ по кладбищу, ему всюду видятся знакомыя лица, несутся слова, къ нему обращенныя. Большую тяжесть на душу его наложили тѣ, которыхъ скрыла земля. Умирая, они смотрѣли ему въ глаза и просили: „молись за насъ, когда будешь приносить безкровную жертву, не забывай имена наши“. И если бы хотѣлъ, какъ онъ забудетъ о нихъ? Предъ нимъ ихъ души открыты больше, чѣмъ души живыхъ. Лукавства не было въ нихъ, когда говорили съ нимъ, ибо не ему, а вѣчности говорили.

И близость ея давала дѣламъ ихъ иную оцѣнку.

Вотъ женщина, о которой люди съ завистью говорили: какую красивую жизнь она прожила. А была эта жизнь только рядомъ грѣховъ, о прощеніи которыхъ молится, сострадая, церковь: прости грѣхи ея вольные и невольные, и вся, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, Человѣколюбче.

Вотъ ученый, имѣвшій большіе успѣхи въ жизни и хорошую почетную славу. И когда умиралъ, о немъ писали, что его ученые труды не забудутся долго. Самъ же онъ, умирая говорилъ: тридцать лѣтъ былъ я такъ занятъ, что совсѣмъ забылъ, что есть Богъ и смерть. Не-

когда было подумать о нихъ. Теперь же вижу: главное именно это, дѣло же, которое дѣлалъ, ушло навсегда и скоро будетъ забыто.

Любить мертвыхъ священникъ. Они мудры: не лгутъ, не клеветаютъ и зависти нѣтъ у нихъ. Смотрятъ на дѣла и людей отъ глубокихъ и истинныхъ основаній. Они спокойны, разсудительны, знаютъ многое. О, насколько больше насъ! И все лучшее, что есть въ его душѣ, они понимаютъ. И что иногда только намекомъ мелькнетъ высокое и значительное, они мудро выслушаютъ и мудро отвѣтятъ. Намекъ освѣтится, высоко подниметъ душу и сдѣлается знаніемъ широкимъ и свѣтлымъ.

Иногда священникъ станетъ около могилы и молча, въ душѣ, говоритъ съ мертвыми. Рассказываетъ имъ о дѣлахъ земли, о томъ, что случилось здѣсь съ людьми близкими имъ.

— Да, — говоритъ онъ, — ты тревожилась о мужѣ, тебѣ казалось—онъ обманываетъ тебя? И ты права была, бѣдная. Онъ уже забылъ тебя и вижу и тогда былъ къ тебѣ жестокъ. Но ты вѣдь небо видишь теперь и уже знаешь, какъ ничтожны были всѣ эти земныя тревоги твои.

И около другой могилы стоитъ и говоритъ радостно:

— Ты страдала, умирая, о дѣтяхъ, было страшно ихъ покидать? Успокойся же: я видѣлъ ихъ, и звонкій смѣхъ ихъ я слышалъ. Печали не было въ немъ. Они были веселы, чисто одѣты и беззаботны. Видно, Господь ихъ

хранить, и чья-то любящая рука ихъ ласкаетъ.

Кругомъ сколько могилъ.

Придетъ въ міръ ребенокъ, озаритъ какъ лучемъ вѣжнымъ и ласковымъ душу отца, матери и всѣхъ, кто вокругъ. Прозвучитъ милый голосъ, обрадуетъ на мигъ яркая и свѣтлая мысль, очаруетъ сердце тихое и кроткое, и сейчасъ же уйдетъ, жестоко казимый за чьи-то грѣхи. „Яко корабль, слѣда не имый, сице зашелъ еси отъ очю скоро... якоже птенецъ малый отъ матернихъ объятій скоро отлетѣлъ еси“...

Тяжело умираютъ старые люди, долго мучатся. Хочетъ отдыха утомленное тѣло; какъ желанный покой мыслится гробъ. Уже міръ этотъ не даетъ радости, и сердце твердитъ настойчиво: — „Не забудь меня, Господи! Позови къ Себѣ“...

И много могилъ по всему кладбищу, въ которыхъ покоятся люди, еще недавно молодые и сильные; они еще въ жизнь не вступили, только учились, готовились къ ней.

Прекрасной жизнью казалась для нихъ. Еще стремительна была мысль, еще ноги не утомлены, еще душу жгло желаніе радости, любви и счастья.

Какъ нестерпима казалась смерть тогда!

О, сначала они бунтуютъ, говорятъ къ Богу гнѣвныя и ропотныя слова. Къ близкимъ людямъ раздражены чрезвычайно. Къ священнику почти презрительны. Отрицаютъ его не только умомъ, но и возмущеннымъ сердцемъ: служители Бога! Но гдѣ Богъ вашъ? Почему Онъ

глухъ къ воплю моему? Ибо вотъ страданіе мое и тяжкая мука моя — развѣ она можетъ быть больше? О, нѣтъ, не хочу я вашего Бога!

И если принимаютъ священника, то лишь въ угоду старой матери, и это страшно подчеркиваютъ.

Просить робко и приниженно мать:

— Причастись, Ванюша, худа не будетъ. Утѣшь меня!

— Ну, ладно ужъ! — машетъ рукой, смотритъ угрюмо и презрительно: — ладно, зови!

Но остался одинъ со священникомъ, услышалъ слова милосердныхъ молитвы, скривился лицомъ и заплакалъ.

О чемъ? Обо всемъ. О томъ, что болѣетъ, о томъ, что приходится слушать глупую мать; о томъ, что идетъ что-то жуткое, новое, страшное.

Плачетъ и стыдится слезъ, говорить почти грубо:

— Отвернитесь, пожалуйста! Видите, я совсемъ расклеился.

Но падаютъ силы и слабѣетъ человѣкъ. Надломилась душа. Уходитъ земное, что казалось крѣпкимъ. Была мысль, которая какъ на крыльяхъ носила душу, дѣлала ее широкой и смѣлой, гордой и яркой; но уже нѣтъ силъ поймать ее. Манила любовь, какъ радость несказанная, и ушла съ обиднымъ и горькимъ презрѣніемъ. Осталась смерть.

О, ужели она?

Уходитъ все, что питала, что растила любовно

земля. И новый міръ открывается вдругъ: прежде отрицаемый и ничтожный, теперь же движется со страшной, неумолимой, реальной силой.

И сразу умалается человѣкъ. И вмѣсто мятежнаго и горячаго бунта приходятъ чувства несчастнаго, обиженнаго, маленькаго ребенка. Хочется, хочется жалости.

И вдругъ поняла мать. И оставляетъ разомъ напряженную настороженность свою и уже дѣлаетъ то, что считаетъ нужнымъ, увѣренно, твердо и властно. Безъ боязни говорить о Богѣ, смѣло гладить по головѣ, велитъ пить лѣкарство, оправляетъ постель.

Подчинился сынъ. Мать уже снова какъ мать; такъ же нужна и такъ же дорога ея ласкающая рука, какъ была когда-то въ далекомъ дѣтствѣ.

Умиленно и жалко плачетъ больной и не стыдится слезъ. И вдругъ въ этомъ, прежде далекомъ, теперь же столь близкомъ мірѣ, и священникъ сталъ [нужной и необходимой реальностью.

Какъ безъ него? Кому сказать горькій грѣхъ юности своей? И отъ кого причаститься? И кто скажетъ о Богѣ просто и разсудительно?

И съ удивленіемъ говоритъ себѣ: — „Такъ вотъ онъ для чего?! Такъ вотъ для чего люди выдумали этихъ священниковъ?!“ — И уже чего-то ждетъ отъ него и почти любитъ его и проситъ стѣснительно:

— Вы меня ужъ и похороните, пожалуйста!

Говорить съ нимъ задушевно, спрашиваетъ о томъ, о чемъ никого не спросилъ бы.

Разцвѣтаетъ мать и, выйдя въ коридоръ и смахнувъ горькую слезу, крестится долго и радостно.

И въ вопросахъ священнику, и въ словахъ къ матери, и въ думахъ больного уже нѣтъ того, что дѣлало его далекимъ и чуждымъ для нихъ, а есть то, что общить его со всѣми ими: обычное и житейское, простое и немудрое, но какое важное, до чего нужное, до чего реальное!

Словно окунулся въ дѣтство, гдѣ иконка висѣла надъ кроватью и мать стояла возлѣ на колѣняхъ, молилась о немъ, и потомъ долго, долго крестила.

О, еще бываютъ вспышки гнѣва и ропота, но все меньше и меньше, рѣже, слабѣе. И уже не стыдится слезъ и передъ священникомъ. — Батюшка, не такъ проникновенно читайте молитвы, а то я опять заплачу.

И наконецъ:—знаете, я не боюсь смерти. Вотъ только бы не такъ мучительно. Пусть будетъ, какъ Богъ хочетъ.

И скоро уходитъ, хотя въ страданіяхъ, но съ сердцемъ не злобнымъ, а тихимъ и примиреннымъ.

За нимъ сколько было другихъ: такъ же роптали гнѣвно, приходили въ отчаяніе, смирялись и умирали.

Много страданій, обидъ неотомщенныхъ, жа-

доби, никѣмъ не услышанныхъ,—поглотила землю.

„Они убили меня. Пусть ихъ Богъ судить.“ Больной говорить съ трудомъ въ тѣ моменты, когда приходитъ въ сознаніе; ему только что перевязали жестоко израненную голову. А въ коридорѣ больницы мечется жена его: плачетъ, бѣжитъ къ мужу, къ врачу, къ священнику, что то шепчетъ, по поводу чего то дико вскрикиваетъ.

Объясняютъ: вчера вечеромъ, знакомый мужикъ, пьяный хулиганъ, разбилъ ему голову тяжелымъ камнемъ, ударилъ нѣсколько разъ.

На другой день больной умеръ.

Жена была потрясена. И, какъ бываетъ нерѣдко, тяжкое горе выжгло въ ея душѣ мелкія и злобныя чувства. Открылась вѣчность и неодолимо потянула душу ея въ прекрасную область умиленнаго чувства, прощенія, высокаго счастья единенія съ Богомъ. Часто ходила въ церковь и, когда спрашивали объ убійцѣ, отвѣчала всегда: „не мое это дѣло, Богъ разсудитъ“. Вдругъ какъ то зовутъ священника причастить ее. Что съ ней случилось? Идя съ базара, неожиданно встрѣтилась съ убійцей мужа. Увидя ее согбенной и бѣдно одѣтой, онъ сталъ издѣваться: бранилъ, ругалъ ея мужа, толкалъ, грозилъ избить и ее.

И дикое издѣвательство, наглая торжествующая безнаказанность эта, сломили разомъ высокій строй ея души и раздавили жизнь. Три

дня непрерывно сотрясалась она отъ слезъ, вся дрожа отъ жестокой обиды и умерла, какъ безумная.

И вмѣстѣ съ обидами много любви поглотила земля, высокой любви, которая напряженно хотѣла бы излиться на всѣхъ.

„Батюшка, похороните меня, ради Бога, на этомъ кладбищѣ, хоть гдѣ-нибудь у стѣнки. А то затащатъ куда-нибудь и уже никто не придетъ на могилу.

Но нѣтъ, не дали мѣста у стѣнки, дороги стали мѣста на кладбищѣ.

— Ахъ только бы не на дорогахъ повезли меня! Я знаю, пришлютъ денегъ на мои похороны. Я вѣдь учительница, дѣтей очень любила, всю жизнь честно работала. Только телеграмму послать.

Но увь! Послали телеграмму, и никто не прислалъ денегъ.

— И со священникомъ, пожалуйста, дорогой батюшка?

— Ну, это-то, разумѣется, можно.

А когда умерла, было какое то спѣшное дѣло, усталъ священникъ и не пошелъ.

И повезли на дорогахъ, на то кладбище, куда не хотѣла, и не шелъ священникъ за гробомъ учительницы, которая всю жизнь честно работала.

А любви въ ея душѣ было столько, что вотъ тяжело больная пролежала она въ нашемъ городѣ два мѣсяца, и за это время всѣ кругомъ

женщины полюбили ее. Сами бѣдныя, онѣ собрали денегъ, чтобы заплатить за дроги и за мѣсто на кладбищѣ, и часто ходятъ къ ней на могилу и служатъ панихиды. Ее полюбили потому, что слова у нея были ласковыя, тихое и кроткое было у нея терпѣніе; растопило человѣческія сердца ласкающее сіяніе утомленныхъ, но почти безгрѣшныхъ ея глазъ.

Не затерялась могила учительницы на далекомъ кладбищѣ!

„Ты тоже спишь уже непробудно, мой милый товарищъ! Ты умиралъ, какъ герой,“ — сказали бы люди. И, конечно, безъ трепета, съ вѣрой, съ любовью ко всѣмъ. „Ну, вотъ пришелъ и мой чередъ. Что же скажу вамъ? Страшно? Нѣтъ не страшно. Вотъ когда станешь задыхаться, ужасно. Но пройдетъ это и станетъ хорошо, удивительно хорошо“. И съ приливомъ радостнаго вдохновенія говорилъ: „подумать только: иду туда, гдѣ Христосъ и святые, гдѣ свѣтъ и необозримая мысль и нѣтъ неправды. Какое счастье!“

„Самъ единъ еси, безсмертный, сотворивый и создавый человѣка“—это Ты вѣчнымъ закономъ своимъ повелѣлъ: „земля еси и въ землю отъидеши, а може вси человѣцы пойдемъ“. Но Ты далъ намъ и великую надежду: „се и стихіи, небо и земля, измѣнятся, и вся тварь въ нетлѣніе облечется: разрушится тлѣніе и погибнетъ тьма въ пришествіи Сына Твоего.“

О, пусть это будетъ скорѣе. Ибо уже насытилась земля человѣческимъ горемъ, насытилась и устала...

Смерть о. Павла.

О. Павелъ умеръ въ церкви, во время все-нощной. Еще не старый человѣкъ, онъ послѣднее время часто недомогалъ. Когда устанетъ, въ сердцѣ вдругъ появится несильная, но тягостная боль. Дышать дѣлалось трудно, не хватало воздуха и, если это случалось во время службы, о. Павелъ боялся, что не сможетъ кончить.

Впрочемъ, все скоро проходило и, отдохнувъ, онъ забывалъ о болѣзни.

Въ февралѣ, въ одну изъ субботъ, о. Павлу съ утра было нехорошо. Но потомъ онъ занимался въ гимназiи, прошелся на свѣжемъ воздухѣ, и къ вечеру отъ утренняго недомоганiя не осталось и слѣда. И ко всенощной пошелъ охотно и легко.

Въ церкви было хорошо: всѣ привѣтливы, народу много и хорошо налаженная служба началась дружно.

Привычная обстановка, трогательныя изображенiя, напѣвы молитвъ, вздохи и шопотъ, которые иногда доносились въ алтарь,— все дѣй-

ствовало на него знакомымъ, хорошо возбуждающимъ образомъ. Дышать стало легко и, казалось, прибавилось силъ. О. Павелъ почувствовалъ, что будетъ хорошо служить.

Запѣли псаломъ: „Благослови, душе моя, Господа!“ Каждый разъ знакомый напѣвъ волновалъ священника. Звуки поднимали его и какъ будто колебали на тихихъ волнахъ.

Онъ ходилъ съ кадиломъ по церкви и тоже, какъ тихiя волны, колебался кадильный дымъ. И мысли неслись за словами псалма.

„Благослови, душе моя, Господа!“ За жизнь, которую онъ далъ, за солнечный свѣтъ, за радость и горе, за то, что не лишилъ счастья познать прекрасный мiръ свой. „Благослови, душе моя, Господа!“

Святыя слова, они волнуютъ меня и души всѣхъ, кто приходитъ сюда.

Церковь была почти полна. И когда о. Павелъ подходилъ къ иконамъ и народъ разступался предъ нимъ, въ мерцанiи свѣчей выдвигались все новые и новые люди. Отблескъ огней ложился на лица и, казалось, всѣ проникнуты одними чувствами, одной думой.

Въ глубинѣ временъ, давно невидныхъ, почти миѳическихъ, благочестивый царь сложилъ въ своемъ сердцѣ святыя слова. Иные были люди тогда, чуждая намъ рѣчь звучала на землѣ, и тѣни еще нельзя было разглядѣть въ грядущемъ лица родного намъ народа.

Все прошло безвозвратно. Нѣтъ тѣхъ людей,

отшумѣли народы, а чудесныя слова живы сейчасъ, какъ были живы тогда, волнуютъ новыхъ людей, какъ волновали въ вѣкахъ. Ибо и тѣ, какъ мы, радовались солнцу и свѣту, и также благодарили Бога за жизнь. Въ вечерній часъ затихали ихъ души и грустно въ даль смотрѣли глаза. И когда поднималось небо и являлись звѣзды, ихъ мысли уносились къ вѣчному и сердце трепетало благодарностью къ Сотворившему міръ. „Дивны дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси“.

Старыя, церковныя книги разъясняютъ, что когда, въ началѣ всеобщей, во время пѣнія псалма, священникъ ходитъ по храму и кадитъ предъ иконами,—это должно напомнить, какъ первые люди ходили по раю.

Адамъ и Ева ходятъ по раю и дѣтскими, умиленными глазами смотрятъ на свѣтлую его красоту. Значитъ, въ чувствахъ, которыя я переживаю, которыя навѣваютъ святыя пѣсни на души людей, тянутся нити отъ райскаго бытія, когда вмѣстѣ съ Богомъ былъ человѣкъ. И не было зла, отдѣлившаго человѣка отъ Бога.

О. Павелъ пришелъ въ алтарь. Дьяконъ началъ эктению. Обыкновенно священникъ старался слушать слова службы, но сегодня его душа была наполнена своимъ и, схватывая отдѣльныя выраженія, мысль уносилась отъ нихъ далеко.

Сколько нужныхъ и важныхъ дѣлъ знала земля: всякій день несетъ неотложную нужду

и вмѣстѣ со днемъ исчезаетъ его забота. А обрядъ, а святыя пѣсни—неважныя и ненужныя — пережили вѣка. Неистребимо въ человѣкѣ влеченіе къ небу. Не погасить его тревогами дня, не погасить грѣхомъ и узостью мысли. Какъ повѣрить, что радость здѣсь на землѣ, если, обрадованный, я завтра потерялъ свою радость? Все кратко и быстро, быстро уходитъ.

„Свѣте тихій святыя славы, безсмертнаго Отца Небеснаго, святаго, блаженнаго“...

Грустно несется мелодія и слова берутъ душу въ плѣнъ.

Прекрасныя, святыя слова! Въ какія времена въ первый разъ запѣли ихъ люди?

Кругомъ шумѣла злоба и свирѣпыя звѣри разрывали на части тѣла беззлобныхъ людей; тогда мученикъ Анѳимъ нашелъ для чувства прекрасное слово. И пѣли о тихомъ свѣтѣ уставшіе отъ клеветы и зависти, отъ страданій близкихъ, отъ тяжкаго грѣха міра. Мечтали о ласкѣ, о царствѣ кроткихъ, о чистой радости. И былъ Христосъ для нихъ, какъ лучъ уходящаго солнца, какъ „свѣтъ вечерній“.

Кроткіе и чистые сердцемъ! Къ вамъ эта пѣсня о тихомъ свѣтѣ, о закатѣ солнечномъ.

Было время, о. Павелъ былъ молодъ, не зналъ жизни и думалъ иное о церкви.

Въ церковь ходятъ тупые и черствые люди; тамъ холодъ и мракъ. Нѣтъ ни тепла, ни жизни, ни яркой мысли.

И первое время, когда сталъ священникомъ,

онъ мучился многими. Умретъ человекъ. Близкіе люди тяжело страдаютъ. Имъ бы побыть однимъ, подѣлиться горемъ съ друзьями. Но приходитъ онъ—чужой человекъ—и дѣлаетъ для нихъ ненужное дѣло.

И только потомъ разглядѣлъ: это нужно людямъ, они ищутъ, не могутъ безъ этого быть. Даже тѣ, кто далеко отъ церкви.

Вотъ отказала въ этомъ церкви знаменитому писателю, ее отрицавшему, и онъ обидѣлся, обидѣлась его семья, и съ ними обидѣлась едва половина Россіи. Но вѣдь это же дѣло, для васъ ненужное?

Все позабыли люди, а это держать крѣпко, какъ прежде.

И когда побылъ долго около церкви, увидалъ здѣсь сильную вѣру; услышалъ человеческую душу, которая мятется, кричитъ и стонетъ. И цѣлыя толпы людей тянутся къ ней измученнымъ сердцемъ съ жаждой поддержки и облегченія.

Въ церкви у всѣхъ, хоть на мигъ, унесется душа туда, гдѣ лучше, чѣмъ здѣсь. Какіе-то отблески увидитъ немеркнущаго свѣта, тихое умиленіе коснется душъ; пусть слабо, чуть ощутимо, но почувствуетъ Божию святую любовь. Что такое Божія святая любовь? Отблескъ одинъ даетъ знать, что она безъ мѣры и несказанно прекрасна.

Не надо церкви? Но въ церкви душа человека. Что порыванія къ идеальному міру въ

поэзіи, въ музыкѣ, въ краскахъ? Въ церкви имя Его называютъ, смотрятъ прямо въ лицо Его.

„Казенная“ церковь? Но вѣдь это далеко, далеко. Какое мнѣ дѣло до нихъ? Мнѣ нуженъ Богъ благостный, Христосъ мой, меня жалѣющій. Мнѣ нужны слова о тихомъ свѣтѣ святой, не земной, не завистливой славы, какъ были нужны всѣмъ, кто вѣка слушалъ ихъ. Солнце сказало ихъ людямъ, и звѣзды, и горы, и ширь безпредѣльнаго моря, озаренная свѣтомъ луны. Боль сердца моего ихъ приняла и безпомощность моя возлюбила.

Догматы церкви? Но съ ними бесѣдуютъ мудрые. Они нужны, какъ высокіе своды великаго храма. Я же рѣдко взгляну на ихъ далекую стройность.

Земныя страданія покорили душу священника.

Было ли у него свое, личное горе? О конечно, было много всякаго горя. Умирали дѣти и близкіе люди, были муки сомнѣній и много всякихъ невзгодъ. Но сколько кругомъ чужого несчастья? И свое потонуло въ чужомъ. И ужъ трудно было, и для чего, различать, гдѣ свое и чужое?

Сердце плакало о краткости жизни, о болѣзни тѣла, о томъ, что мало силъ для борьбы со смертью и временемъ.

Страшнымъ казалось время. Все побѣждаетъ, все погребаетъ его неумолимая сила. Сколько

людей видѣлъ священникъ, и съ ними горя, паденій, надеждъ. Гдѣ это все? И сколько уже позабытыхъ. Иногда изъ тьмы забвенія покажется чье-то лицо, послышится голосъ. Какое было острое горе, какая богатая душа, и вотъ уже нѣтъ о ней памяти.

Гдѣ гордые, гдѣ смѣлые, для которыхъ, какъ пиръ, была жизнь? Гдѣ тѣ, которые жили печально и такъ обычно, обычно недолго?

Иногда смотрѣлъ священникъ въ ясные глаза ребенка, и уже видѣлъ его въ своихъ мысляхъ юношей, и грѣшнымъ, и старцемъ, и вотъ уже поютъ надъ нимъ погребальныя пѣсни. Иногда бесѣдовалъ съ мужемъ, полнымъ силъ и стремленій къ прекраснымъ дѣламъ, и видѣлъ: уже прошла надъ нимъ чреда временъ и погасила на землѣ имя его и уже нѣтъ памяти о дѣлахъ его.

И сердце возненавидѣло время; оно было врагомъ живымъ, безжалостнымъ и непобѣдимымъ. Только въ церкви почувствовалъ священникъ, что есть иное, большее времени, бытіе. Громаднѣе времени, но въ Его необъятномъ величій ощущается человѣку родное. Оттуда Христосъ и, значить, оттуда жалость, такъ понятная мнѣ, съ неба принесъ Онъ добрый взглядъ чистыхъ очей Своихъ, небу тоже знакомы кроткія чувства.

О, пусть я уйду и памяти не будетъ обо мнѣ. Но благодарю Тебя за дыханіе жизни моей. Ты великъ, я же малъ безконечно, но безмѣрно Твое милосердіе. Я вѣрю Тебѣ и люблю Тебя.

Разсѣкаетъ время молитва и смерть побѣждается любовью.

Только въ церкви снимается съ тѣхъ, что ушли и забыты, вѣковѣчная тяжесть временъ. Ихъ нѣтъ, но доселѣ слышны ихъ стоны, и третны муки; все такъ же горятъ неисцѣлимые раны. Какъ прежде, въ церковной молитвѣ звучитъ ихъ вопль Всемогущему, полный вѣры и жгучей надежды. О, когда исполнится мѣра человѣческой скорби?

Такъ незамѣтно въ думахъ и молитвѣ проходила всенощная. Иногда о. Павелъ медлилъ сказать нужный возгласъ; не забывалъ его, мысли бѣжали толпой и не хотѣлось отъ нихъ уходить.

Потомъ читалъ Евангеліе. Онъ любилъ евангелія утрени. Въ нихъ каждый разъ говорится о воскресшемъ Христѣ. Сегодня читалось о женщинѣ, спѣшившей ко гробу Спасителя.

Все это было: раннее утро, пустынная дорога и на ней одинокая женщина. Какъ ей было жаль Его! Она видѣла, какъ прибывали Его ко кресту, слышала стукъ молотковъ; шла за Нимъ вчера, когда Его вели на Голгофу. „Дщери Іерусалимскія! Не плачьте обо мнѣ...“ Но развѣ она могла удержать слезы о Немъ?

И спѣшила, спѣшила...

Господь воскреснетъ? Нѣтъ, она не вѣрила этому. Поклонялась Ему, видѣла чудесныя дѣла Его. Да, это пророкъ. Умиѣ всѣхъ, добрѣе всѣхъ, святѣе всѣхъ. Но чтобы это былъ Богъ?

Развѣ могла ея мысль осилить это? Чтобы это былъ Творецъ міра—неба, звѣздъ и моря—Онъ, который ходилъ съ ними, такой ласковый и близкій? Который улыбался цвѣтку, гладилъ по милымъ головкамъ дѣтей, который такъ умѣлъ утѣшить? Нѣтъ, этому не вѣрила она.

Она просто бѣжала исполнить обрядъ. Какъ же не отдать послѣдній долгъ? Со своей женской привязанностью ко Христу и обряду она думала: былъ бы богатъ, сдѣлали бы все. А развѣ Онъ не былъ богаче богатыхъ любовью, святостью, лаской? Убили и не похоронили, какъ слѣдуетъ.

Прибѣжала и вдругъ—Его нѣтъ. И она заплакала. Унесли тѣло, спрятали, хотятъ выместить до конца. Они сильны—Его враги. Она же беспомощна—что она можетъ сдѣлать? И заплакала отъ скорби, отъ жалости, отъ беспомощности. Кто-то идетъ? Садовникъ? О, конечно, онъ знаетъ, куда Его унесли, безъ его вѣдома не могли унести, онъ вѣрно и помогаль имъ. „Господинъ, если ты взялъ Его, скажи, гдѣ Его положилъ?“

И вдругъ голосъ: Марія! Она смотритъ, она въ смятеніи, въ ужасѣ. Что это? Видѣніе, призракъ, мертвый?! Но нѣтъ, это Его глаза, Его лицо, это Онъ! Онъ! Живой, такой же ласковый, такой же добрый, исполненный благодатной любви. И бросилась на колѣни и простерла къ Нему руки, и въ ужасѣ и въ восторгѣ закричала: Учитель!

Да, да, такъ это было. Пришла по любви къ Нему обрядъ исполнить и увидѣла Богочеловѣка воскресшаго. Не отринувъ Онъ бѣдное сердце женщины, любившей церковный обрядъ, но открылъ ея взорамъ великую міровую тайну.

Ея—первой, раньше всѣхъ? Да, раньше мудрыхъ, которые насколько шире поняли бы то, что совершилось? Потому что она любила больше всѣхъ; о, пусть чрезъ ничтожный обрядъ, но горячѣе всѣхъ стремилось къ Богу сердце ея.

Потомъ о. Павелъ стоялъ на срединѣ церкви и благословлялъ людей, которые подходили приложиться къ Евангелію.

Многихъ онъ зналъ хорошо. Подходили старые люди съ утомленными отъ жизни глазами. Озаренные лучемъ свѣчи на мигъ сверкали бодрые глаза молодыхъ. Были и дѣти, малыя и милыя. Христосъ съ вами! Помоги вамъ Богъ вырасти, дѣти милыя!

Не только лица, души многихъ знакомы ему. Часто онъ могъ бы сказать, о чемъ люди молятся такъ усердно.

И по мѣрѣ того, какъ проходили люди, все больше разгоралось сердце священника. И какъ будто падали лучи его глазъ на глаза людей, какъ будто проникали въ души ихъ. И кто уходилъ отъ Евангелія, уносилъ въ своей душѣ новое, свѣтлое чувство. И новое замѣтилъ въ себѣ священникъ. Давно не испытанная бодрость наполнила его душу и тѣло. Какъ будто помолодѣлъ, подумалъ онъ о себѣ и тихо засмѣялся.

Такъ вотъ и идутъ они. Идутъ цѣлые вѣка, сегодня, какъ сто лѣтъ назадъ и тысячу лѣтъ. И когда подумалъ, что цѣлые вѣка и по всей землѣ движутся люди и, цѣлуя крестъ и Евангеліе, стремятся душой всѣ къ одному и съ однимъ желаніемъ, сердце затрепетало любовью и жалостью къ нимъ.

И онъ понялъ сердцемъ, что великому стремленію людей, несчастныхъ и жаждущихъ счастья, грѣшныхъ, но тоскующихъ о святости, былъ данъ великій отвѣтъ — пришелъ съ неба Богъ и отдалъ за нихъ Свою жизнь.

И обрадовались люди жертвѣ Божіей; увидели, что не одиноки въ горѣ и страданіи, не одиноки въ болѣзняхъ и мукѣ предсмертной. И каждый хочетъ причаститься Божіей жертвѣ, протягиваетъ руки, стремится душой.

И такое сильное чувство наполнило душу священника, что не могъ онъ устоять на мѣстѣ и, не дождавшись, пока пройдутъ всѣ люди, пошелъ въ алтарь. Но когда пришелъ, не зналъ, зачѣмъ пришелъ, стоялъ передъ престоломъ и слезы текли у него по щекамъ. Онъ ждалъ, такъ какъ чувствовалъ, что сейчасъ что-то необычное будетъ съ нимъ.

Сердце остановилось; задрожали ноги.

Пронеслась мысль: не умираю ли я? Онъ какъ будто всегда ждалъ, что умретъ во время службы. Но мысль эта не взволновала его и не нарушила того, что было въ душѣ.

Что-то пѣли на клиросѣ, слова пронеслись

въ сознаниі, но сердце не откликнулось на нихъ. Мысль о смерти ушла, но онъ уже умиралъ. Последняя жалость къ людямъ и землѣ наполнила душу и она встрѣтилась вдругъ съ новой, могучей волной любви къ Тому, Кто далъ жизнь и свѣтъ. Съ лицомъ, омоченнымъ слезами (онъ ихъ не замѣчалъ), онъ смотрѣлъ передъ престоломъ. Какъ будто собралось въ его душу все тяготѣніе къ Богу, которое воспринялъ въ себя въ этихъ стѣнахъ за долгіе годы постоянныхъ служеній, и, наполнившись свѣтомъ молитвъ и вѣры, которую видѣлъ здѣсь, освѣщенный пламенемъ тяжелыхъ человѣческихъ мукъ, которыхъ столько воспринялъ въ свое сердце, — онъ ринулся въ свѣтъ, безконечно болѣе яркій, неизъяснимо великій и радостный, который вдругъ открылся предъ нимъ.

Мальчикъ, прислуживавшій въ алтарѣ, замѣтилъ, что о. Павелъ выпрямился, потомъ странно покачнулся и склонился на полъ. Мальчикъ испугался, но не тронулся съ мѣста. И прошло нѣсколько минутъ, пока не подошелъ сторожъ взять благословеніе на кружечный сборъ. Онъ увидалъ, что съ батюшкой нехорошо.

И только черезъ десять минутъ пришелъ въ церковь испуганный о. Петръ и долго искалъ въ требникѣ трясущимися руками, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Потомъ тѣло о. Павла унесли домой, а о. Петръ кончилъ всенощную.

Небо.

Иванъ Смирновъ долго ходилъ по темному корридору и все больше разгоралось его сердце.

— Я долженъ помочь Петрову, говорилъ онъ себѣ, если его выгонять изъ семинаріи, онъ погибнетъ, какъ погибъ Ножинъ и другіе.

И когда онъ представилъ, какъ пойдетъ къ инспектору, объяснить все, что надо, и Петрова оставить, душа наполнилась благодарностью къ Богу, который научилъ, что дѣлать, и слезы подступили къ глазамъ.

Послѣднее время Иванъ весь былъ проникнутъ думами о Богѣ и объ исполненіи Его воли. Стоялъ ли въ церкви, онъ ощущалъ такое огромное счастье близости къ Богу, что не могъ насытиться всѣмъ, что было въ душѣ, и утомительная церковная служба проходила незамѣтно. И когда, какъ сейчасъ, ходилъ одиноко въ темномъ корридорѣ, въ душѣ сіялъ яркій свѣтъ, и мысли, какъ жертва предъ Богомъ, горѣли чистымъ огнемъ. И когда на урокахъ учитель холодно говорилъ слова святые и пламенные, а также холодно слушали ихъ

ученики, онъ воспринималъ всякое слово о Богѣ, какъ жизнь.

Душу наполнило чувство жалости къ людямъ. Какъ всѣ несчастны! Счастье же такъ возможно. И усиливалось желаніе влить въ нихъ признаніе Христовой истины, вѣру въ Бога, съ которой жить такъ радостно и не страшно.

Желаніе и мысли объ этомъ были такъ стремительны, что Иванъ сжималъ руками виски, сдерживая почти физически осязаемое напряженіе мозга. Въ сердцѣ же было мучительно сладко, и по временамъ охватывалъ страхъ потерять эту радость, и хотѣлось умереть.

Хорошо перейти къ Богу, когда чувствуешь, что Онъ не далекъ отъ тебя.

Пробилъ звонокъ на вечернія занятія. Ученики пошли по классамъ.

Иванъ минуту постоялъ, призвалъ на помощь Бога и рѣшительно пошелъ въ учительскую комнату.

Посрединѣ стоялъ большой столъ. Инспекторъ сидѣлъ по ту сторону стола и читалъ книгу. Услышавъ шаги, поднялъ голову, узналъ Ивана и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

У Ивана упало сердце и, должно быть, онъ поблѣднѣлъ.

— Отецъ инспекторъ, сказалъ онъ не своимъ голосомъ, вы рѣшили исключить Петрова?

— Да, а что? проговорилъ инспекторъ.

— Но вѣдь Петровъ не виноватъ.

— Какъ не виновать? Инспекторъ отодвинулъ книгу и внимательно всматривался.

Въ сознаниі ученика мелькнула мысль, что онъ дѣлаетъ напрасное и странное дѣло, но пересиливъ себя, онъ кинулся сказать скорѣе все, что хотѣлъ.

— Петровъ виновать, отецъ инспекторъ, но его не слѣдуетъ исключать. Онъ погибнетъ, а онъ не дурной человѣкъ, очень не дурной. Можно ли исключать, если мы всѣ виноваты въ его поступкѣ?

Инспекторъ всталъ и подошелъ къ ученику, удивленно смотря на него.

— Я васъ не понимаю, сказалъ онъ, вы пришли просить за Петрова?

— Просить? сказалъ Иванъ, волнуясь и горячо, на глазахъ у него заблестѣли слезы. Нѣтъ, не просить, но я хочу сказать, что надо по христіански смотрѣть на людей и дѣла. Надо было учить Петрова добру, отговаривать его, быть съ нимъ дружнѣе. И вообще... Христосъ не выключилъ бы его!..

Послѣднія слова вырвались неожиданно и сразу же подумалось: что я дѣлаю? Какія мои слова не убѣдительныя... и смѣшныя.

Инспекторъ былъ въ нерѣшительности; хотѣлъ что-то сказать, потомъ, молча, прошелся по комнатѣ и, наконецъ, заговорилъ:—вотъ что, Смирновъ, вы очень мечтательны. Такъ нельзя, голубчикъ. Вы мало спите? Много занимаетесь? Много думаете?

— Отецъ инспекторъ, съ горечью сказалъ Иванъ, да развѣ это важно? Вѣдь Петровъ погибнетъ, Ножинъ погибъ же. И развѣ Христосъ не училъ прощать?

Указаніе на Христа вырвалось опять неожиданно, но показалось очень убѣдительнымъ и, обрадовавшись, онъ повторилъ: Христосъ велѣлъ прощать до семидесяти разъ.

— Все это такъ, заговорилъ инспекторъ, стараясь быть ласковѣе, но вы слышали, что было прежде въ семинаріи? Если не выгонять такихъ, какъ Петровъ, что же намъ дѣлать? Оставьте вы это дѣло. Идите и успокойтесь. И знаете, ложитесь-ка на недѣльку въ больницу, отдохните. Я скажу доктору. Очень вы худы.

Инспекторъ, очевидно, взволновался необычнымъ ходатайствомъ ученика, но разговоръ былъ конченъ. Иванъ поклонился и вышелъ.

Было тяжело итти въ классъ. Онъ одѣлся и вышелъ на улицу.

Переставалъ дождь. Въ воздухѣ носился запахъ земли, какой бываетъ весной послѣ теплаго дождя.

Иванъ шелъ по набережной. Онъ упалъ духомъ. Вспомнилъ то, что хотѣлъ сказать инспектору, все то, о чемъ думалъ послѣдніе дни. Всѣ мысли и теперь были предъ нимъ; сегодня онъ были тѣ же, что и вчера. Но вчера наполняли душу восторгомъ, казалось, онъ могутъ передѣлать міръ, а сегодня это были обычныя мысли, которыя извѣстны всѣмъ и безсильны

— Вотъ сейчасъ думалъ онъ, начнется совѣтъ, учителя будутъ говорить о дѣлѣ Петрова и, навѣрно, инспекторъ расскажетъ, какъ приходилъ къ нему Иванъ Смирновъ и именемъ Христа убѣждалъ не выключать Петрова. Какой смѣшной случай!

— Господи! сказалъ онъ съ чрезвычайнымъ напряженіемъ, Господи! Помоги мнѣ!

Но ощутилъ лишь слабость и горе. Свободнаго и свѣтлаго чувства, которое сказало бы, что Богъ услышалъ, въ немъ не было.

Тогда онъ взглянулъ на небо и на себя и и будто кто другой увидалъ: вотъ стоитъ маленькій, жалкій человѣчекъ на берегу рѣки, и его мочить дождь. И во всемъ мірѣ нѣтъ никого, кто бы его пожалѣлъ.

И какъ будто пришелъ въ себя и сказалъ: да, вотъ я весь тутъ. Что же: могу я чтонибудь сдѣлать и слышать меня Богъ?

И далекимъ, далекимъ казался Богъ.

Самъ же онъ былъ какъ соломинка, брошенная въ широкое море. И стало мучительно жаль себя.

Дождь пересталъ. Должно быть прошло много времени. Показались луна и звѣзды и стало свѣтлѣе.

Иванъ пошелъ въ семинарію. Тѣло ослабѣло. Входная дверь показалась тяжелой.

Когда онъ поднимался въ спальню, встрѣтился товарищъ.

— Знаешь, Смирновъ, сказалъ онъ, Петрова оставили.

— Оставили?

Да, совѣтъ еще не кончился, но сейчасъ сказали, что о Петровѣ рѣшено: сбавить поведеніе и оставить въ семинаріи.

Иванъ едва устоялъ на ногахъ. Радостный и сіяющій, онъ бросился наверхъ.

Многіе ученики уже спали. Иванъ взялъ съ кровати подушку и, положивъ ее подъ грудь, улегся на широкомъ окнѣ.

Душу наполнило громадной волной: радость, благодарность къ Богу, негодованіе на себя.

Трудно собраться мыслями. Глаза бродили по небу и впивались въ то, что тамъ было. Высоко поднялось оно и было свѣтло и безмѣрно, и горѣли звѣзды.

Душа хотѣла охватить эту безконечность, всю великую бездну тишины и покоя и, вбирая въ себя, возвышалась сама.

Тихо было въ небѣ, но тамъ ошутимо совершалась великая и чудесная жизнь. И отзвуки ея были слышны душѣ. Затихала бурная радость. Ушелъ изъ сознанія Петровъ и его дѣло. Неслышны вздохи и стоны спящихъ.

Несутся безмѣрные міры. Кто громадный владеетъ ими? И что передъ нимъ наши дѣла? Что передъ его величіемъ этотъ городъ, и наша страна, и земля?

Внизу, на рѣкѣ, заскрипѣли весла и послышался дѣвичій смѣхъ. Запѣли пѣсню. Какъ

всѣ пѣсни, она давала мало словъ, но вызывала много чувствъ и образовъ. Томила душу и куда-то звала.

Далеко, далеко, среди первобытнаго лѣса, полуголые люди что-то кричатъ, торжествуя, къ небу дикими голосами.

И другіе люди, важные и строгіе, поднимаются медлительными движеніями на вершину холма и, поднявъ руки, стоятъ, и свѣтъ ночи озаряетъ ихъ вдохновенныя лица, устремленныя къ небу.

Далекіе, глухіе лѣса. Подъ низкіе, пахнушіе гнилью, ихъ своды тяжело идутъ блѣдные, съ желтыми лицами, старцы. Но горятъ ихъ души и горятъ глаза, и подъ низкими сводами лѣса видятся имъ необозримые просторы небесъ.

Все это было? Но, можетъ быть, есть и теперь. Ибо для Бога что исчезаетъ? Одинъ мигъ проживъ на землѣ, идутъ теперь по инымъ странамъ, возносятся выше и выше.

И кажется, молитвы святыхъ, вдохновенныя устремленія къ небу мудрыхъ людей и эта пѣсня, влекущая душу, близка другъ другу.

Особый міръ. Хорошо въ него унестись. Въ немъ свободно и сладко душѣ. Улетаютъ далеко заботы земли. Здѣсь ходятъ тѣни иныхъ вещей, лучи сіяютъ нездѣшняго свѣта, звуки слышны пѣсенъ незримыхъ міровъ.

Тихая гармонія наполнила душу. Иванъ почувствовалъ приближеніе минуты, которая да-

вала чудесную радость, вливала въ душу великую полноту бытія.

Раздвинулись границы пространства и времени. Слились и потеряли себя. И вдругъ, въ одномъ ослѣпительномъ мигѣ явилась жизнь вѣковъ. Сколько лицъ, какое разнообразіе звуковъ, какое множество дѣлъ! Что это? Радость ли въ свѣтѣ неизрѣченномъ, или свѣтъ въ неизъяснимой радости? И все—въ несказанно быстромъ движеніи?

Сердце замерло. Иванъ схватился рукой за окно: ему показалось, что онъ упадетъ.

Прошло много лѣтъ. Поздно вечеромъ о. Иванъ возвращался домой.

Случилось такъ, что всю эту недѣлю, каждый день, приходилось исповѣдывать и причащать больныхъ. И хотя за много лѣтъ службы на приходѣ о. Иванъ привыкъ къ этому дѣлу, но послѣдняя недѣля легла на душу особенно тяжело. Умирили все молодые, страстно желавшіе жить, и умирали въ тяжелой мукѣ.

Позавчера, войдя къ больному, въ номеръ гостиницы, онъ не понялъ сначала, что тамъ происходитъ. Стояли въ беспорядкѣ корзины, было душно и горѣла свѣча, плохо освѣщая уголь, гдѣ находилась кровать. На кровати лежалъ больной, возлѣ, на колѣняхъ, стояла женщина. Они говорили другъ съ другомъ, но разговоръ былъ такъ страшенъ, что казалось, говорятъ люди, сошедшіе съ ума. И о. Иванъ хотѣлъ выйти, чтобы узнать, туда ли онъ попалъ.

Но женщина замѣтила его и подошла.

Нѣтъ, священникъ не ошибся: это былъ больной, къ которому его пригласили. Но больной былъ въ бреду; сестра же его, вызванная телеграммой доктора и только что пріѣхавшая, принимала бредъ за разумныя рѣчи, отвѣчала и, растерявшись, хотѣла что-то растолковать ему.

Когда открыли окно и свѣжій воздухъ наполнилъ комнату, больной пришелъ въ себя, обрадовался сестрѣ, причастился. Но черезъ полчаса опять забылся, и снова въ отчаяніи заметалась сестра.

А вчера о. Иванъ причащалъ дѣвушку. Пригласила мать. Сама же больная, когда онъ вошелъ, испуганно взглянула на него и, не сдержавшись, горько заплакала.

Была она совсѣмъ молоденькая, лѣтъ семнадцати, и лицо и руки ея не исхудали. Не вѣрилось, что она скоро умретъ.

И когда священникъ разговорился съ ней, она повеселѣла и стала смѣяться. Лицо ея было очень красиво и радовалъ душу звонкій и жизнерадостный смѣхъ. И было замѣтно, что ея обаянію подчинялись всѣ вокругъ; не только мать слѣдила за каждымъ ея движеніемъ, но и женщина, которая ходила за нею и, должно быть, всѣ, кто ее видѣлъ.

— Это что у васъ?

— Да кукла же, кукла! И дѣвушка смѣялась, хотя слезы еще не высохли на лицѣ.

— Она просила купить ей куклу, объяснила мать, сестра и прислала ей въ подарокъ.

— А вотъ и другая, сказала дѣвушка. Дѣйствительно, по другую сторону кровати, на стулѣ, лежала другая кукла.

— Это ей докторъ привезъ.

Но когда заговорили о болѣзни, ясные глаза дѣвушки наполнились слезами и опять она горько заплакала.

Такъ она плакала, когда смотрѣла въ лицо смерти, а когда, минутой, забывала о ней, играла въ куклы.

Сейчасъ о. Иванъ былъ у мальчика, ученика реальнаго училища. Мальчикъ лежалъ давно. Тѣло его изболѣло, и онъ все время былъ въ движеніи. Прикоснется къ постели и весь вздрагиваетъ отъ боли, кричитъ, плачетъ, проситъ всѣхъ: ради Бога помогите! Ну, помогите же! Какъ же такъ? Я не могу. Ради Бога!

Онъ мучился уже не одну недѣлю и помочь ему было нечѣмъ. Концомъ его ужасныхъ страданій могла быть смерть, но она не приходила къ нему.

О. Иванъ думалъ о томъ, что вотъ онъ ѣдетъ здоровый и вдыхаетъ свѣжій воздухъ, и спокойны тихія улицы города, но, Господи! Сколько горя таятъ въ себѣ молчаливые дома.

Городъ раскинулся на склонахъ горы и вездѣ—внизу и вверху—красиво свѣтились огни. Тамъ люди что то работаютъ, страдаютъ, любятъ. Иные счастливо смѣются. Но надолго-ли? Жизнь

коротка и радость такъ непрочно. Больной мальчикъ и сейчасъ мечется въ кровати и не найдетъ покоя всю ночь. И представивъ, какъ онъ страдаетъ, измучивъ себя и родныхъ, священникъ задрожалъ отъ ужаса. А на другомъ концѣ города безпокойно не спитъ сейчасъ прекрасная и жалкая дѣвушка и плачетъ безпомощно, смотря въ лицо идущей смерти. Сколько горя только здѣсь въ небольшомъ городѣ!

Въ душѣ о. Ивана стала подниматься волна молитвы къ Богу, чтобы помогъ, исцѣлилъ бы несчастнаго мальчика и прекрасную дѣвушку. Но сейчасъ же упала волна. Сколько больныхъ прошло предъ его глазами и когда въ тѣлѣ не оставалось жизни, они умирали. Его молитва бессильна. Бессильна молитва людей передъ смертью. И если бы собрать сейчасъ любовь со всѣхъ концовъ земли, она и на одинъ день не прибавила бы несчастнымъ жизни. Всѣ безпомощны. Никто ничего не знаетъ. Взоры людей устремлены туда, гдѣ все невѣдомо; молитвы и надежды обращены къ тому, кого никто никогда не видалъ.

Мысли шли тяжелыя, безрадостныя, мертвыя. Были онѣ отъ усталости, отъ тяготы жизни, отъ того, что каждый день человѣческое горе ложилось на душу.

О. Иванъ поднялъ лицо и посмотрѣлъ на небо. Высоко и необъятно оно горѣло въ звѣздахъ. И слабому человѣческому сердцу тяжелымъ показалось безмолвіе неба.

И какъ всегда, въ часы душевной тревоги онъ вспомнилъ Христа. Передъ страданіями Господь ночью стоялъ на молитвѣ и также смотрѣлъ въ вѣчное небо. Говорятъ объ этихъ минутахъ Христа: Онъ переживалъ тогда горе всѣхъ людей, сострадая, молился о всѣхъ, жившихъ раньше и тѣхъ, кто долженъ прійти. Въ Его душѣ проносились муки безчисленнаго количества людей, и этой дѣвушки, и мальчика, и мой.

Но можно ли это? Сколько неотомщенныхъ страданій поглотили вѣка. Кто о нихъ помнить? можно ли это?

И вдругъ яркая мысль всколыхнула душу: да можно же, можно! Ибо вѣдь Онъ и пришелъ изъ тѣхъ глубинъ, гдѣ вѣчно и необъятно.

Священникъ вспомнилъ далекое время юности и что ему тогда сказало небо.

Всѣ мы черпаемъ отъ этого источника. Источникъ одинъ, напояются же имъ миллионы. И эта мысль—пострадать одному за всѣхъ—пришла оттуда, изъ небесныхъ глубинъ. Земля не могла ея дать. Она такой же ширины, какъ этотъ необъятный просторъ. Только тамъ могла зародиться, оттуда прійти. И то, что она пришла, осіянная свѣтомъ горнихъ міровъ, это и заставило сердца людей устремиться къ ней трепетно. И когда Господь смотрѣлъ на небо, думая умереть за людей, въ Его душѣ эта, мысль единилась съ вѣчностью. Онъ бесѣдовалъ съ Отцомъ, тамъ живущимъ. Оттуда былъ голосъ:

иди и страдай! Тамъ, въ высокомъ небѣ, есть нѣкто живой, который вмѣстѣ со мной переживаетъ мое горе и вмѣстѣ со мной враждуетъ со зломъ и страданіемъ.

Стало ясно священнику, что страданія отдѣльныхъ людей единятся въ великомъ общемъ страданіи. Оно раскинулось широко, наполнивъ землю и, можетъ быть, міръ и бездонно, какъ небо, по глубинѣ своей. И во всемъ громадномъ хаосѣ безчисленныхъ мукъ, мольбы и тяжкаго человѣческаго горя есть только одна опора: страданія Христа. Они связали землю и небо, дали временному основу въ вѣчности, многому въ единомъ. Въ Его страданій нѣтъ смысла въ страданіяхъ отдѣльныхъ людей. Сегодня есть они, а завтра ушли, и зачѣмъ вспоминать о нихъ?

Бѣдный, измученный мальчикъ! Придетъ часъ, тебя покроетъ земля, и во всемъ мірѣ не будетъ, кто бы вспомнилъ ужасную муку твою.

Только Христово страданіе связало въ одно безчисленныя скорби земли и дало имъ смыслъ.

Да будетъ же благословенъ Его крестъ!

Такъ вотъ отчего человѣкъ, потерявъ надежду получить помощь отъ близкихъ и дорогихъ, уже смотря въ ужасные глаза смерти, въ послѣдній часъ вдругъ какъ бы освѣщается внутреннимъ свѣтомъ, начинаетъ быть покоенъ и радостенъ. Отходя отъ людей, погружается въ тайну смерти и находитъ тамъ опору не-

человѣческой твердости, единится съ вѣчностью. И уже не ужасаетъ его великое одиночество смерти.

Переливались и трепетали звѣзды и выше поднялось высокое небо. Но видѣлось: въ его торжественномъ безмолвіи совершается великая жизнь.

И священникъ смирился душой и сказалъ:— не безъ цѣли Ты приобщилъ насъ къ сознанію, которое ведетъ насъ къ Тебѣ. Помоги же намъ и научи. Мы слабы и бѣдны.

И въ небѣ ли, или въ душѣ человѣка прозвучалъ отвѣтъ: знаю, что слабы и бѣдны, потому и шелъ пострадать.

Богъ ярко ощутился душой. Развѣ жгучій огонь предсмертныхъ мукъ не отъ Божьяго пламени жизни, который не хочетъ погаснуть? И развѣ не Божію мысль шлютъ на землю эти безчисленные свѣты небесъ?

ДВѢ ВОЛИ.

Въ исторіи перваго христіанства есть фактъ, отмѣченный много разъ: христіане радовались страданіямъ и мученичеству. Нѣкоторые изъ нихъ настойчиво искали страданій. „О, если бы не лишиться мнѣ приготовленныхъ для меня звѣрей“, писалъ напр., въ одномъ изъ посланій св. Игнатій Богоносець, по дорогѣ въ Римъ ведомый на казнь. „Молюсь, чтобы они съ жадностью бросились на меня. Я заманю ихъ, чтобы тотчасъ же пожрали меня“.

Это было сильное, общее многимъ стремленіе. Случалось, что отцы Церкви вынуждались писать увѣщанія не искать мученичества. На ищущихъ неразумно страданій налагались даже наказанія.

Вмѣстѣ съ этимъ фактомъ есть другой, столь же достовѣрный: Самъ Христосъ не радовался страданіямъ и не искалъ ихъ. Напротивъ, Онъ ихъ не хотѣлъ; въ минуты страданія испытывалъ чувство тяжелаго одиночества. И въ Геесиманскомъ саду, и уже распятый, тосковалъ глубоко: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ?

Гдѣ причины такого различнаго отношенія къ страданіямъ и смерти со стороны христіанъ и со стороны Самого Христа?

Христіане искали страданій потому, что страдали Христосъ: они подражали Ему и путемъ муки шли въ тотъ міръ, въ которомъ Господь встрѣтилъ ихъ съ любовью и лаской. Они отдали Господу души. „Желаніе имый разрѣшиться и со Христомъ быти“ — эти слова св. апостола говорили о чувствѣ, которымъ были сильно, напряженно проникнуты очень многіе. „Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержитъ меня пріити ко Іисусу Христу (св. Игнатій)“.

При такомъ настроеніи выполнить то, что Онъ заповѣдалъ, сдѣлать такъ, какъ сдѣлалъ Онъ, ходить, какъ Онъ ходилъ; какое высшее наслажденіе можетъ быть для человѣка? Какая болѣе высокая цѣль?

И они, радуясь, умирали.

Взоръ мучениковъ былъ взоромъ людей, воспламененныхъ любовью къ Святому, Который жилъ среди нихъ. Личность Господа могущественно приковала къ себѣ ихъ вниманіе все остальное видѣлось за Нимъ, въ отдаленіи, какъ нѣчто второстепенное.

Вспомнимъ, какой короткой казалась имъ жизнь человѣческая; какъ она обрывалась для нихъ съ концомъ Христовой жизни. Господь ушелъ на небо — зачѣмъ же, для чего людямъ жить? И они увѣренно думали, что конецъ міра близится, видѣли антихристовъ, восклицали:

ей, гряди, Господи Исусе! И вѣрили, что илеть скоро, не закоснить.

Земля и все, что на ней, уже несли въ себѣ неминуемую и близкую смерть. Кое-гдѣ еще звенѣла нота жизни, здоровья и счастья, но болѣзнь, печаль и смерть были слышны за нѣю. Струна была надорвана, была уничтожена вѣра въ дѣйствительную цѣнность этого міра.

Какъ не радоваться, что Господь избавляетъ быть участниками агоніи міра и даетъ счастье—не бывъ свидѣтелями величайшихъ потрясеній—разомъ перейти въ несказанную радость.

Христіане стояли у подножья горы и смотрѣли на ея вершину, гдѣ былъ Господь. Они видѣли только Его. Онъ же стоялъ на вершинѣ и видѣлъ то, что было за горой, и то, что было надъ нею.

Онъ смотрѣлъ не на этотъ только періодъ времени, когда въ Римѣ царствовалъ Августъ и Пилать правилъ Іудеями; смотрѣлъ не на Петра только и другихъ учениковъ; не на фарисеевъ или тѣхъ слѣпцовъ, которыхъ встрѣчалъ на Галилейскихъ дорогахъ,—Онъ глядѣлъ куда-то въ иную даль, куда не могъ за Нимъ пойти человѣческой взоръ.

И, прежде всего, нельзя думать, что факты смерти и воплощенія Господа были глухи и слѣпы ко всему, кромѣ человѣка.

Первымъ христіанамъ, какъ часто и намъ теперь, все въ немъ казалось примѣромъ данымъ для людей. „Образъ бо дахъ вамъ, да яко

же Азъ сотворихъ, и вы творите такожде“. Онъ прощалъ, чтобы мы прощали; постился, чтобы мы постились; страдалъ, чтобы страдали, умеръ, чтобы умирали. Какъ намъ хочется думать, они думали, что совершая свой подвигъ, Господь смотрѣлъ исключительно на нихъ.

Но Его жизнь и страданія есть фактъ и помимо людей. Онъ былъ примѣръ, но все переживалъ и въ Себѣ: плакалъ, потому что Ему было тягостно; молился, потому что хотѣлъ умолить Отца. Ангель утѣшалъ, значитъ Ему было одиноко и жутко; взывалъ къ Отцу: зачѣмъ оставилъ Меня? слѣдовательно, въ чемъ то, дѣйствительно, былъ оставленъ Отцомъ. Все, кромѣ того, что для насъ, переживалось и въ Его внутренней жизни, переживалось въ Немъ и для Него, между Нимъ и Его Отцомъ. Воплощеніе вѣдь не было только какъ бы прогулкой для Вѣчнаго.

Оно рѣзко отразилось на мірѣ внѣшней природы, ибо вотъ земля потряслась и померкло солнце. Оно затронуло какъ то міръ безплотныхъ духовъ: ангелы желаютъ проникнуть въ великое таинство; діаволь недоумѣваетъ: *если Ты сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами... Если Ты сынъ Божій, бросься внизъ*...*)

*) Діаволь „не зная ясно неизреченнаго таинства воплощенія и Того, Кто предъ нимъ, коварно сплетаетъ новыя сѣти, чтобы такимъ образомъ узнать сокровенное и оставшееся въ неизвѣстности“ (св. Іоаннъ Златоустъ; т. VII, кн. I, стр. 132).

Но и относительно земной и человеческой истории, переживши почти двѣ тысячи лѣтъ послѣ этихъ событій, свидѣтели испытаннаго землею съ того времени, люди могли бы теперь указать многое, чего не видѣли первые христіане, но что видѣлъ Господь.

Міръ земли, о которомъ думали, что онъ идетъ къ своему концу, продолжаетъ существовать; болѣзнь и смерть мало и медленно поддаются молитвѣ „вѣрныхъ“, грѣхъ—воспитывающей силѣ христіанства.

Все это было закрыто отъ глазъ вѣрующихъ; Господь же смотрѣлъ въ даль, какъ въ открытую книгу.

Онъ видѣлъ то, что мы теперь видимъ, какую это грусть должно было дать душѣ Его?

Господь скорбѣлъ передъ страданіями и не любилъ ихъ.

Его душа всегда одинаково относилась къ горю и смерти, на встрѣчу ли къ Нему онъ шлѣ, или на встрѣчу другимъ.

Когда вглядывался Господь въ смерть, идущую къ Нему, Онъ тревожно говорилъ, съ чувствомъ тягостнымъ и скорбнымъ: „какъ томлюсь Я, пока это совершится“. И когда видѣлъ, что кто-либо другой впалъ во власть страданія, Онъ уничтожалъ страданіе неуклонно. И, конечно, это была присущая Ему, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ жизни, стоящая въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣломъ, Его мысль, Его намѣреніе: „благовѣствовать нищимъ, исцѣлять со-

крушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу“ (Лук. IV, 18).

Эта мысль проникаетъ Евангелія съ первой до послѣдней ихъ страницы.

„И ходилъ Иисусъ по всеѣмъ городамъ и селеніямъ, уча въ синагогахъ ихъ, проповѣдуя Евангеліе Царствія и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ. Видя толпы народа, Онъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря“ (Матѣ. IX, 35,36).

И такъ и понимали люди Его благую мысль; такъ и понимали, что Онъ можетъ, что Онъ хочетъ дать имъ здоровье, радость и жизнь.

„И куда ни приходилъ Онъ, въ селенія ли, въ города ли, въ деревни ли, клали больныхъ на открытыхъ мѣстахъ и просили Его, чтобы имъ прикоснуться хотя къ краю одежды Его; и которые прикасались къ нему, исцѣлялись“ (Матѣ. VI, 56)“.

Ясно звучитъ эта мысль въ тѣхъ словахъ Евангелія, гдѣ говорится, что Господь „милосердовалъ“ (Матѣ. XX, 34 и др.)“, когда видѣлъ обращавшихся къ Нему за помощью слѣпыхъ, хромыхъ, глухихъ людей, которые имѣли такъ называемые тѣлесные недостатки; она неопровержимо идетъ отъ тѣхъ событій въ Его дѣлѣ, когда Онъ воскрешалъ мертвыхъ: Онъ, знавшій весь ужасъ предсмертнаго страха, бралъ тѣхъ, которые его пережили, и возвращалъ въ этотъ

міръ, гдѣ имъ предстояло вѣдь испытать этотъ ужасъ вторично.

И если Господь говорилъ, что страданія и смерть необходимы, то сознаніе ихъ необходимости никогда не шло отъ желанія *Его* собственнаго сердца; ихъ необходимость нигдѣ не оправдана *Его* личвою мыслью, не выбрана *Его* хотѣніемъ. По смыслу всѣхъ Христовыхъ словъ, горе и смерть шли къ Нему со стороны: ихъ корень лежалъ въ человѣческомъ грѣхѣ; необходимость подчиненія имъ шла отъ мысли и воли Отца. „...Иисусъ началъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему *должно* идти въ Иерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту“ (Матѣ. XVI, 21)... „...Сыну человѣческому, какъ написано о Немъ, *надлежитъ* много пострадать и быть уничижену (Марк. IX, 12)...“ *должно* идти, *надлежитъ* пострадать, *написано* о Немъ, вотъ въ какихъ словахъ говоритъ Господь о грядущихъ страданіяхъ.

Центральнымъ мѣстомъ по вопросу объ отношеніи Господа къ страданіямъ надо считать Евангельскій рассказъ о молитвѣ въ Геѣсиманіи.

Въ тотъ моментъ Христосъ встрѣтился со страданіемъ въ его наиболѣе тяжелой формѣ: къ Нему шла смерть, и шла, когда Онъ былъ въ тѣлесномъ здоровьѣ и въ прекрасномъ расцвѣтѣ духовныхъ силъ.

Святой апостоль Матѣей такъ рассказываетъ объ этой молитвѣ.

„Потомъ приходитъ съ ними Иисусъ на мѣсто, называемое Геѣсиманія, и говоритъ ученикамъ: посидите тутъ, пока Я пойду, помолюсь тамъ. И взявъ съ Собою Петра и обоихъ сыновей Завадеевыхъ, началъ скорбѣть и тосковать. Тогда говоритъ имъ Иисусъ: душа Моя скорбитъ смертельно, побудьте здѣсь и бодрствуйте со Мною. И отошедъ немного, палъ на Лице Свое, молился и говорилъ: Отче мой! Если возможно, да минуешь Меня чаша сія; впрочемъ, не какъ Я хочу, но какъ Ты. И приходитъ къ ученикамъ и находитъ ихъ спящими, и говоритъ Петру: такъ ли не могли вы одинъ часъ бодрствовать со Мною. Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе: духъ бодръ, плоть же немощна. Еще отошедъ въ другой разъ, молился, говоря: Отче мой! если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, да будетъ воля Твоя. И пришедъ, находитъ ихъ опять спящими, ибо у нихъ глаза отяжелѣли. И оставивъ ихъ, отошелъ опять и помолился въ третій разъ, сказавъ тоже слово (XXVI, 36—44)“.

Св. Маркъ передаетъ.

„И взялъ съ собою Петра, Іакова и Іоанна; и началъ ужасаться и тосковать. И сказалъ имъ: душа Моя скорбитъ смертельно; побудьте здѣсь и бодрствуйте. И, отошедъ немного, палъ на землю и молился, чтобы, если возможно, миновалъ его часъ сей; и говорилъ: Авва Отче! все возможно Тебѣ; прinesi чашу сію мимо

Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты. Возвращается, и находитъ ихъ спящими; и говоритъ Петру: Симонъ! Ты спишь? Не могъ ты бодрствовать одинъ часъ? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе: духъ бодръ, плоть же немощна. И опять отошедъ молился, сказавъ тоже слово. И возвратившись, опять нашель ихъ спящими; ибо глаза у нихъ отяжелѣли, и они не знали, что Ему отвѣчать. И приходитъ въ третій разъ, и говоритъ имъ: вы все еще спите и поживаете? конечно, пришелъ часъ: вотъ предается Сынъ человѣческій въ руки грѣшниковъ (XIV, 33—41)“.

У Св. Луки сказано.

„Пошелъ по обыкновенію на гору Елеонскую, за Нимъ послѣдовали и ученики Его. Пришедъ же на мѣсто, сказалъ имъ: молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе. И Самъ отошелъ отъ нихъ на верженіе камня и, преклонивъ колѣна, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо Меня! впрочемъ, не Моя воля, но Твоя да будетъ. Явился же Ему ангелъ съ небесъ и укрѣплялъ Его. И находясь въ бореніи, прилежно молился, и былъ потъ Его, какъ капли крови, падающія на землю. Вставъ отъ молитвы, Онъ пришелъ къ ученикамъ, нашель ихъ спящими отъ печали и сказалъ имъ: что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе (XXII, 39—46)“.

Обычно, въ разсужденіяхъ по поводу Геэси-

манскаго „боренія“, замѣчается сильный уклонъ въ сторону изслѣдованія того въ этомъ фактѣ, что касается, такъ сказать, личной трагедіи Господа, трагедіи живого существа, которому неминуемо грозитъ смерть.

Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ писаній Св. отцовъ, которыя были читаны на шестомъ вселенскомъ соборѣ.

„Человѣческая воля (Господа) отвращалась отъ страданія по причинѣ немощи плоти“ (св. Григорій Нисскій). „Господь нашъ Іисусъ Христосъ по человѣчеству имѣлъ желаніе не умирать, т. е. имѣлъ естественное чувство самосохраненія“ (папа Агаѳонъ). „Итакъ, когда онъ говоритъ: аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія, и, обаче не якоже. Азъ хочу, но якоже Ты, — то этимъ онъ показываетъ не что другое, какъ то, что Онъ дѣйствительно облеченъ плотію, которая боится смерти, потому что ей свойственно и бояться смерти, и раскаиваться, сомнѣваться и скорбѣть“ (Св. Іоаннъ Златоустъ; Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ, т. VI, стр. 40, 45, 47, 113; изд. 1882 г.).

На Соборѣ приводилось и много другихъ свидѣтельствъ. Св. Отцы согласно говорятъ, что томленіе Господа имѣло причиной „страхъ смерти“. Напряженную Его молитву и отвращеніе отъ смерти они объясняютъ, какъ естественный протестъ человѣческой природы противъ конца жизни, какъ немощь, какъ „обнища-

ніе“ плоти, какъ „человѣческую скудость“ (св. Кириллъ Александрійскій).

Изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ приведемъ слова св. Іоанна Дамаскина: „Христосъ воспринялъ всѣ естественныя и безпорочныя страсти человѣка: Онъ воспринялъ всего человѣка и все что принадлежитъ человѣку, кромѣ грѣха... Естественныя и безпорочныя страсти суть не находящіяся въ нашей власти, которыя вошли въ человѣческую жизнь вслѣдствіе осужденія, происшедшаго отъ преступленія, каковы голодь, жажда, утомленіе, трудъ, слеза, тлѣніе, уклоненіе отъ смерти, боязнь, предсмертная мука, отъ которой происходитъ потъ, капли крови...“

Такимъ образомъ, „воля“ Господа какъ бы суживается до понятія о „страхѣ смерти“; страхъ же смерти ставится въ единъ рядъ съ такими обнаруженіями человѣческаго естества, какъ „голодь, жажда, утомленіе, трудъ, слеза“.

Все это понятно и естественно; впечатлѣнія земного бытія испытывались душою Господа столь же дѣйствительно, какъ испытываютъ ихъ обычные люди.

Но, очевидно, смыслъ Геѳсиманскаго боренія не можетъ оставаться только въ этихъ границахъ—предвидѣнія близкаго страданія, въ границахъ только страха предъ неминуемо идущею личною смертию.

Уча о томъ, что Господь страдалъ за грѣхи *всего міра*, какъ можемъ послѣдній и тяжкій моментъ Его страданій сводить только къ страданію *за Себя*?

Нерѣдко душевныя силы человѣка мы измѣняемъ именно мужествомъ передъ смертию. Послѣднія минуты того, кто добровольно выбираетъ смерть, какъ подвигъ, иногда не только безтрепетны, но освѣщены восторженными думами о дѣлѣ, ради котораго умираютъ, жаждою къ людямъ, такъ что на долю собственно страха смерти остается весьма мало мѣста.

Господь трепеталъ смерти, а обычные люди иногда почти безтрепетны передъ нею. Не боялись Его ученики; не боялись женщины, дѣти, нѣжныя, не привыкшія къ горю, къ грязи, къ тюрьмѣ.

И немощь Господа является какъ будто слишкомъ глубокой, обнищаніе чрезвычайно великимъ, способъ утѣшенія чрезмѣрнымъ, если смотрѣть на дѣло только съ точки зрѣнія боязни личной смерти. Ангелъ сошелъ утѣшая... А сколько людей умираетъ не утѣшенныхъ ни одной улыбкой, не только ангельской; вспомнимъ безкrestныя могилы и въ жестокомъ одиночествѣ замученныхъ людей.

О, разумѣется, здѣсь всякую мысль о малодушіи Господа надо оставить. „Равви! давно ли іудеи искали побить тебя камнями, и Ты опять идешь туда“? (Іоан. XI, 8) Не только Онъ, но вотъ и ученики знали, что Его ждетъ въ Іудеѣ и, конечно, если бы желалъ, Онъ легко могъ избѣжать казни. „Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легионовъ“

ангеловъ?" (Матѣ. XXVI, 53). Могу, но не хочу. Въ этомъ смыслѣ смерть Его была мужественна и добровольна совершенно; Онъ не сдѣлалъ и шага отъ нея уклониться. Но добровольно идя къ ней навстрѣчу, съ высокимъ мужествомъ смотря въ ея глаза, Онъ не призналъ ее благомъ, но тяжелымъ зломъ, отвергъ ее для Себя и для человѣка.

Страдая за грѣхи всего міра, Господь трепеталъ не о Своей только боли, но о боли всѣхъ людей, страшился не Своей только личной смерти, но смерти, какъ того послѣдняго и страшнаго явленія, которое кончаетъ всякую человѣческую жизнь, какъ бы она ни была широка и безсмертна, какіе бы лучи прекрасные добра и радости ни шли отъ нея. Прекрасно сказалъ объ этомъ св. Амвросій Медиоланскій: "... Онъ принимаетъ мое хотѣніе, принимаетъ и скорбь мою... Мое это было хотѣніе, которое Онъ назвалъ собственнымъ, потому что Онъ принялъ мою скорбь, какъ челоуѣкъ... Мнѣ Онъ сострадаетъ, со мною скорбитъ, и Мнѣ соболъзвуетъ. Итакъ за меня и во мнѣ страдалъ не имѣвшій никогда повода страдать за Самого себя. Итакъ Ты, Господи, терпишь не свои язвы, но мои, не Свою смерть, но нашу немощь" (Дѣянія В. С. т. VI, стр. 112).

Изслѣдуя внѣшнюю и внутреннюю природу Господней молитвы, святые Отцы, очевидно, полагаютъ главный смыслъ происходившаго въ Геосиманскую ночь въ томъ, что Господь былъ истинный и совершенный челоуѣкъ.

Онъ несъ въ Себѣ челоуѣческое въ его основахъ: въ его недолговѣчности и бѣдности съ неистребимую тоской по вѣчному и нетлѣнному; въ безконечной жалости къ матери-землѣ и челоуѣку, къ ея недолгой красотѣ, къ его грустной радости, съ могучими порывами въ безбрежный міръ высокаго, потусторонняго бытія.

Онъ былъ „Сынъ Человѣчскій“ и ничто челоуѣческое, кромѣ грѣха, не было чуждо Ему.

Минуты этой послѣдней молитвы Господа были исключительны по своему значенію. Потому, слушая вопросы тѣхъ, кто Его судилъ, подъ ударами слугъ архіерея и солдатъ Пилата, Онъ уже не выбиралъ, но шелъ по пути, который выбралъ въ этотъ моментъ. Злое и безбожное тогда нахлынуло на Него со страшною силою и, измучивъ, не давало Ему ни возможности, ни времени выбирать.

Въ Геосиманскомъ саду Господь стоялъ еще „на порогѣ событій“. Святой и свободный въ своей челоуѣческой личности, Онъ явилъ въ себѣ, въ эти минуты, челоуѣческое въ той истинной и высокой цѣнности, на какую только способна челоуѣческая природа.

Своей молитвой Онъ указалъ границы и цѣли челоуѣческаго относительно иного, не челоуѣческаго, бытія, но которое съ челоуѣческимъ такъ тѣсно связано: бытія земли и Бога. Его молитва въ этотъ моментъ должна опредѣлить, что есть истиннаго въ челоуѣческомъ бытіи, въ какой

сторонѣ расцвѣтъ человѣческаго, земного, дѣланія, въ какое отношеніе человѣкъ долженъ стать къ тому, что называютъ зломъ міра: къ страданію, болѣзни и смерти, и къ тому, что называютъ добромъ міра: къ счастью, радости и земной жизни.

Мысли и стремленія Господа въ этомъ отношеніи были опредѣленны и ясны.

И, прежде всего, надо сдѣлать живую мысль Евангелія, что Христосъ молился.

Все человѣческое Господь переживалъ „истинно и дѣйствительно“. Убѣждая, Онъ стремился убѣдить, обличая, дѣйствительно, желалъ, чтобы люди возлюбили Бога и ближнихъ и покинули зло. Видя человѣка, который взывалъ: помилуй сына моего!—Онъ желалъ облегчить горе именно того, который въ ту минуту мучился и такъ громко вопіялъ. Цѣлые вѣка будутъ потомъ вспоминать благія дѣла человѣколюбца, дивиться и въ умиленіи плакать надъ ними, но вѣка—это потомъ. А сначала вотъ этотъ страждущій и взывающій громко; ему на встрѣчу спѣшитъ Господь, о немъ вздохъ и молитву посылаетъ Отцу.

Каждое слово и каждое дѣло Его было словомъ и дѣломъ дѣйствительнаго состраданія, истиннаго и напряженнаго желанія помочь, молитвы Отцу самой настоящей, самой искренней.

По опредѣленію Катехизиса молитва есть возношеніе ума и сердца къ Богу, выражаемое

въ словѣ человѣка къ Богу. Когда молимся, мы просимъ, благодаримъ и прославляемъ Бога.

При этомъ, слова искренней молитвы всегда есть знакъ многого. Слова бываютъ уже того, что вкладываетъ въ нихъ мысль и сердце человека; слабѣе, чѣмъ то, что происходитъ въ душѣ, схваченной пламенемъ вѣры и святыхъ желаній.

Мы слышимъ, что молитва Господа была чрезвычайна высокимъ напряженіемъ Его душевныхъ силъ, которое выразилось и въ чрезвычайныхъ внѣшнихъ явленіяхъ: три раза Господь приходилъ и начиналъ молитву; оставлялъ ее на малое время и опять приходилъ „прилежнѣе моляся“; былъ Его потъ, какъ капли крови, падающія на землю; Ангелъ съ небесъ укрѣплялъ Его. И если слова *нашихъ* молитвъ бываютъ проникнуты глубокимъ чувствомъ и стремительнымъ желаніемъ, иногда способны сдѣлать чудо, то въ душѣ Господа, столь благородной и любящей, столь всеобъемлющей,—Его слова должны были быть окружены *какимъ* содержаніемъ? Проникнуть *какой* энергіей мысли, *какимъ* желаніемъ, *какимъ* проникновеніемъ въ то, о чемъ была молитва?

Приходилъ и уходилъ; и, находясь въ бореніи, прилежнѣе молился. Очевидно, Онъ пламенно хотѣлъ осуществить какую-то Свою мысль, склонить на что-то Отца. Просилъ, убѣждалъ Отца, ставилъ Ему свое желаніе; говорилъ, какъ всѣ мы въ молитвѣ къ Богу говоримъ: вотъ въ чемъ желаніе моего сердца, вотъ моя мысль.

Сдѣлай же по моему желанію!

Какая мысль и какое желаніе?

„Да мимо Меня идетъ чаша сія“.

Въ эту ночь человѣческое естество Его чувствовало себя одинокимъ и жестоко заброшеннымъ землей и людьми, ради которыхъ Онъ принялъ муку.

Природа жила обычной жизнью. Навѣрно, въ небѣ было свѣтло, внизу же звуки ночи говорили о жизни, чужой и равнодушной къ человѣческому горю. Враги были близки и дѣятельны; зло ихъ желаній ощущалось уже не одною только чуткой душою Христа, но было видно для всѣхъ. И эта слабость учениковъ, которые не могли преодолѣть сна въ тяжкія, въ послѣднія, для Него минуты,—она говорила ясно: какъ несильно, какъ подвержено мелкимъ случайностямъ дѣло жалости, дружбы и любви человѣческой. Увы! Здѣсь—въ земномъ и человѣческомъ—страдавшій за человѣка и землю, Онъ не получилъ утѣшенія. Оно пришло потомъ изъ другихъ, нездѣшнихъ міровъ.

Былъ одинокъ Господь, какъ былъ одинокъ Адамъ, когда увидалъ, что вокругъ—въ прекрасномъ Божіемъ мірѣ—нѣтъ никого, кто былъ бы подобенъ ему. Былъ одинокъ, какъ одинока бываетъ всегда, уходя отъ этой жизни, человѣческая душа.

Собирается въ себя, передъ смертью, человѣческая душа, обрываются нити, связующія ее съ міромъ и людьми, одна остается она и

видитъ: ни другъ, ни братъ, ни любимый и милосердный, никто не идетъ за нею.

И, почувствовавъ глубину человѣческихъ страданій, не Голгоѣскаго только дня, но вѣковыхъ, раждающихся съ каждымъ новымъ существомъ въ неисчислимомъ количествѣ существъ, опять и опять идущихъ въ міръ, онъ просилъ избавить отъ нихъ Себя и человѣка.

Все человѣчество въ этотъ мигъ взывало вмѣстѣ съ Нимъ: избавь насъ отъ часа сего!

Не надо страданій и смерти для Меня и для человѣка.

Это не было ни мимолетной вспышкой чувствительнаго сердца, ни воплемъ души, сжигающей муки—робкой и боязливой. Объ этомъ была ясная и опредѣленная мысль; была въ эту мысль вѣра; было глубокое и сильное желаніе ее осуществить. Рѣшеніе молиться объ этомъ было, очевидно, совершенно сознательно, при ясномъ пониманіи всякихъ иныхъ рѣшеній, при пламенномъ ихъ нежеланіи. Были взвѣшены всякіе доводы. О, тутъ были не наши доводы, не наша логика, цѣпляющая мысль за мысль, какъ репейникъ, гдѣ чуть не за каждымъ доводомъ кроется ограниченная, себялюбивая мысль и чувство. Но были *Его* доводы, *Его* мысль, *Его* желаніе.

Не надо страданій и смерти для человѣка. И какъ ясно, что съ этою мыслью связана другая мысль: можно безъ страданій и смерти.

Изъ Евангельскихъ повѣствованій видно, что

Господь, умоляя Отца избавить Его отъ смерти, хотѣлъ чего-то *иного*, чѣмъ хотѣлъ Отецъ (Маркъ), хотѣлъ нѣчто осуществить *не такъ*, какъ хотѣлъ это осуществить Отецъ (Матѳей); была у Него въ этомъ дѣлѣ, *своя* воля, отличная отъ воли Отца (Лука).

Сынъ хотѣлъ *иного*, хотѣлъ сдѣлать *не такъ*, — въ эту сторону мы почти не задаемъ вопросовъ въ этой области довольствуемся немногимъ. Между тѣмъ здѣсь должны быть скрыты отвѣты глубокаго значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, у Господа не могло быть желаніе только этого отрицательнаго характера: да идетъ мимо Меня чаша сія. Эта чаша да идетъ мимо, но что должно идти не мимо? Какова должна быть чаша, которая отвѣчала бы желанію Моего сердца, была приемлема для Моей мысли и для Моей воли?

Господственной оказалась Божеская, Отецеская воля; и мы знаемъ ея требованіе: чтобы совершенный Человѣкъ умеръ. Но въ чемъ состояла человѣческая воля Сына, воля совершеннаго Человѣка? Правда, эта воля не осуществилась; но она не осуществилась вѣдь не потому, чтобы была несправедлива, или чтобы ее призналъ несправедливой или ложной Отецъ или Сынъ по Своему Божеству. Какъ воля совершеннаго Человѣка, притомъ въ наиболѣе глубокой и торжественный моментъ Его жизни, она должна была заключать въ себѣ самую полную и самую совершенную истину, до какой

способенъ дойти человѣкъ, должна была повести его въ ту сторону и на такое дѣло, котораго требовало существо человѣческой природы.

Отецъ сказалъ иную волю, Сынъ въ своемъ человѣчествѣ этой волѣ подчинился. Но и послѣ этого воля Сына, какъ совершеннаго Человѣка, не стала ложной. основанія ея не стали менѣе глубоки или несущественны. Это значитъ лишь, что Отецъ, какъ Богъ, указалъ иныя основанія, которыя препятствовали въ этотъ моментъ осуществленію человѣческой воли Сына, ставилъ цѣли, которыя лежали внѣ человѣческой природы, были выше и шире ея, непосредственно изъ существа ея не исходили *).

Итакъ, зная, чего не хотѣлъ Сынъ, позволимъ себѣ задать вопросъ: чего Онъ хотѣлъ?

Если воля Отца, какъ Бога, была волею къ смерти, то, несомнѣнно, воля Сына, какъ воля совершеннаго Человѣка, была волею къ жизни.

*) Нужно хорошо помнить, что святые отцы Церкви слова: „О днѣ же томъ, или часѣ, никто не знаетъ, ни ангелы небесные, ни Сынъ, но только Отецъ“ (Марка, XIII, 32), и подобныя имъ, толкуютъ въ прямомъ смыслѣ, что знаніе Сына въ Его человѣчествѣ не было равно знанію Отца и знанію Сына въ его Божествѣ.

Православная догматика говоритъ опредѣленно: „Господь имѣлъ истинную человѣческую душу съ ея способностями, свойствами и проявленіями: имѣлъ человѣческой умъ, которому свойственно постепенное развитіе (Луки, II, 40, 52), человѣческую волю, которой свойственно колебаніе (Матѳ., XXVI, 39)“ и т. д.

Несправедливо-ли заключить, что она состояла въ томъ, что Ему — Сыну — можно бы не умирать, что міру и человѣку можно не страданіемъ покупать радость, не смертью жизни?

И когда боролся, Господь боролся съ отеческой волей спасти міръ, которую какъ Человѣкъ, считалъ тяжелой для человѣка. О, не вразумимъ боролся, не желая отъединиться отъ Того, съ Кѣмъ былъ единъ, но пламенно высказывая Отцу свои человѣческія мысли и стремленія, скорби и тяготы.

Во Христѣ все человѣчество молило Бога: избавь насъ отъ часа сего. Умолялъ совершенный Человѣкъ, указывая на муки святой души, которая видитъ небо и скована цѣпями чужого зла, хочетъ всѣхъ обнять милосердно и встречаетъ клевету и злую жестокость. Спрашивалъ совершенный изъ людей, достойный жить. Какъ Человѣкъ, Онъ несъ въ Себѣ еще отъ Адама возможность земного безсмертія; не сдѣлавъ грѣха, Онъ возстановилъ вѣдь въ Себѣ безсмертную первоначальную природу праотца.

Отвѣтъ былъ: умри, страдай!

Но Сынъ, по Своему человѣчеству, не этого хотѣлъ.

И сталъ жертвой. Сталъ жертвой не потому только, что страдалъ за чужой грѣхъ; но и потому, что внутренне, по человѣчеству, не хотѣлъ страданій, отвергалъ смерть. Шелъ, какъ шли жертвенныя животныя, трепеща смерти

ей не желая, дрожа тѣломъ, неповинныя ни въ чемъ; какъ шелъ бѣдный сынъ Авраама.

Съ этой точки зрѣнія понятно дальнѣйшее. Дѣло кончено. Онъ боролся, но теперь кончено: долженъ умереть. И идетъ на смерть, отдается Іудеѣ, распинается. Идетъ сознательно, по прямой дорогѣ, не дѣлая и попытки уклониться. Уже нѣтъ раздумья или оглядки... Развѣ я не могу умолить Отца, и Онъ пошлетъ легіоны ангеловъ? Могу, но Я послушливъ. Подчинился. Но подчинился, не радуясь смерти, какъ мученики, а съ печалью.

Казалось бы: вотъ радость! Дѣло кончено: Я, наконецъ, спасъ міръ; міръ спасенъ Мною. То, для чего Я пришелъ, совершилось.

Но какъ? Въ этомъ главное вопроса.

И была Его скорбь не только отъ боли и ужаса Своей смерти, но еще больше скорбь, окружающая дѣло Его, *этотъ* путь Его дѣла. Иду, подчиняюсь, но какъ это тяжело, Боже! Склоняюсь предъ Тобою, но тяжело Мнѣ.

Исполнилось то, чего міръ ждалъ тысячелѣтія; о чемъ пророки трепетно и радостно предсказывали. И смотрите: какъ все содрогнулось. Земля потряслась, камни распались, померкло солнце. Отъ радости? Что долгожданное, желанное, обвитое надеждами и мольбами, омытое слезами восторга — наконецъ совершилось?

Нѣтъ, отъ ужаса.

Откуда же ужасъ?

Да и міръ, какъ Самъ Господь, какъ будто

не этого ждалъ; не горя, не слезъ, не смерти, но великой радости.

Слава въ вышнихъ Богу, и на земли міръ въ чловѣцехъ благоволеніе! — вотъ чему радовались ангелы. Они тоже не видѣли, не хотѣли видѣть, креста, слезъ и мукъ.

Готовился, готовился міръ къ великому моменту, надежду возложилъ на него и вдругъ — ужасъ! Ждалъ радости и вдругъ — смерть; ждалъ Бога и вдругъ — Умершій; ждалъ побѣды надъ зломъ и смертью, и вдругъ — зло и смерть побѣдили.

Міръ думалъ, что побѣдили. Земля думала, что побѣдили. Солнце думало, что побѣдили.

На безчисленныя души, на вѣка времени ложится мысль и дѣло великаго чловѣка. Великимъ вѣсомъ вѣсила сила Христовой молитвы въ эти, единственныя въ мірѣ, минуты, но еще болѣе страшнымъ, намъ невѣдомымъ вѣсомъ вѣсила сила Отчаго повелѣнія. На молитву Сына было сказано: умри! И люди положили на эту чашу вѣсовъ мысль, жизнь, всю волю и все чувство. Это земля дрожить о томъ, что отнынѣ долгимъ путемъ страданія міръ будетъ искупать радость; она содрогнулась, ибо въ смерти Божія Сына почувалась непреклонная Божія воля о томъ, что муками земля и можетъ быть, міръ купятъ радость и жизнь. Съ этой минуты муки стали священны; гробъ — достопоклоняемъ; слезы — благодатны.

Таковъ начался путь. Навсегда!

Но развѣ радость земли стала чрезъ это незаконной, или жизнь земли сдѣлалась несчастьемъ и зломъ? И любовь къ жизни, отрицае смерти — развѣ перестали быть волей Христа — опредѣленной и истинной — и мы уже не должны слѣдовать ей? Но если слѣдовать, то ужели всегда безцѣльно и безнадежно, никогда не побѣждая смерти, никогда не въ силахъ утвердить на землѣ жизнь?

Божеское и Человѣческое.

Я не знаю, что такое жизнь, но знаю, что человекъ, какъ и все живущее, цѣнить жизнь. Борьба за жизнь, охрана здоровья, счастья, цѣнности благого въ земной жизни—идутъ въ немъ съ самаго начала.

Человекъ согрѣшилъ, Богъ человека наказалъ.

Такъ; но тутъ же, сразу: *стымя жены* сотреть главу змія. Вотъ мысль: наказаны, но наказаніе есть колеблемое дѣло. Богъ наказалъ, но и далъ надежду: *въ человекѣ* есть нѣчто, что наказаніе поколеблетъ.

Наказаніе ляжетъ на человека, и легло уже, какъ камень, какъ неуклонный и желѣзный законъ природы, какъ гробовая доска. Но надежда, искра надежды, дана. Вотъ искра, пусть она горитъ. Не теперь, когда-то послѣ, но она дастъ, должна дать, измѣненіе того, что поставила правда.

Но развѣ правда можетъ быть измѣнена?

Кажется, она и не измѣнилась до сего времени. Въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ; въ болѣз-

няхъ рождаются дѣти; тернія и волчцы растить земля. Все, до послѣднихъ дней, какъ было сказано: трудъ, болѣзнь и смерть. И однако, Богъ сказалъ, что можетъ быть измѣнена. Какая-то мысль брошена, и около правды что-то зашевелилось; что-то иное, что хочетъ въ правдѣ какъ будто что-то уяснить, какъ-то ее согрѣть, что-то сдвинуть въ ней, на что-то склонить. Склонить непреклонное.

Будто правда—это каменная неуклонность, лѣстница со ступенями изъ мрамора, холодными и мертвыми. И что-то трепещетъ около нея; какой-то свѣтъ, тепло, огонь, или—что другое? Хочетъ нѣчто измѣнить въ мраморѣ.

Побѣгами ли молодой зелени закрыть этотъ мраморъ? Согрѣть-ли его солнечными, горячими лучами любви? Тяжкимъ ли молотомъ горя, боли и человѣческаго страданія разбить его?

Намъ скажутъ: какія вещи горестныя и бѣдныя говорите вы. Ибо не измѣнится мраморъ отъ побѣговъ молодой зелени, солнце не оживитъ мертваго камня, и горестные вопли страданій его не раздробятъ. Еще ни разу вѣдь скорбные вопли человѣческаго горя не воскресили мертваго.

Такъ; это невозможно; но вѣдь именно *объ этомъ* мысль дана; *этою* только мыслью мы и живемъ.

Безумно, невозможно, противъ всякой логики и очевидности. И однако, взяли люди эту мысль и ею живутъ и движутся. Вѣрятъ невозмож-

ному. И не только вѣрятъ, но радуются и торжествуютъ.

„Возвели окрестъ очи твои Сионе и виждь, се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада, и сѣвера, и моря, и востока чада твоя“... Со всѣхъ сторонъ пришли люди на чудесную вѣсть воскресенія.

Правда идетъ какъ стихійная, почти всегда торжествующая, сила; несетъ съ собой наказаніе, болѣзнь и смерть. Но дана надежда, что желѣзо необходимости будетъ изъѣдено жалостью, любовью, жаждой жизни. Дана жалость, разбѣдающая правду: надежда, что правда будетъ склонена; мысль о воскресеніи, которая безумно ополчилась на смерть.

Мы повѣрили, что всякій годъ идущая новая зелень разрушитъ камень; что сила живой жизни его крѣпче.

Камень, желѣзо и трепещущее человѣческое сердце. Холодъ, ледъ и въ немъ, можетъ быть, прекрасная, но далекая отъ насъ, намъ чуждая, жизнь, какіе-то кристаллы, и рядомъ—моя боль, мой страхъ, мое счастье или несчастье.

Кристаллы прекрасны, чудесны по красотѣ, но мнѣ чужды, не отъ меня идутъ, внѣ меня живутъ, ко мнѣ равнодушны. Я живъ или умеръ, смѣлость или сердце „разрывается“, отъ горя, они всегда одинаковы.

Развѣ *Я* и *они*—соединимы? Нѣтъ, несравнимы и несоединимы. Но связываемъ и соединяемъ. И на этомъ строимъ отдыхъ сердца,

утишаемъ боль, ищемъ истину; на этомъ зиждемъ жизнь и религію.

Всякая религія основывается на этомъ: кричитъ человѣческое сердце закону, желѣзу, камню: посторонись, смягчись, дай дорогу!

Не бей!

Тутъ крикъ и вопль. Не логика и не разумъ. Но и логика и разумъ подчиняются крику.

Всякая религія ищетъ въ камнѣ жизнь, въ желѣзѣ горячую кровь, въ математикѣ живую душу. И особенно христіанство. Оно прямо и категорично сказало: есть душа, есть кровь, есть живое въ мертвомъ, въ желѣзѣ, въ камнѣ. Кричите, стоните, вопите, жалуйтесь, а главное работайте и непреклонное уступитъ наконецъ.

Всякая религія борется съ правдой. Борется неустанно человѣкъ за тотъ огонь сознанія, въ свѣтъ котораго приходитъ откуда-то въ міръ; враждуетъ съ болѣзью, смертью, съ уничтоженіемъ.

Не все замѣтно сразу.

Авраамъ еще не совсѣмъ на сторонѣ человѣческаго, какъ будто не отличаетъ его отъ Божьяго.

Но вѣрно ли? Не прячетъ ли чего Авраамъ на днѣ своей души?

„Возьми сына твоего, единственнаго твоего, котораго ты любишь... и принеси его во всеожженіе (Быт. XXII)“. И повелѣ сына на смерть. Не возопилъ, какъ возопила потомъ Пречистая: „лишаюсь Я надежды, веселія моего

и радости. Увы мнѣ! Увы мнѣ! Болить мое сердце!“

Но правда ли, говорю, не возопилъ?

„Авраамъ всталъ рано утромъ“. Шли два, шли три дня. О чемъ думали, что они говорили въ эти три дня и двѣ ночи? Какъ они въ глаза смотрѣли другъ другу: сынъ, котораго вели убить? Отецъ, который велъ сына убить? Поднимались на гору. „И началъ Исаакъ говорить Аврааму, отцу своему и сказалъ... вотъ огонь и дрова, гдѣ же агнецъ для всесожженія? Авраамъ сказалъ: Богъ усмотритъ Себѣ агнца для всесожженія, сынъ мой. И шли далѣе оба вмѣстѣ“.

Тревога проникла въ сердце Исаака. „Богъ усмотритъ“, но вѣдь Богъ уже усмотрѣлъ. Зачѣмъ говоришь неправду, Авраамъ?

О, развѣ вы не видите, что прячетъ, прячетъ Авраамъ человѣческое, отческое чувство свое; гонитъ жалость къ сыну своему, къ единственному своему, котораго любить. И когда шоль съ нимъ, вѣрно огнемъ горѣли глаза, дрожала голосъ и сердце кричало, кричало Богу, какъ и сердце Благословенной: Увы мнѣ! Увы мнѣ! Болить мое сердце!

Моисей борется явно; смиренно, но твердо даже и до смерти.

„...Взялъ Ааронъ (по повелѣнію Моисея) кадильницу и положилъ въ нее огня съ жертвенника и побѣжалъ въ среду общества, и вотъ уже началось пораженіе въ народѣ. И онъ по-

ложилъ куренія и заступилъ народъ; сталъ онъ между мертвыми и живыми, и пораженіе прекратилось (Числь, XVI, 46—48)“. Ааронъ побѣжалъ и... Богъ уступилъ. Слышите, Богъ уступилъ. Но какъ? И почему? Развѣ правда Его перестала быть правдой? Или человѣческая правда оказалась сильнѣе Божіей правды?

Нѣтъ; но вижу, что жалость человѣка къ подобному себѣ и для Бога законна, сильна, полна основаній. И вотъ одно изъ значеній Церкви и смыслъ священства.

Это есть „передовая цѣпь“, выдвинутая человѣческимъ страданіемъ, жаждой оправданія, тоской „по отчизнѣ“, по святому, прекрасному и нетлѣнному. „...И возвратился Моисей къ Господу и сказалъ: о, Господи! Народъ сей сдѣлалъ великій грѣхъ... прости имъ грѣхъ ихъ; а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ“ (Исх. XXXII 31—32). Моисей сознательно отказывается отъ Божьяго; со своей, съ человѣческой точки зрѣнія считаетъ Божіе непонятнымъ и тяжкимъ. Не хочу, если такъ; не могу. Для его человѣческаго сердца смерть есть нѣчто неприемлемое, это ложь и неправда. Поэтому: если хочешь все же Свое сдѣлать, то пусть я уйду изъ этой области, гдѣ Ты—мнѣ желанный, мой Богъ, но гдѣ также этотъ тяжкій законъ Твой.

„Лучше изгладь имя мое...“ Но за что же изгладить? Что сдѣлалъ дурного? Пожалѣлъ человѣка? Но Божій сынъ потомъ сдѣлалъ близкое къ этому.

Съ кѣмъ въ этотъ моментъ былъ бы Сынъ: съ карающей правдой, или вмѣстѣ съ Моисеемъ молилъ бы Отца о жалости? Съ тѣми, которые ходили съ мечемъ, истребляя народъ, или вмѣстѣ съ Аарономъ „заступаль“ бы людей передъ Богомъ?

Твое-Божье прекрасно, свято, высоко; но земное и бѣдное, недолгое и грустное—мило мнѣ и жалостно, какъ свое и родное.

И уступилъ Богъ человѣку. „...Отмѣнилъ Господь зло, о которомъ сказалъ, что наведеть его на народъ свой“ (Исх. XXXVII, 14).

Человѣкъ почувствовалъ Божіе, какъ чуждое не свое; какъ холодъ и тяжесть. И пожелалъ остаться при бѣдномъ, тлѣнномъ, несчастномъ, но при своемъ, при человѣческомъ.

Божье—какъ холодъ и тяжесть.

Но не торопитесь обвинять въ дерзновенности.

Вотъ говоритъ Богу праведный рабъ Его Іовъ: „на что данъ страдальцу свѣтъ?“ Зачѣмъ жизнь тѣмъ, которые „вырыли-бы смерть охотнѣе, нежели кладъ, обрадовались бы ей до восторга?“

Іовъ Бога спрашиваетъ, ожидаетъ отвѣта отъ Всемогущаго. Но молчитъ Богъ.

“Я взываю къ Тебѣ, и Ты не внимлешь мнѣ. стою, а Ты только смотришь на меня“.

Богъ наказываетъ только за грѣхи, убѣждаютъ друзья. О, нѣтъ, отвѣчаетъ Іовъ; не слѣдуетъ даже „и ради Бога говорить неправду“, не надо быть „лицепріятнымъ“ даже Ему. „Невиненъ я... Доколѣ не умру, не усту-

плю непорочности моей... Ты сдѣлался жестокимъ ко мнѣ, крѣпкою рукою враждуешь противъ меня...“

И такъ отвѣтилъ Богъ на дерзновенныя, на человѣческія рѣчи: „горитъ гнѣвъ Мой на тебя (Богъ сказалъ это одному изъ друзей Іова) и на двухъ друзей твоихъ за то, что вы говорили о мнѣ не такъ вѣрно, какъ рабъ Мой Іовъ“.

И возвратилъ Богъ радость Іову, рабу Своему.

Но еще такова мысль: зачѣмъ праведника и сироту обидишь? Но уже тлѣла, уже зрѣлая мысль: а за что грѣшника тяжеле грѣховъ его наказуемъ? Грѣшенъ? Но почему не поддержалъ его? Зачѣмъ попустилъ? Отчего не остановилъ? Зачѣмъ въ міръ ему повелѣлъ прійти, столь слабому и похотливому, столь грѣшному и неразумному?

Подняли и грѣшники голосъ свой. И они увидали въ себѣ Лицо Божіе.

Ломить и давить правда. А человѣческое все идетъ, все расширяется, все требовательнѣе. И увеличивается вѣсь его требованій; тяжелыми и грузными отъ доказательствъ дѣлаются они. И все выше бросаетъ человѣкъ къ небу слова печали своей, все упорнѣе глядитъ въ голубую высь.

Въ нашей родной литературѣ грѣшники часто и громко возвышаютъ свой голосъ, жалясь на обиды, ища оправданія и требуя отвѣта.

Вотъ слова грѣшника.

„И когда уже кончить (Христосъ свой судъ) надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: выйдите, скажетъ, и Вы! Выходите пьяненькіе, выходите слабенъкіе, выходите соромники. И скажетъ: свиньи вы! Образа звѣринаго и печати его; но приидите и вы! И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: Господи! почто сихъ приемиши? и скажетъ: потому ихъ приемию, премудрые, потому приемию, разумные, что ни единый изъ нихъ самъ не считалъ себя достойнымъ сего... И простретъ къ намъ руки свои, и мы припадемъ... и заплачемъ... и все поймемъ! Тогда все поймемъ! и всѣ поймутъ... Господи! да приидетъ царствіе Твое“ (Преступленіе и Наказаніе).

„Пьяненькіе“ и особенно такіе, какъ этотъ, ради грѣховъ котораго гибнетъ жена, голодаютъ дѣти, ради грѣховъ котораго пошла на улицу кроткая и чистая душою дочь—это уже другого разряда, чѣмъ праведники. Но въ слѣдъ за пьяненькими и жестокіе грѣшники, съ душою черствой и грубой, тоже кричатъ Богу: всецѣло-ли мы виноваты въ смрадныхъ грѣхахъ нашихъ? Ибо и мы хотѣли бы любить добро и служить ему.

„Блудница“ (у Л. Андреева) говоритъ: ты не имѣешь права быть чистою, разъ я не чиста.

Грѣшница сказала грѣшному человѣку, но развѣ это не слова, которыя человѣкомъ могутъ быть сказаны Богу? Могутъ сказать грѣшники Богу, и уже говорятъ Ему непрестанно: Ты вы-

сокъ, безгрѣшенъ и святъ, я же низокъ и полна мерзостей жизнь моя. Но вѣдь Ты и блаженъ и премудръ; я же—смотри—какъ несчастенъ, душа моя какъ убога!

И несомнѣнно, на сторону человѣческаго сталъ Христосъ. Развѣ не замѣчательно, что Онъ всѣхъ прощалъ? Прощай, прощай!.. Встрѣчались блудницы, мытари, хромые, слѣпые, голодные... Пожалѣй, прости, помоги! Господи, Сыне Давидовъ, помилуй насъ! И миловалъ: отверзалъ очи, воскрешалъ, даже кормилъ голодныхъ; главное же—прощалъ.

Былъ случай: сыне Давидовъ, помилуй! Но былъ отвѣтъ: Я пришелъ не для тебя, не для твоей дочери, но для погибшихъ овецъ дома Израилева. Это въ Немъ сказала правда. Но не вынесло этой правды слабое и доброе, человѣческое сердце апостоловъ. „Слышишь, вопіеть въ слѣдъ насъ, помоги!“

И кажется намъ, слабому человѣческому сердцу нашему, что не надо, не надо по правдѣ. Лучше бы милость. И такъ привыкли, что Онъ добръ всегда, что *человѣченъ*, что уже шевелится мысль; ахъ, зачѣмъ Онъ не слышитъ голоса женщины?!

Но услышалъ. И торжествуетъ наше сердце: о да! Онъ съ нами опять, со слабымъ и бѣднымъ нашимъ сердцемъ, а не съ правдой—непонятной и холодной.

Исцѣлилъ Господь дочь хананеянки. Развѣ измѣнился Его взглядъ? Нѣтъ, но сердце не

могло видѣть спокойно горя, не могъ Онъ пройти равнодушно мимо скорбнаго материнскаго вопля. Постоялъ минуту на холодныхъ твердыхъ ступеняхъ правды и сейчасъ же сшелъ на колеблющійся, но милый намъ путь состраданія.

И такъ вездѣ, Господь былъ близокъ къ человѣческому, въ своемъ сердцѣ, хотѣнн, волѣнн.

Пришелъ мытарь. И оказался оправданъ больше „праведника“. Но вѣдь онъ, мытарь, кого-то тѣснилъ? Бралъ вѣдь взятки? Пришла блудница. Кто безъ грѣха, пусть броситъ въ нее камень. И ушла не наказана. Но вѣдь она же была блудницей и законъ осуждалъ такихъ?

Возвратился къ отцу сынъ блудный и спѣшитъ: радуюсь. Но вѣдь онъ расточилъ имѣніе, нажитое честнымъ трудомъ отца? онъ жилъ вѣдь блудно? кого-то соблазнялъ на грѣхъ дурною жизнью? Съ кѣмъ-то дѣлилъ злыя дѣла свои?

Позвольте, но что же такое прощеніе? Безконечнымъ прощеніемъ не оскорбляете ли вы правды, не упраздняете ли законъ? Не обижаете ли тѣхъ, которые любили законъ и несли на себѣ его грузное иго тяжело и трудно, съ тоскою смотрѣли на тѣхъ, кто его расхищалъ?

И что такое „праведность“? Въ ея математикѣ и непреложной истинѣ нѣтъ ли фальши? Ибо вѣдь вотъ этотъ огонь прощенія нѣчто сжигаетъ въ ней безъ слѣда и остатка.

Вѣдь блудники, которыхъ вы прощали, грѣшили, мытари—краси, прокаженные были злы?

Прощай! прощай!.. И люби, хотя бы распутникъ, хотя взяточникъ, хотя разбойникъ?

Ибо вотъ и разбойникъ тянется ко Христу и вызываетъ: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ.

И слышимъ удивительный отвѣтъ: днесъ со мною будеши въ раю.

Опять какъ будто уступила, пригнулась правда, кривое въ одинъ мигъ стало прямымъ, грѣшное святымъ. У Бога, пришедшаго спасти міръ, и разбойника, по законамъ, справедливо наказаннаго за преступленія, вдругъ оказалось общее. Ибо общее, если *вмѣстѣ* будутъ въ раю; если той жизни, которой живетъ Богъ, будетъ причастникомъ разбойникъ.

Что общее? Жалость къ жизни и жалость къ человѣку. Богочеловѣкъ и разбойникъ стояли рядомъ передъ смертью, вмѣстѣ прощаясь съ жизнью. И Богочеловѣкъ, какъ и разбойникъ, увидалъ въ эти минуты, какъ жалокъ человѣкъ, какъ несчастенъ и бѣденъ.

Былъ Онъ сынъ человѣческой и пожалѣлъ человѣческое въ жуткой безпомощности его, въ послѣднемъ и крайнемъ его одиночествѣ.

Вотъ откуда дѣлаются ясны слова Евангелія: „но чтобы вы знали, что Сынъ человѣческой имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи“ (Марк. 11, 10)... и еще больше другія слова: „отецъ и не судитъ никого, но судъ весь отдалъ Сыну... далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ *человѣческой*“ (Іоан. V, 22,

27). Прощать грѣхи *на землѣ*; власть судить, потому что Онъ есть Сынъ *человѣческой*. Ибо прощать и судить можетъ только тотъ, кто до дна и до корня узналъ то, что можно простить и то, что должно судить.

Вотъ откуда дѣлаются ясны тѣ слова, на основаніи которыхъ я—священникъ, земной и грѣшный человѣкъ, именемъ Бога прощаю грѣхи кающихся; слова, которыя всякій разъ читаю надъ тѣломъ умершаго: „истинно говорю вамъ: что вы свяжете *на землѣ*, то будетъ связано *на небѣ*; и что разрешите *на землѣ*, то будетъ разрешено *на небѣ* (Матѣ. XVIII, 18)“.

Искренній судъ *земли*, не всегда все знающій умомъ, но истинно знающій сердцемъ и почти всегда милосердный, является обязательнымъ для *небесъ*—какое великое значеніе далъ Господь *человѣку* и *человѣческому*!

„Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ“.

Но гдѣ у тебя право, чтобы взывать такъ дерзновенно? Развѣ ты не былъ жестокъ, когда убивалъ? Сдерживалъ себя въ гнѣвѣ и страстяхъ твоихъ? Развѣ нѣтъ тысячъ лучшихъ тебя, кои не слышатъ до конца благостнаго голоса, умираютъ въ тяжкомъ смятеніи?

Сегодня съ Мною будешь въ раю. А жертвы, имѣя убійства, гдѣ? Или голосъ ихъ крови не вопіять къ небу, какъ голосъ крови Авеля праведнаго? А государственный законъ „уложеніе о наказаніяхъ“ гдѣ? А Божій законъ: „да смертію умреть“ гдѣ?

„Сегодня же“... Нѣтъ даже и малаго промежутка времени... Увы! все перемѣнилось. Раздвигается воздухъ. Распахнулось небо и земля широко, широко.

И доброе *человѣческое* сердце, не безжалостное къ людямъ, наконецъ, удивилось: до какихъ же предѣловъ прощать? Гдѣ граница? „Господи, сколько разъ прощать?“ И Онъ отвѣтилъ: до семидесяти семи. Безъ конца прощать.

Но развѣ нѣтъ вины? Онѣ безмѣрны.

Но взгляни, *человѣкъ* на себя, потомъ на слова и дѣла Господни, и увидишь, что у Него сердце оказалось только болѣе *человѣческимъ*, чѣмъ у тебя.

Удивляешься? но вотъ слышу: „кое убо не содѣяхъ зло? Кій грѣхъ не сотворихъ? Кое зло не вообразихъ въ души моей?“

И вѣдь это правда. Но сознавая эту правду, стыдись ея, „отъ скверныхъ устенъ, отъ мерзкаго сердца, отъ нечистаго языка, отъ души осквернены“—ты взываешь, однако, къ Богу о милости и прощеніи. Примѣни же къ другому то, чего страстно желаешь себѣ!

Ни одинъ умирающій не считаетъ себя настолько виновнымъ, чтобы думать, будто онъ заслужилъ смерть *своими грѣхами*.

И какъ понятно, какъ радостно знать, что не разъ Господь отодвигаетъ правду, чтобы на ея мѣсто поставить милость. И какъ радостно слышать, что и на небѣ бываетъ радость о грѣшникѣ кающемся.

Злой человекъ при мнѣ глубоко оскорбилъ женщину, дико истязалъ ребенка, даже до изувѣченія, до смерти. И у меня явилось движеніе, мысль, желаніе: убить бы его, боль ему причинить.

Но лишь потому, что я увидѣлъ: въ немъ нѣтъ человѣческаго, нѣтъ жалости, души человѣческой. Онъ безжалостенъ, „дерево“, „камень“, „животное“.

Но вотъ преступника „сослали“. Слышу, какъ ему тяжело, тоскливо, голодно, жестоко. И какъ будто, на днѣ души шевелится жалость. Но пусть, пусть; не хочу ея: самъ онъ былъ тоже дикъ, тоже жестокъ, безчувственъ.

Читаю стихи о немъ; случайно вижу картину, какъ онъ сидитъ въ тайгѣ, на берегу озера, и мечтаетъ бѣглець, котораго травятъ люди и звѣри.

А?! такъ у него тоже есть человѣческое чувство?! Онъ томится, какъ я, мечтаетъ, какъ я, хочетъ себѣ счастья, радости? И уже душа у меня натянута, напряжена, переполнена, чтобы излиться жалостью и прощеніемъ.

Донесся случайно тоскливый звукъ пѣсни преступника, отрывокъ словъ, малозначительныхъ по смыслу, но съ напѣвомъ, щемящимъ душу, и я готовъ рыдать надъ нимъ. Почувствовалъ въ немъ человѣческое страданіе, мечту человѣческую, и у меня нѣтъ желанія: пусть страдаетъ, ибо былъ жестокъ, а мысль: Боже мой! да зачѣмъ это все? Зачѣмъ? Ужели иначе

нельзя? И хотя знаю преступленіе его, знаю загубленныхъ имъ, но думаю: Богъ съ нимъ! Пусть Богъ вѣдается съ нимъ. Я же... кто я, чтобы казнить? „кто ты, судяй чуждому рабу? своему Господу стоять и падаетъ“...

Слышимъ вопросъ: кто согрѣшилъ: онъ или родители его, что слѣпъ родился? И отвѣтъ: ни онъ, ни родители его... Станный и загадочный отвѣтъ, но онъ былъ. Ни онъ, ни родители... Тогда за что же страдаетъ? Во имя чего мучится, не видитъ Божьяго свѣта?

Я не вижу солнца и съ нимъ обильной радости земли. Ты же всѣмъ наслаждаешься. Почему? Я грѣшенъ, ты святъ. Это тяжело, но понимаю и преклоняюсь. Грѣшны родители? Тяжко, опускаю голову. Но, хотя съ трудомъ, стараюсь понять.

Но—ни я, ни родители? Тогда за что же, за что? И нѣтъ утѣшенія, нѣтъ пониманія. Ломить, давить, что-то неколебимое, „сила нездѣшная“, ужасное. Ни онъ, ни родители... Но, значитъ, слѣпой отъ рожденія невиновенъ, и не въ человекѣ причина его тяжкаго страданія? Договоримъ; не будемъ, какъ друзья Іова, „ради Бога“ говорить неправду, не будемъ „лицепріятны“ и Богу. Да, слѣпой невиновенъ; да, человекъ въ этой бѣдѣ своей невиновенъ.

„Но родился слѣпымъ, чтобы явились на немъ дѣла Божіи“. Мы видимъ, что это есть дѣло какого-то другого закона, идетъ откуда-то совнѣ.

И чувствуемъ: отвѣтъ этотъ Божій что-то глубокое, глубокое трогаетъ въ душѣ человеческой, не жестокостью, но инымъ, не нашимъ милосердіемъ касается ея: Я долженъ тебя пожалѣть, человѣкъ, Я прощу тебѣ грѣхъ твой.

Ты не имѣешь права быть чистымъ, если я не чистъ; не можешь быть блаженъ, если я такъ несчастенъ. Да вѣдь давно уже это Богу сказано, и говорится неустанно. Сказано больными и умирающими; сказано безсребренниками и милосердными; сказано постниками и затворниками. Сказано въ ихъ пламенныхъ молитвахъ, смиренныхъ и дерзновенныхъ. О, Господи, помоги! О, Господи, пожалѣй! Не меня, не меня, но вотъ этихъ униженныхъ и скорбныхъ, одинокихъ, замученныхъ жизнью!

Знаете ли, что истиннаго боренія съ Богомъ въ молитвѣ къ Богу святого безконечно больше, чѣмъ во всей, такъ называемой, богоборческой литературѣ нашей; больше, чѣмъ во всѣхъ будто бы вызовахъ Ему тяжкими нашими грѣхами?

Знаете ли, что Церковь съ ея молитвами и уставами есть постоянное и истинное, въ значительной части своей, бореніе съ Богомъ, подобное боренію Геѳсиманскому?

И пріобщаясь таинъ съ кровью Его, не страдаемъ только пріобщаемся, но и нашимъ тяжкимъ страданіемъ.

Моля избавить насъ отъ скорби, гнѣва и нужды, исцѣлить болѣзнь, удержать на землѣ

умирающаго, развѣ не взываемъ, какъ Господь взывалъ: да мимо меня идетъ чаша сія?

Когда о чудѣ просимъ, когда чуда ждемъ?

И когда, какъ бы въ отвѣтъ на молитву, видимъ, какъ мечется въ жуткомъ страданьи больной, пройдетъ послѣдняя судорога по лицу его и по всему тѣлу его, и чужимъ, и страшнымъ, и трупомъ дѣлается онъ,—развѣ въ этомъ не явственъ голосъ Того, кто повелѣлъ умереть Сыну?

Это—бореніе человѣческаго, живого естества моего съ наказаніемъ, на меня наложеннымъ, борьба несчастья моей души, болѣзней тѣла, борьба жизни моей со смертью, отъ вѣка кончающей недолгіе мои дни.

Вотъ значеніе Церкви и смыслъ священства. Мы стучимъ, стучимъ... Вся церковь наша, молитвы, свѣчи, колокольный звонъ—что, какъ не стукъ туда, гдѣ обитаетъ Вышній? Откройся же намъ, пожалѣй, научи!

Богъ стучитъ, говорятъ; стучитъ Богъ въ человѣческое сердце. „Се стою при дверехъ и толку, да отверзетъ двери...“

Ну, а мы не стучимъ?

Вотъ мы постоянно напоминаемъ Ему молитвою, слезами, воплями, болью души. Кричимъ, ударяемъ человѣческимъ горемъ въ камень неизбежности, въ стѣну непоколебимаго закона, въ его желѣзо. Слышишь? Видишь? Помоги-же намъ! Пожалѣй! Отведи отъ насъ руку карающую!

Плачемъ, поемъ, звонимъ, смотримъ въ голубую высь, бросаемъ туда пламенемъ изступленнаго горя сверкающія слова.

Это смѣшно? Наивно? Безумно? Развѣ можетъ глина сказать что-нибудь горшечнику? Но говоритъ глина, кричитъ, вопіетъ отъ земли на небо. Ибо судороги умирающаго страшны; тяжка и дѣйствительна боль разбитой жизни; ибо даже и до смерти бываетъ жгуча обида, нестерпима нищета.

И священство было вынесено на высокій, высокій гребень.

„Молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщаю печали моя; яко золь душа моя исполнися и живогъ мой аду приближися“...

Спускаемся до дна скорби мы—грязные, длинноволосые и жадные... попы.

— Приду въ гимназію и ничего не помню. Съ вечера все выучу. Ночью придетъ пьяный отецъ и закричитъ: убью, зарѣжу! Въ однѣхъ рубашкахъ мы бѣжимъ на кладбище, въ холодъ, въ дождь, и тамъ дрожимъ отъ холода и ужаса. О, вспомнишь—дрожишь!

— Но почему же мальчикъ—вашъ братъ похороненъ здѣсь, за двѣ версты отъ вашего дома?

— Это онъ, умирая, просилъ: мама, похорони меня на томъ кладбищѣ. Я не хочу, чтобы папа пришелъ ко мнѣ на могилу.

Молится Церковь: о, Боже! „Младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, мало-

душныя утѣши, расточенныя собери... вдовцамъ предстани, сирыхъ защити, плѣнные избави, недугующія исцѣли. На судищи, и въ рудахъ, и въ заточеніяхъ, и въ горькихъ работахъ, и всякой скорби, и нуждѣ, и обстояніи сущихъ помяни, Боже“ (изъ литургіи Василя Великаго).

Въ этомъ Господь стоялъ на сторонѣ человѣческаго. Онъ боролся, какъ боремся мы. Взывалъ: пусть эта чаша пройдетъ мимо Меня, какъ всѣ взываемъ, умирая. Возопилъ: зачѣмъ оставилъ? Ибо былъ, дѣйствительно, оставленъ. Ибо это вѣрно, что смерть есть область, гдѣ Богъ покидаетъ.

До Христа человѣкъ это чувствовалъ инстинктивно. Когда же пришелъ Христосъ, человѣкъ увидалъ, что правъ былъ въ своихъ стечаніяхъ къ Богу, въ своихъ жертвахъ и молитвахъ къ Нему. Ибо въ самомъ пришествіи Господа былъ явленъ Божій отвѣтъ; Всемогуцій призналъ, что справедливъ былъ вѣковѣчный человѣческій вопль: не можетъ быть Богъ блаженъ, когда я человѣкъ такъ несчастенъ! И послалъ Богъ Сына Своего на страданіе: не да судить мірови, но да спасется Имъ міръ.

О Толстомъ и о церковномъ обрядѣ.

Одинъ писатель сказалъ, что произведенія Толстого есть какъ бы нѣчто стихійное; они не „сочиняются“, не пишутся, но какъ-будто растутъ, какъ растеть лѣсъ.

Прекрасныя слова; но они говорятъ не только о силѣ таланта знаменитаго писателя, они прекрасно сказали настроеніе его души.

Толстому далось ощущеніе именно этой стороны жизни, ея неуклонности и безличности. Христа онъ ощущаетъ мало, касается Его лишь краемъ души. Онъ былъ слишкомъ счастливъ, любимъ и богатъ, чтобы понять христіанство, церковь и обрядъ.

Ощущеніе человѣческаго въ его душѣ меньше и ниже ощущенія неумолимаго нечеловѣческаго бытія; кажется, несмотря на то, что онъ имѣтъ благородное сердце, онъ могъ быть иногда и жестокимъ къ человѣку.

Вотъ характерное впечатлѣніе почитательницы Толстого, которое она имѣла послѣ бесѣды съ нимъ: „когда я возвращалась ночью въ Тулу,

подъ напѣвы мятели все думалось о томъ, что любовь, о которой говорить Толстой, не та, которая грѣтъ, а та, которая имѣтъ уже право радоваться смерти замерзшаго работника“. Думается, что это впечатлѣніе чрезвычайно вѣрно, но оно говоритъ не о любви.

Толстой краснорѣчиво рассуждаетъ о человѣческомъ горѣ, но на его словахъ, какъ и на чувствахъ, лежитъ печать покоя. Негодование его не жжетъ. Боль сердца, которая мучить меня, которая заставляла кричать Іова и Достоевскаго, какъ и всякаго несчастнаго человѣка, этой боли у него не было.

Онъ объяснялъ ученіе Христа и отнял отъ него душу: живое, личное и человѣческое. Не Христа онъ видитъ, а неумолимую правду. Вотъ отчего человѣчныя и столь простыя Христовы слова онъ переводитъ на отвлеченныя рассужденія о смыслѣ жизни. Вотъ почему и эта чудесная заповѣдь: не противься злу насиліемъ, исполненная напряженнаго призыва дѣятельно и до мученичества укрѣплять добро,—эта заповѣдь прозвучала, какъ несущая холодъ, слабость и смерть.

Подлинно проникнутый ученіемъ Христа, Толстой не сказалъ бы многихъ изъ сказанныхъ имъ словъ обличенія другимъ, самъ мало исполнившій Его ученіе. И жизнь, какую ему пришлось вести, тогда не была бы для него только дѣломъ неприяности и сожалѣнія (ибо это такъ, если, сознавая грѣхъ, жилъ въ немъ десятки

лѣтъ), а грѣхомъ тяжелой муки, какую онъ не потерпѣлъ бы и одного дня.

Въ пониманіи добра и зла онъ рѣдко спускался туда, куда ведетъ христіанство, гдѣ живетъ и мучится одинокая и слабая человѣчская душа; нерѣдко онъ стоитъ на плоскости пониманія нашего времени со всею жестокостью къ человѣку. Только въ самые послѣдніе свои дни онъ хотѣлъ, казалось, коснуться христіанской жалости ко всѣмъ безъ различія.

Толстой ярко чувствуетъ правду, внѣшнюю природу, но не какъ человѣческую личность. У него личность не борется (а если борется, то не побѣждаетъ) съ неуклонностью правды, съ законами вѣчнаго. Вспомните „Войну и Миръ“ и героевъ этого романа. Вспомните „Анну Каренину“: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“—вотъ какую сторону въ Богѣ онъ увидалъ больше и глубже всего. Но это именно область правды. Око за око. Анна Каренина сдѣлала грѣхъ и должна повести за него наказаніе. Грѣхъ немолимо ведетъ къ смерти. Всѣ эти приливы и отливы отчаянія и счастья страдающей женщины—все это глина въ рукахъ горшечника; они никого тамъ—въ небѣ—не растрогали. И конецъ ея неизбеженъ и естественъ въ высшей степени. Обычный человѣкъ не побилъ бы камнями Анну за ея грѣхъ, Христосъ не побилъ бы, но Толстой, но принципъ Толстого, но его Богъ побилъ ее и не могъ не побить.

Толстой не понималъ возрожденія какъ сож-

женіе грѣха и начало новой жизни; какъ Никодимъ, онъ не понималъ, что можно родиться второй разъ. Смотрите, какъ не ярко и не содержательно воскресеніе человѣка въ „Воскресеніи“. Мысль князя Неклюдова, признавъ грѣхъ, не повела его душу въ область новой жизни, но повела по сухой и безплодной дорогѣ чисто механическаго исправленія того зла, которое онъ когда-то сдѣлалъ: исправить зло въ томъ человѣкѣ, котораго обидѣлъ, въ тѣхъ границахъ и въ той формѣ, въ которыхъ когда-то сдѣлалъ грѣхъ, жениться на женщинѣ, которую лишилъ брака.

Умираетъ Кай, а не я,—такъ думаетъ человѣкъ, когда видитъ смерть ближняго. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказалъ о человѣкѣ Толстой въ „Смерти Ивана Ильича“, и всѣ ему повѣрили. Но остро переживающій человѣческое, думаетъ не такъ: это не Иванъ Ильичъ умираетъ, не Кай умираетъ, а я умираю. Когда самъ Толстой ярко переживалъ чувство своей личности, онъ именно думалъ такъ (объ этомъ онъ тоже рассказалъ въ своей „Исповѣди“: я богатъ, талантливъ, здоровъ, имѣю любимую и любящую жену, прекрасную семью, имѣю славу, но я не могу жить, ибо все—все равно—кончится смертью, поэтому я убью себя.

Это именно не Кай умиралъ; это каждый разъ, какъ возлѣ умиралъ Кай, Толстой ужасался передъ возможностью своей смерти.

И когда онъ думалъ о самоубійствѣ, онъ

былъ ближе къ пониманію христіанства, чѣмъ въ послѣдующіе годы, когда благословлялъ жизнь: думать о самоубійствѣ великій грѣхъ, но грѣшникъ часто бываетъ ближе ко Христу, чѣмъ праведникъ.

Впослѣдствіи Толстой забылъ объ этомъ, и вспомнилъ и подчеркнул другое: они, а не я. Я блѣдно, стирается, укрывается въ вѣчное.

Такъ думаетъ Толстой, такъ думалъ тотъ, кого называютъ Буддой. Но не такъ думаетъ обычный человѣкъ, знающій опытомъ горе жизни; не такъ думаетъ Достоевскій, не такъ думалъ Іовъ.

Достоевскій въ „Преступленіи и наказаніи“ разрабатываетъ ту же тему, что и Толстой въ „Воскресеніи“ и „Аннѣ Карениной“.

Раскольниковъ сдѣлалъ большій грѣхъ, чѣмъ Анна Каренина, онъ убилъ; и, однако, какъ-то сумѣлъ справиться съ грѣхомъ, толкуетъ о возрожденіи, какія-то силы находитъ въ себѣ, можетъ быть, есть и радостень.

Достоевскій вѣритъ въ живую человѣческую личность, чувствуетъ ее. Онъ христіанинъ, не подавленъ природой и ея законами, а борется съ нею.

„Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. О, да! Но вѣдь это въ Ветхомъ Завѣтѣ; Сынъ же не воздавалъ, а прощаль, сжигалъ злое въ человѣкѣ.

Толстой въ „Аннѣ Карениной“ видѣлъ одну правду, а любовь проглядѣлъ. Поэтому, когда правда оказалась нарушенной, другого осно-

ванія, которое было бы способно дать жизнь, такого основанія не оказалось. О любви и жалости, которыя могли дать новую жизнь, Толстой не вспомнилъ.

У Раскольникова грѣхъ больше, но осталась любовь, и она дала ему новую жизнь, какъ любовь же дала новую жизнь разбойнику на крестѣ. Раскольниковъ тоже терпитъ „отмщеніе“, но не гибнетъ; въ немъ его лучшее, его человѣческое, перебораетъ худшее и грѣховное и на развалинахъ прежняго создаетъ новую жизнь. Раскольниковъ ставитъ свою волю выше воли природы, творитъ свою волю. Другой герой Достоевскаго **Димитрій Карамазовъ** „бунтуетъ“ противъ Бога, какой-то тамъ свой „билетъ“ Ему хочетъ возвратить.

У Толстого не такъ: смѣшно и безумно, чтобы глина могла сказать горшечнику: зачѣмъ ты сдѣлалъ меня для того, а не для этого употребленія? Всю жизнь Толстой мучился сознаниемъ, что ему не достаетъ въ его жизни чего-то самаго важнаго. Не доставало же ему пониманія и воспринятія въ себя того новаго человѣка, котораго началъ Собою Христосъ. Это человѣка искалъ онъ въ себѣ и въ другихъ и не находилъ. Находилъ же вездѣ только Бога. И Богъ былъ такъ огроменъ и всеобъемлющъ, такъ все наполнялъ Собою, что для человѣка не осталось мѣста въ Божіемъ мірѣ. Если бы Толстой нашелъ человѣка, онъ нашелъ бы и Бога, ибо человѣку суждено

черезъ человѣка искать и находить Бога. Если бы Толстой ярко ощутилъ человѣка, онъ не отождествилъ бы Бога съ косными законами природы, но за ихъ мертвымъ лицомъ разглядѣлъ бы лицо болѣе великое, чѣмъ они, и живое.

Толстой не признаетъ обряда и таинства и не можетъ ихъ признать. Они для него нелѣпость и невѣжество. Мировая идея, вѣчность, и вдругъ восковая свѣча или колокольня. Безконечная смѣна временъ и народовъ, куда-то идущихъ необозримо, высокія мысли мудрыхъ людей, трепетно устремленныхъ къ вѣчному, и—гдѣ-то, затерявшаяся въ снѣгахъ, убогая церковь и грязный дьячекъ поетъ гнусаво: подай, Господи! Смѣшно, нелѣпо и кощунственно . . . При безконечномъ-то сводѣ небесномъ? При безднѣ синей и вѣковѣчномъ движеніи великихъ міровъ въ пространствѣ безмѣрномъ?

Да, нелѣпо, если смотрѣть только отъ вѣчности, да—если забыть о человѣкѣ. Но не смѣшно и нѣтъ нелѣпости, если смотрѣть отъ человѣческаго горя и боли.

Великіе міры, необозримые просторы неба и среди нихъ—человѣкъ. Ужасъ объемлетъ душу. Что я этимъ громадамъ? Непонятные, жестокіе законы природы, безконечно движется время, и среди нихъ мое слабое сердце, которое ищетъ покоя, опоры, какого-то счастья. Нѣчто ничтожное, безконечно затерявшееся въ пустыняхъ неизмѣримаго пространства, лишнее, никому ненужное.

Но я отдѣлилъ себѣ уголокъ, покрылъ его крышей, поселился въ немъ съ подобнымъ мнѣ существомъ. И вотъ среди безмѣрности міровъ, которымъ нѣтъ дѣла до насъ, родилась наша маленькая жизнь, она дала намъ радость и счастье. Здѣсь моя любовь, и жалость къ людямъ, и работа для нихъ. Наполняется содержаниемъ жизнь, дѣлается обширной, спасаетъ отъ ужаса безпредѣльности. Даже больше: иногда я чувствую, что этой жизнью я какъ-то связанъ съ мірозданіемъ, не чужой и не лишній ему. Тихій свѣтъ, который льется отъ далекой звѣзды, что-то говоритъ моей душѣ. Какъ будто и я что-то значу для нея—можетъ быть, тѣмъ, что мыслю о ней? Въ этомъ-то уголкѣ существуютъ и имѣютъ значеніе свѣча и колокольный звонъ. О, это не божеское! Это совсѣмъ человѣческое. Зачѣмъ Богу свѣча? Но нужно Богу сердце, принесшее свѣчу, и нужна душа, которая стремится къ голубымъ глубинамъ небесъ.

Толстой зачерпнулъ горсть отъ вѣчности и у него явилось презрѣніе къ свѣчѣ и колокольнѣ, потому что онъ забылъ о человѣкѣ. А Христось, пришедшій изъ глубинъ вѣчности, благословилъ свѣчу, потому что пожалѣлъ, потому что призналъ человѣка.

Обрядъ—абсурдъ. И этотъ абсурдъ отвергнетъ Толстой и его признаетъ Достоевскій. И его благословитъ Христось. Съ точки зрѣнія безконечной смѣны временъ—абсурдъ, а для меня

дорого, понятно и близко. Съ точки зрѣнія живой души. Это человѣческое, непослѣдовательное, рвущееся къ безсмертію всякими, и не мудрыми, путями.

Въ возвышенное ученіе великихъ основателей религій ничтожные и неразумные ихъ послѣдователи вносятъ множество суевѣрій? Высокую мысль загромаждаютъ обрядомъ? Это бываетъ. Но, думается, что чаще обрядъ, вносимый въ религію обычными, простыми людьми, — это въ значительной степени не порча высокихъ мыслей, это только человѣкъ ухватился за высокую мысль и ей обрадовался: нагрузилъ ее своимъ грѣшнымъ и бѣдственнымъ содержаніемъ. Высокое перевелъ на свой языкъ. Это кричитъ въ человѣкѣ его чувство жизни; оно, очевидно, болѣе сильно и истинно, чѣмъ мозговья построенія даже самыхъ высокихъ умовъ.

Размышленія Будды и Толстого высоки; многія мысли Толстого умиляютъ. Но я вижу что онѣ не могутъ ободрить старуху и одобрить ея лепту—свѣчу. А мысли Христа одобряютъ и ободряютъ. Это я вижу съ очевидностью. И я сказалъ бы о Толстомъ, какъ слѣпорожденный фарисей о Христѣ, измѣнивъ, впрочемъ, слова: не знаю, великій ли христіанинъ Толстой, одно лишь для меня очевидно, что вотъ это ему было непонятно, казалось невѣжествомъ, а Христосъ это самое благословилъ.

Вотъ философія Толстого, стоящая въ полномъ

соотвѣтствіи съ философіей Будды—философія о Богѣ и человѣкѣ. Человѣкъ есть рабочій, приставленный по волѣ хозяина вертѣть колесо машины — дѣлать дѣло жизни. Гдѣ цѣли дѣланія? Гдѣ его конецъ? Въ чемъ причина? Не спрашивай и верти. А мы о личномъ безсмертіи твердимъ, хотимъ знать, зачѣмъ вертѣть и даже хотимъ что-то въ самомъ механизмѣ исправить.

Обрядъ—нелѣпость. Ну, можно ли обрядомъ, ради обряда, получить прощеніе грѣховъ—за клевету? За убійство? Колѣнопреклоненіемъ? Постомъ? А были люди, вымаливали прощеніе себѣ и даже другимъ. Силою любви, вдругъ охватившею человѣка, къ Богу и къ людямъ, могучею жаждою оправданія и жизни, которою были проникнуты, которою были вызваны постъ и поклоны.

Тѣло человѣка есть уже обрядъ его души. Обрядъ есть знакъ, при помощи котораго говоритъ человѣческая душа—одна другой и сама Богу, не умѣетъ она, еще не научилась говорить иначе.

Свободное слово ты вынужденъ вѣдь заключать въ буквы? Духовнѣйшее евангельское слово Живаго Бога заключаешь въ типографскія краски?

Поклоны? Но это знакъ, что человѣкъ не отчаялся до конца, что онъ не хочетъ умирать, но хочетъ жить. Свѣча? Но черезъ малое оконце это въ небо смотритъ человѣческая душа,

смотреть, сверлить глубину неба остриемъ своего раскаянія, своей боли, горячей мольбы. Звуки колокола? Но это печаль челоуѣка несетя по полямъ и рѣкамъ. Или развѣ звонъ пасхальный не зажигаетъ въ сердцахъ чистой радости воскресенія?

О бракахъ.

Въ настоящее время въ городахъ у священника не рѣдки такіе посѣтители: приходитъ дѣвушка, чаще одна, иногда съ какой нибудь старой теткой или знакомой, которая приняла въ ней участіе. Дѣвушка приходитъ робко, прячетъ лицо, сядетъ стѣснительно и заплачетъ. Исторія всегда одинакова: былъ „челоуѣкъ“, обѣщаль жениться, обманулъ, теперь женится на другой.

— Не у васъ ли вѣнчается? Ради Бога не вѣнчайте: у меня ребенокъ.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ такой свадьбы.

Идетъ къ другому священнику съ такою же просьбой, обойдетъ всѣхъ, кого можетъ.

Но ея хлопоты имѣютъ мало значенія. Обидчикъ не дремлетъ; да и новая невѣста и ея родня научатъ, что дѣлать. Назовутъ сосѣднее село: поѣзжай туда! Поѣдетъ и, конечно, тамъ повѣнчаютъ. „Документы“ въ порядкѣ, а она не обойдетъ же всѣхъ церквей.

У священника нѣтъ возможности и почти

нѣтъ права остановить, не сдѣлать явно грѣшнаго, злого дѣла.

— „Не общался ли еси иной невѣстѣ?“ Но развѣ онъ скажетъ, что общался.

И гдѣ-то, знаешь, будутъ произносить отъ имени Божія трогательныя слова благословенія на дружную жизнь; будутъ сравнивать чувства этихъ людей съ любовью Христа къ Церкви. Его чистое сердце съ тупымъ и злобнымъ сердцемъ жестокаго человѣка, съ горящимъ жадностью сердцемъ его новой невѣсты, которая почти всегда знаетъ драму покинутой: и что у той ребенокъ, что она бѣгаетъ сейчасъ гдѣ-то, обивая пороги, добиваясь защиты; знаетъ это все, но думаетъ: поскорѣе бы вѣнецъ, а тамъ не урвешь.

Бываетъ и такъ:—не у васъ ли вѣнчается?

— Да, у меня.

— Ради Бога, не вѣнчайте.

— Хорошо, не буду вѣнчать.

Разумѣется, отказать въ вѣнчаньи не трудно. Но отказъ бесполезенъ для покинутой, и надо здѣсь, не отпуская ихъ отъ себя, постараться что-нибудь для нея сдѣлать.

Къ сожалѣнію, сдѣлать можно немного. Въ-сто яснаго и опредѣленнаго закона священникъ стоитъ тутъ единственно на нетвердой почвѣ добраго желанія.

Позволю себѣ рассказать одинъ случай.

Какъ-то ко многимъ священникамъ приходила дѣвушка съ ребенкомъ на рукахъ и все просила

не вѣнчать бросившаго ее „человѣка“. Тотъ, очевидно, узналъ объ этомъ и устроился въ городской, но отдаленной, окраинной церкви. Онъ рассказалъ священнику выдуманную исторію, увѣрилъ, что его паспортъ гдѣ-то случайно задержался, привелъ людей, которые подтвердили все, что онъ рассказывалъ, убѣдили, что нѣтъ никакихъ препятствій къ повѣнчанію его брака.

Подошелъ вечеръ вѣнчанья. Приѣхала въ церковь невѣста, приѣхалъ и женихъ.

Тутъ только, посмотрѣвъ паспортъ, священникъ увидалъ, что женихъ и есть тотъ самый слесарь, который бросилъ дѣвушку и ребенка; онъ возмутился, отказался вѣнчать и ушелъ изъ церкви. Люди бросились за нимъ, съ укорами и угрозами требуя, чтобы вѣнчанье было совершено.

Тогда священникъ пошелъ за совѣтомъ къ товарищу. Женихъ и шаферы не отступали ни на шагъ.

— Это клевета! кричали они, мы не знаемъ дѣвушки, о которой вы говорите. Вы при-тѣсняете бѣдныхъ людей: мы издержались на свадьбу, теперь у насъ все пропадетъ. Надо было раньше смотрѣть, можно или нѣтъ вѣнчать.

Вокругъ, на церковномъ дворѣ, собралась толпа народа; люди волновались.

— Слушайте, сказалъ тогда жениху одинъ изъ священниковъ: приведите сюда эту дѣвушку,

помиритесь съ нею, дайте росписку, что обѣщаете уплачивать на содержаніе брошеннаго вами ребенка опредѣленную сумму денегъ; и когда дѣвушка заявитъ, что не имѣетъ ничего противъ вашего вѣнчанья, только тогда васъ повѣнчаютъ.

Конечно, женихъ и парни лгали. Убѣдившись, что больше ложь не поможетъ, они явились черезъ полчаса, приведя съ собою дѣвушку и ея свидѣтелей. Въ квартирѣ священника написали росписку; подписался женихъ, признавшій ребенка своимъ; члены причта и нѣкоторые другія лица росписались, какъ свидѣтели; и вѣнчанье состоялось.

Но дѣло не кончилось.

Повѣнчавшись, слесарь отказался давать обѣщанную помощь. Дѣвушка подала въ судъ, приложивъ къ прошенію полученную отъ причта росписку. На судѣ слесарь заявилъ:— никакого ребенка и никакой дѣвушки знать не знаю; вѣнчался поздно ночью, былъ во время вѣнчанья пьянъ, ничего не помню и не понимаю, какъ могъ подписать росписку.

Судья, выслушавъ свидѣтелей, разумѣется, убѣдился, что онъ лжетъ, и постановилъ взыскать съ него на воспитаніе ребенка.

Но и этимъ дѣло не кончилось.

Судебное разбирательство попало въ газету; репортеръ не разобралъ, въ чемъ дѣло, и освѣтилъ его такъ, что виноваты оказались священники. Отъ благочиннаго сейчасъ же пришла

бумага: правда ли, что вѣнчали пьянаго, правда ли, что вѣнчали ночью, что въ церкви былъ составленъ актъ юридическаго характера и т. д.

Пришлось доказывать, что все это не правда, а съ другой стороны судья частнымъ образомъ далъ знать, что росписку нельзя было писать на простой, не гербовой, бумагѣ, что съ cadaго подписавшагося свидѣтеля полагается штрафъ соотвѣтственно суммѣ, на которую дана росписка. И хотя сумма, которую обязался платить женихъ, была небольшая, но она должна была выплачиваться до времени совершеннолѣтія ребенка, поэтому слѣдуетъ считать росписку данной на сумму, которая придется за всѣ эти годы. Оказалось, что каждый свидѣтель долженъ заплатить больше ста рублей. Можно представить, какъ подѣйствовало такое заявленіе на свидѣтелей, особенно на бѣдняка псаломщика и на рабочихъ. Спасибо, судья былъ добрый человекъ: онъ помирился на томъ, чтобы заднимъ числомъ было приклеено къ роспискѣ необходимое количество гербовыхъ марокъ.

Для священниковъ хлопотливое дѣло на этомъ кончилось, но оно не кончилось для обиженной дѣвушки. Всякій разъ, какъ приближался срокъ платежа, приходилось ей начинать тяжелую борьбу со своимъ бывшимъ женихомъ.

И это всегда: священникъ добьется, чтобы женихъ далъ обѣщаніе содержать внѣбрачнаго ребенка, но послѣдній всякими правдами и неправдами старается потомъ уклониться отъ

своей обязанности: уѣзжаетъ въ другой городъ, отдѣляется общаніями, судится, грозитъ обиженной устроить какой-нибудь скандалъ. И, наконецъ, добивается, что дѣвушка бросить всякую надежду на чужую помощь и кормить ребенка тяжкимъ своимъ трудомъ. О, разумѣется, такъ часто видящія обманъ и насиліе, онѣ и сами дѣлаются иногда хищными звѣрями; жестоко борются между собою, топять другъ друга озлобленно и безжалостно.

Священникъ убѣждаетъ парня, чтобы онъ возвратилъ деньги, взятые „на костюмъ“ у дѣвушки, которую онъ обманулъ. Тутъ же стоитъ новая невѣста, съ которой онъ хочетъ вѣнчаться, молодая дѣвушка. Парень уступаетъ, ему въ самомъ дѣлѣ стыдно: костюмъ и сейчасъ надѣтъ на немъ. Но невѣста, злобно сверкая глазами на свою, уже униженную, соперницу, твердитъ настойчиво: не отдавай! не плати! зачѣмъ къ тебѣ лѣзла, сама виновата!

Молодой человекъ бросилъ дѣвушку съ ребенкомъ, больную, несчастную. Былъ онъ и самъ очень боленъ, но довольно богатъ, и сейчасъ же повѣнчался на другой.

Священникъ пошелъ къ нему, убѣждалъ помочь ребенку и матери. Почти умирающій, тотъ обѣщалъ дать небольшую помощь. А черезъ полчаса прибѣгаетъ къ священнику жена больного и запальчиво отрицаетъ все, что говорилъ мужъ.

— Я не знаю, кричала она, что онъ вамъ

говорилъ, но вотъ что онъ мнѣ сказалъ: онъ не знаетъ этой дѣвушки, и ничего ей не дастъ и не хочетъ дать.

А за мѣсяць она сама умоляла другого священника помочь ей въ такой же бѣдѣ.

Казалось бы: какое радостное, свѣтлое дѣло! Молодые люди любятъ первой любовью, проникнуты чудеснымъ, возвышающимъ душу чувствомъ; пришли въ церковь испросить отъ Бога благословеніе на чистую, дружную, совместную жизнь. Вспоминаются описанія любви нашихъ великихъ писателей, полныя настроеній прекрасныхъ, свѣтло радующихъ душу. Разные Китти и Левины, Наташи и Пьеры и множество другихъ—какіе счастливые люди! Какой просторъ у нихъ для прекрасныхъ ихъ чувствъ! Какъ свѣтло и радостно они должны были стоять подъ вѣнцомъ!

Священникъ радъ, когда вѣнчаетъ чистыхъ и радостныхъ людей, въ которыхъ видитъ взаимное довѣріе и любовь!

Но какъ рѣдко это бываетъ теперь. Что-то неладное творится въ послѣднее время около таинства брака. Видится мало святыхъ и возвышенныхъ чувствъ; мало молитвы, благоговѣйной просьбы къ Богу, научилъ бы, благословилъ на новый путь.

Придешь въ церковь, посмотришь на тѣхъ, кто вѣнчается, и станетъ тяжело на душѣ.

И во-первыхъ, едва не половина тѣхъ, кого вѣнчаешь, уже беременны. Онѣ пугливы,

стѣснительны; пришли сюда послѣ долгихъ тревогъ: какъ бы удержать жениха? Послѣ борьбы, слезъ, угрозъ ему.

И сейчасъ онѣ въ страхѣ.

Бываетъ, что и въ церкви, во время вѣнчанья, вдругъ раздастся изъ толпы истерическій вопль: Андрюша! зачѣмъ ты обманулъ меня?! И протолкавшись черезъ толпу, появится несчастная женщина и начнетъ упрекать жениха.

Бываетъ, что женихъ убѣжить и изъ церкви. Помню, была назначена свадьба. Священникъ былъ чѣмъ-то занятъ и замедлилъ. Черезъ полчаса послѣ назначеннаго времени онъ приходитъ въ церковь и видитъ: невеста стоитъ и горько рыдаетъ; вокругъ нея столпились смущенные родные и много постороннихъ. Жениха нѣтъ.

— Гдѣ женихъ?

— Онъ ждалъ, васъ долго не было, обидѣлся и ушелъ, сказалъ, что вѣнчаться не будетъ.

— И бросилъ невесту?

— Бросилъ, батюшка.

Разумѣется, дѣло было не въ томъ, что священникъ опоздалъ на полчаса. Сами вѣнчающіеся рѣдко бываютъ точны: заставляютъ ждать по часу и больше. Невѣста была беременна, жениха принудили вѣнчаться; онъ воспользовался случайнымъ замедленіемъ священника и убѣжалъ изъ церкви.

Невеста плачетъ навзрыдъ; позорно выйти изъ церкви невѣнчанной. Плачутъ ея родные.

— Узнаю, рассказывалъ священникъ, гдѣ живетъ женихъ; оказывается, онъ сапожникъ и живетъ недалеко отъ церкви. Беру съ собой сапожника и иду. Женихъ уже снялъ съ себя сюртукъ, въ рубахѣ и фартукѣ тачаетъ сапогъ.

Священникъ не далъ ему опомниться:— какъ ты смѣлъ бросить невесту? Смѣяться надъ такимъ важнымъ дѣломъ? Уйти, записавшись въ церковной книгѣ?

Кажется, больше всего подѣйствовали слова о томъ, что онъ расписался въ книгѣ. Парень струсилъ, снялъ фартукъ и грязную рубаху, опять надѣлъ сюртукъ; его привели въ церковь и повѣнчали.

Какъ они будутъ жить? Хорошо или дурно сдѣлалъ священникъ?

Тяжело возглашать во время вѣнчанья слова свѣтлыя и чистыя, въ которыхъ невеста сравнивается съ церковью— „дѣвою чистою“, когда знаешь, что вокругъ вѣнчанья уже много грѣха и жестокости, и уже ненависть вошла въ душу брачующихся злымъ и губительнымъ ядомъ. Совершаешь таинство, читаешь святыя слова, а въ душѣ поднимается чувство гнѣва къ людямъ, возмущаетъ жестокость человѣка къ человѣку.

Молодой парень пріѣхалъ издалека съ женщиной, прожилъ ея деньги, бросилъ ее и женится на другой. Священникъ узналъ объ этомъ уже въ церкви, передъ самымъ вѣнчаньемъ.

— Слушайте, говоритъ онъ парню, возвратите

ей деньги; дайте ей на дорогу уѣхать на родину. Нельзя не дать: нечестно, стыдно, позорно. Парень служить поваромъ, зарабатываетъ порядочно.—Нѣтъ, я платить не буду.

— Но я не буду вѣнчать, пока не заплатите.

— Ну что жъ? Знаю, что можете не повѣнчать. Тогда буду взыскивать съ нея (съ женщины, которую обманулъ и которая стоитъ тутъ же) расходы на свадьбу.

— А этой, новой, невѣсты не стыдно? Что гости ваши ждуть—вамъ не совѣстно?

Невѣста, ея родня и знакомые тоже въ церкви и стоятъ недалеко отъ насъ.

— Ничего, что жъ дѣлать? Подождутъ.

— Слушайте, я буду вѣнчать другую свадьбу; въ это время уговоритесь съ женщиной; иначе вѣнчать не буду.

Повѣнчали другую свадьбу.

— Уговорились?

— Нѣтъ.

Она проситъ 25 рублей; онъ не даетъ. Проситъ 15 рублей, не даетъ.

Вѣнчаютъ еще свадьбу. Люди ждуть. Новая невѣста плачетъ; обманутая женщина плачетъ. Женихъ чувствуетъ себя хорошо.

Священникъ возмутился.—Сколько вы мнѣ хотите дать за свадьбу? спрашиваетъ онъ жениха, повѣнчавши третью свадьбу.

Женихъ напряженно улыбается:—вотъ десять рублей.

— Отдайте ихъ этой женщинѣ.

Парень немного озадаченъ, но отдаетъ деньги и вѣнчанье совершается.

Но... какъ они будутъ жить? Съ этой удивительной черствостью—какая будетъ семья, что въ ней будетъ человѣческаго и христіанскаго?

Тѣ, которые обманываютъ—чѣмъ они связаны, чѣмъ ограничены? Ничѣмъ и никѣмъ. Чѣмъ защищены обманутыя? Ничѣмъ. Но будьте справедливы: если грѣхъ, то грѣхъ взаимный, пусть же обѣ стороны несутъ отвѣтственность. Что надо дѣлать? Я не знаю, что дѣлать. Иногда кажется, что надо бѣгать по улицамъ и кричать людямъ:—не будьте звѣрями! Какъ вы смѣете Богу молиться, имѣя такіе грѣхи? Какъ смѣете быть веселы и радостны, имѣть чистыхъ женъ и милыхъ дѣтей, когда вокругъ такая жестокость?

Я не знаю, что дѣлать, но кажется надо, чтобы скрытое въ церкви—въ ея молитвахъ и священнодѣйствіяхъ, въ уставахъ и канонахъ—весь гнѣвъ противъ зла и жестокости, вся любовь къ оскорбленному и униженному въ жизни, направились сейчасъ сюда—въ защиту ребенка и женщины; чтобы это страданіе церкви, громкій вопль ея услышанъ былъ и законодательствомъ нашимъ и оно охранило несчастныхъ отъ творимаго надъ ними зла.

Каждое время имѣетъ свое жестокое дѣло. Ищетъ выхода зло, мѣняетъ формы, устремляется на новыя жертвы. Стало видно, что

сейчасъ оно устремилось на ребенка, на дѣвушку и женщину.

Уменьшается жалость къ ребенку. Дѣтей продаютъ, ихъ насилуютъ, убиваютъ, безжалостно безпомощныхъ и довѣрчивыхъ. Вы помните, какъ вдовая мать, чтобы выйти замужъ, завезла своихъ маленькихъ дѣтей въ лѣсную избу и оставила тамъ замерзать; какъ, стараясь согрѣть себя, они протоптали дорожку въ снѣгу и какъ потомъ плакали, прижавшись другъ къ другу и умерли, и слезы застыли у нихъ на глазахъ.

И на женщину устремилась жестокость.

Часто, какъ мученица, страдаетъ женщина: столь же тяжело, но безконечно болѣе длительно. Безъ яркой одушевляющей вѣры, безъ вдохновенной надежды своимъ страданіемъ помочь дѣлу Христа. О, нѣтъ! Онѣ не видятъ Его въ ослѣпительномъ блескѣ, нестерпимомъ для глаза сіяніи, какъ видѣли когда-то христіанскія мученицы, зовущаго къ торжеству и побѣдѣ. Ихъ не чтутъ послѣ смерти; поднимающихъ душу страницъ историкъ не напишетъ о нихъ. Страдаютъ невидно и тихо; съ жуткой неуклонностью гаснетъ въ нихъ радость.

Это бѣдныя женщины, которыхъ бросили мужа. Онѣ бьются ради дѣтей никѣмъ не поддержанныя. Кормятъ, сами голодныя, одѣваютъ, дрожа отъ холода; бьютъ дѣтей въ изступленной злобѣ и потомъ изступленно же просятъ у Бога прощенія.

Это дѣвушки, которыя не вышли замужъ и въ тоскливомъ одиночествѣ жалуется Богу на жизнь. Мечты оборваны, инстинкты безжалостно давятся. „Ловить жениха“. Въ иныхъ чистыхъ и скромныхъ душахъ какой, должно быть, болью отзываются эти слова и намеки пошлости, какія законныя и глубокія чувства волнуются?

Это мученицы, свѣтлыя чувства которыхъ растоптаны, у которыхъ глаза выжжены. Ибо уже не мало есть и такихъ.

Въ странныхъ синихъ очкахъ медленно движется женщина, неувѣренно опираясь рукою о стѣны комнаты. Что съ нею? Еще недавно была дѣвушка, милая и добрая. Подвернулся женихъ, вышла замужъ, уѣхали въ Харьковъ. Мужъ загулялъ, пошли непріятности, и разъ пьяный плеснулъ ей въ лицо какой-то ядовитой жидкости.

Это дѣвушки съ дѣтьми, которыхъ обманули грубо и безпощадно. Въ стыдѣ несущія, въ грязи рождающія, никому не нужны! Крѣпко, крѣпко прижимаетъ такая ребенка, не хочетъ разстаться съ нимъ.

Отецъ бросилъ дѣвочку и мать ея, уѣхалъ въ другой городъ, Средства нѣтъ, работы нѣтъ, родные отказались. Квартирная хозяйка рассказываетъ: она какъ помѣшанная; одѣнетъ дѣвочку въ хорошее платье, уберетъ ей головку лентами, станетъ передъ ней на колѣни,

плачетъ и смѣется. А ѣсть нечего и негдѣ жить; не могу же я держать даромъ.

Постановили: абортъ долженъ быть не наказуемъ.

★ Пусть будетъ такъ. Въ виду жестокости, которая накопилась около этого дѣла, въ сѣтяхъ страданія и горя, которыми жизнь крѣпко опутываетъ родившую дѣвушку, можетъ быть, не слѣдуетъ наказывать сдѣлавшую абортъ. По человѣческому разсужденію говорю. Ибо, если прощаютъ убійцу, говоря: въ этомъ дѣлѣ есть много смягчающихъ вину обстоятельствъ; если не судятъ отца, который покинулъ соблазненную и ребенка на дно нищеты и гибели,—то какъ бросимъ камнемъ въ человѣка, который такъ много страдаетъ за увлеченье минуты?

Но, великодушные и добрые, почему вы молчите о тѣхъ, кто ихъ сдѣлалъ несчастными?

Почему забываете дѣтей, которыя „выкинуты“?

Какое имѣете право распоряжаться судьбою тѣхъ, кто уже прикоснулся къ источнику жизни? Кто, можетъ быть, имѣетъ больше, чѣмъ вы, права на жизнь? Быль бы нужнѣе васъ, даль бы землѣ больше добра?

Почему забываете, что жизнь—Божій даръ, изъ всѣхъ даровъ Его неизъяснимый и драгоценнѣйшій,—должна быть свято хранима общимъ разумомъ человѣчества?

Нѣкогда и вашей судьбой могли столь же жестоко распорядиться чужіе люди и, подчи-

няясь злomu совѣту, ваша мать могла также легко отнять у васъ жизнь.

Тяжело беременной дѣвушкѣ отъ стыда, нужды и смятенія, но жалѣйте ее тогда, когда хочетъ имѣть семью и ребенка, а жизнь даетъ обманъ и злую жестокость. Передъ горемъ, которое на нихъ навалилось, многія изъ нихъ будутъ рады услышать, что не наказуемъ ихъ грѣхъ. Но укажите имъ иные пути, идя по которымъ можно сохранить ребенка и жить, дыша свободно, тогда увидите, насколько бѣльшей радостью встрепенутся ихъ души. Ибо абортъ избавляетъ отъ тяжелыхъ страданій, но радости имъ не даетъ; среди нихъ гораздо больше тѣхъ, кто считаетъ это дѣло неискупимымъ грѣхомъ.

Какъ убѣдить мать, что не грѣшно убить своего ребенка? И можно ли думать, что Церковь когда-нибудь скажетъ: нѣтъ грѣха, когда мать убиваетъ ребенка? И законъ постановитъ: нѣтъ преступленія въ убійствѣ ребенка?

Съ какой радостью многія изъ нихъ не сдѣлали бы грѣха; съ какой жалостью къ „куску мяса“ онѣ дѣлаютъ это; съ какимъ чувствомъ негодованія къ тѣмъ, кто въ дѣлѣ облегченія жизни способенъ только къ этой жалости: облегчить абортъ.

Бѣдныя дѣвушки! Трудными путями онѣ идутъ къ семьѣ.

Вотъ уже нерѣдки примѣры: учительница вышла замужъ за неграмотнаго рабочаго, кото-

рый ее бьетъ; интеллигентная дѣвушка вышла за вдоваго мужика съ кучей дѣтей.

Вотъ уже слышишь: къ инспектору народныхъ училищъ приходитъ учительница и проситъ: позвольте мнѣ имѣть ребенка!

— Простите: какъ васъ понимать?—спрашиваетъ инспекторъ.

— Да такъ и понимать. Если у меня родится ребенокъ, вы не прогоните меня съ мѣста?

— Вы замужъ выходите?

— То-то и горе: никто не беретъ.

— Значитъ, съ вами случилось несчастье?

— Не беспокойтесь, я не беременна.

При дальнѣйшемъ разговорѣ дѣло объяснилось такъ: учительница лѣто жила въ семьѣ знакомыхъ, гдѣ очень привязалась къ дѣтямъ. И теперь, зимой, заскучала одна нестерпимо. Она не хотѣла разврата, но у нея не было и жениха, но она хотѣла, чтобы у нея былъ ребенокъ, и пришла къ инспектору съ этой удивительной просьбой.

Онѣ рады прилѣпиться сердцемъ къ чужой семьѣ, забыть о себѣ въ заботахъ о дѣтяхъ сестры и племянницы; счастливы, когда, найдя опору въ религіи, уйдутъ въ монастырь и присоединять свой голосъ къ голосамъ тѣхъ, кто печально тамъ поетъ священныя пѣсни.

Кто въ наше время не ругается надъ женщиной? хозяинъ, принуждающій къ разврату прислугу, студентъ, развращающій дѣвушекъ,

врачъ, насилующій пациентку. Случаи, извѣстные всякому священнику, изъ которыхъ лишь малое число дѣлается извѣстнымъ постороннимъ людямъ.

Старинныя свадебныя пѣсни. Въ нихъ звучало много скорби, и въ жизни было въ то время много жестокости, были суровы и грубы отношенія въ семьѣ; но сколько задушевной мечтательности слышимъ тамъ, какой поэзіей окружено было дѣло брака. И какъ-будто не было этого дикаго цинизма и оплевыванія человѣка. Была трагедія, но не злая и жестокая шутка.

Случается еще и теперь въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстахъ: если невѣста беременна на нее при вѣнчаніи не надѣваютъ фаты. Грубо, но прямо и откровенно: явный грѣхъ и явно неси его. Но вѣнцомъ покрывается грѣхъ и ужъ потомъ нѣтъ о немъ укоризны.

Теперь же идетъ и множится отношеніе иного рода.

Парень соблазнилъ дѣвушку и бросилъ; когда же она отъ горя и срама поѣхала служить на чужую сторону, онъ подговорилъ писаря, и въ ея паспортѣ, въ рубрикѣ: замужняя или нѣтъ,—написали: покрѣпка. Этимъ словомъ во многихъ мѣстахъ называютъ павшихъ дѣвушекъ. И несчастная пошла съ этимъ паспортомъ по бѣлому свѣту.

И часто, часто несетъ теперь во слѣдъ обиженнымъ циническій хохоть.

Стали часты ужасные случаи: двадцать рабочих схватили случайно проходившую дѣвушку, ругались надъ нею цѣлую ночь, потомъ бросили полумертвой; поѣздная прислуга выбросила съ поѣзда молодую женщину, надругавшись надъ нею; родной отецъ, образованный и съ виднымъ положеніемъ человѣкъ, чтобы заставить дочь выйти замужъ, напоилъ ее и отдалъ жениху—своему пріятелю на безчестье.

Тяжело говорить о такихъ случаяхъ.

А какіе гордые бываютъ характеры среди обманутыхъ, какъ много выносятъ и не сдаются.

Вотъ дѣвушка. Она крестьянка, была красива и не бѣдна. Сваталось много жениховъ, но отказала всѣмъ. Была умна, разборчива и уязвлена мечтой о монашествѣ. Молодой и ушла въ монастырь. Прожила тамъ восемь годовъ и была въ монастырѣ не изъ худшихъ: рукодѣльница, постница, читала и пѣла на клиросѣ. Была чиста нравственно и этимъ гордилась: въ монастырѣ стала еще гордѣе, чѣмъ въ мірѣ.

Но должно быть грѣшныя мысли бродили подъ темной одеждой и не спрятались навсегда подъ опущенными взорами.

Случилось такъ, что она заболѣла и пришлось на годъ оставить монастырь. Приѣхала полечиться на югъ. Здѣсь къ ней сталъ ходить, по какимъ-то дѣламъ, ея землякъ, приказчикъ, знавшій ее въ годы ея деревенской славы, который тогда не смѣлъ и подумать, чтобы она

вышла за него. Теперь же случилось, что дѣвушка согрѣшила съ нимъ.

О, наружно она стала еще гордѣе: обращалась съ нимъ неуступчиво, презирая его, во всемъ оспаривая, во всемъ ставила на своемъ. „Ты долженъ помнить, кто я и кто ты“. Грѣшила, а на вѣнчанье не соглашалась: слишкомъ высоко цѣнила себя и свою монастырскую святость. И можетъ быть, въ душѣ мелькали мысли о великихъ праведницахъ древности, которыя тоже падали и вставали и возвышались до великой святости. Всю силу взволнованнаго чувства—что изломала жизнь, что взлетѣла высоко и пала такъ низко—все она вымещала на немъ. И не видѣла, что ея любовникъ—обычный, испорченный городомъ, мужикъ, ему наскучила ея тревожная душа и нѣтъ дѣла до ея душевной драмы.

Онъ убѣдилъ ее привезти изъ дому денегъ на какое то „дѣло“, которое хотѣлъ открыть. Черезъ мѣсяць дѣвушка вернулась съ деньгами. Когда она явилась къ нему на квартиру, къ ней вышла незнакомая женщина и заявила, что она невѣста приказчика, что онъ не хочетъ видѣть „проклятой монашки“ и велѣлъ вытолкать, если она явится.

Та въ первую минуту не поняла; потомъ поняла разомъ все.

Несчастливая едва не сошла съ ума. Что съ ней было въ первые дни послѣ этого она помнила плохо. То она бѣжала покончить съ со-

бой; то бушевали въ ней чувства оскорбленной гордости: какъ онъ могъ такъ посмѣяться надъ ней? Падала на колѣни передъ священникомъ и изступленно просила сказать: какъ это можетъ быть? Можетъ ли это быть?

Кончилось тѣмъ, что она ушла въ свой монастырь. Ушла со страшнымъ душевнымъ надрывомъ, съ истерзанной гордостью, но съ приливомъ какого-то новаго чувства. Какъ будто Богъ началъ открываться ей иной, и въ надломленномъ сердцѣ заструились новые, тихіе свѣты.

Другая, тоже обиженная жестоко дѣвушка. Высокая, съ хорошимъ, умнымъ лицомъ, небогатой, городской семьи. Была засватана за одного молодого человѣка.

Назначили обрученье. Послѣ обрученья женихъ увелъ свою невѣсту „поговорить“ въ еоеднюю пустую квартиру и тамъ обезчестилъ ее. Потомъ исчезъ, а черезъ вѣсколько дней прислалъ письмо съ отказомъ отъ невѣсты; письмо было наполнено скверными и циничными ругательствами.

Пережила дѣвушка тяжелую муку, замкнулась въ себѣ, замолчала и одиноко несла свою обиду. Страшно исхудала, въ глазахъ свѣтилась одна неподвижная мысль. Когда родился ребенокъ, она не плакала, ходила за мальчикомъ, но таяла и всѣмъ казалось, что скоро умретъ.

Вышло иначе. Къ ней долго присматривался

одинъ человѣкъ, молодой и чистый; онъ тронулся ея душевной драмой, пожалѣлъ и сдѣлалъ ей предложеніе. Она согласилась, но супружеская замкнутость не оставила ея. Новый женихъ былъ полякъ. „Хорошо, сказала она, я выйду за васъ и приму католичество“.

— Почему вы мѣняете вѣру, спросилъ ее священникъ во время „увѣщанія“, женихъ вашъ не требуетъ этого?

— Ничего не хочу стараго, твердо отвѣтила она, ни людей, ни вѣры.

Какъ будто она мстила Богу, Который не охранилъ ея отъ великой обиды.

И вотъ еще случай. Молодой женатый рабочий запутался въ одномъ политическомъ дѣлѣ. Его присудили къ двадцати годамъ каторги. Жена рабочаго осталась съ маленькой дѣвочкой. Приходилось съ большимъ трудомъ кормить себя и ребенка. Были „люди“, соблазняли на грѣхъ, но она терпѣла. А мужъ писалъ письма. Должно быть очень любилъ ее и терзался ревностью. Жутко было читать эти письма, написанныя въ далекой тюрьмѣ: они обжигали великимъ отчаяніемъ живого, но уже мертваго человѣка. Онъ то умолялъ: не забывай меня! Говорилъ, какъ ее любить, мечталъ о какихъ то манифестахъ, объ освобожденіи. То устрашалъ, терзаясь ревностью:—до меня дошли слухи, что плохо ведешь себя, смотри, я и отсюда тебя достану, изъ могилы встану и отомщу.

Женщинѣ было тяжело. Дѣвочку, которую

любила страстно, приходилось держать въ чужихъ рукахъ; какъ жену каторжника ее тѣснили со всѣхъ сторонъ. И было много соблазна. Она любила мужа, но ужъ слишкомъ тяжело жилось и не было надежды, что когда нибудь онъ вернется. Подвернулся „человѣкъ“, сталъ уговаривать: добейся развода и поженимся.

Стали хлопотать о разводѣ. Пошли къ священнику.

Женихъ хвалится священнику:—я давно вижу, женщина трудящая, хорошая, никто дурного слова не скажетъ. Рѣшили: поженимся. Все ей защита будетъ.

— Ну, дай Богъ!

Только думалось священнику: отчего у него глаза какіе то стеклянные, что у него тамъ прячется?

Разводъ вышелъ скоро. Условились относительно вѣнчанья. А за нѣсколько дней до вѣнчанья онъ воспользовался ея минутной слабостью, а потомъ бѣжалъ отъ нея.

Много натерпѣлась послѣ этого бѣдная женщина. У нея родилась другая дѣвочка. А негодяй подобралъ компанію такихъ же мерзавцевъ и когда она, измученная дневной работой, шла посмотреть дѣтей, они кричали ей вдогонку скверныя слова и ругались надъ ней.

Къ счастью, вторая дѣвочка скоро умерла.

Когда онѣ учатся въ школѣ, развѣ въ ихъ души никогда не западаютъ слова чистыя, возвышающія? Можетъ быть, и для учителя, который ихъ говоритъ, они мертвы—эти слова, но иногда онѣ горячится же, скажетъ же ихъ нервнымъ, прочувствованнымъ голосомъ. И этого бываетъ довольно: въ юности сердце такъ вѣрить, такъ любить благородное.

И вотъ, не растративъ еще чистыхъ дѣвическихъ мыслей и чувствъ, выходятъ замужъ. И часто попадаютъ въ грубыя и пошлыя руки. Сначала непониманіе, потомъ ужасъ, наконецъ холодная, тупая злоба къ мужу. А тамъ и весь міръ, какъ врагъ, уже холоденъ и жестокъ.

У меня небольшое поле наблюденій: ученицы женской гимназіи и начальной школы. Но сколько межъ ними несчастныхъ, оставленныхъ мужьями, истерзанныхъ, замученныхъ жизнью.

Милое лицо, нѣжныя дѣвичьи щеки, ясный и звонкій смѣхъ. Смѣхъ солнцу и утру и всякому встрѣчному взгляду—ласковый и радостный.

Прошло четыре года. Зовутъ крестить младенца. Смотрю на мать.

— Боже мой! Да ужели это вы?!—Грустная, грустная улыбка. А когда закрыла глаза, лицо совсѣмъ мертвое и страдальческое. Двигается медленно, медленно.

И говоритъ больнымъ голосомъ:—видите, у меня трое дѣтей, и мы вѣдь бѣдно живемъ.

— А вашъ мужъ?

Машеть рукой. Извѣстное дѣло: гдѣ нибудь ищетъ какого-нибудь дѣла, неудачникъ и шело-пай, которому наскучила жена и дѣти, и онъ бѣжить отъ нихъ, предоставляя жить и кормиться, чѣмъ могутъ.

И вдругъ глаза ея широко открылись и засвѣтились глубокимъ чувствомъ:—вотъ, батюшка, намъ съ дѣтства все толковали: Богъ, Богъ... а только теперь я поняла, что такое Богъ и какъ Онъ нуженъ людямъ—помолчала и тихо добавила:—вотъ такимъ, какъ я... И какъ будто счастливое выраженіе появилось въ лицѣ, даже щеки покраснѣлись. Взглянула на дѣтей:—милые, милые мои дѣти!

Женщины религіознѣе мужчинъ? Но угнетенные народы и обездоленные люди всегда религіознѣе народовъ свободныхъ и людей счастливыхъ. Женщины религіознѣе, потому что часто онѣ во много разъ несчастнѣе мужчинъ.

Приносятъ хоронить ребенка двухъ мѣсяцевъ. Какъ обычно, подаютъ бумагу отъ полиціи: разрѣшеніе на погребеніе. Въ графѣ о причинѣ смерти написано: наследственная дурная болѣзнь.

Отпѣваль торопливо, куда-то спѣшилъ и не взглянулъ на тѣхъ, кто былъ у гроба.

Черезъ два дня женщина просить отслужить молебенъ:—у меня умеръ ребенокъ, два дня назадъ хоронили.

— Такъ, значитъ, вамъ панихиду?

— Нѣтъ, батюшка, молебенъ.—И объясняетъ ребенокъ родился больнымъ: когда выходила замужъ, не знала, что мужъ боленъ поганой болѣзью.

— Ахъ, да! Какое горе! Но можетъ быть вамъ бы развестись? Теперь вотъ законъ...

— Нѣтъ, батюшка. И мужъ не виноватъ. Болѣзнь въ семьѣ у нихъ, а онъ хорошій человекъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ и рѣшили помолиться Царицѣ Небесной: научила бы, какъ жить.

Мелькнула мысль о высокомъ движеніи человеческой души, но посмотрѣлъ на женщину: самая обыкновенная, невысокая, лице плоское.

— Слушайте, повторяю настойчиво, если вашъ мужъ боленъ неизлѣчимо, то вамъ слѣдуетъ развестись.

И опять въ отвѣтъ:—нѣтъ, батюшка. Пришли мы съ похоронъ, и мнѣ, и мужу горько. Жить, какъ жили, нельзя. Чтоже выводить на мученье невинныя души? Вотъ помолимся Господу и будемъ жить, какъ братъ съ сестрой, замаливать свои и чужіе грѣхи.

Они молились, и навѣрно ихъ молитва была прямая и безъ извилинъ; и вѣрно Богъ послалъ такія же твердыя и крѣпкія мысли и чувства въ отвѣтъ.

Какъ то я напутствовалъ и хоронилъ рабочаго. Былъ онъ кузнецъ, запивалъ, простудился и умеръ отъ воспаленія легкихъ. Комната, въ которой онъ жилъ, была маленькая, шаговъ пять длины и столько же ширины.

Жена его высокая, худая, истощенная женщина.

— Я вѣдь, батюшка, ваша ученица, училась въ церковной школѣ.

Вглядываюсь. Мелькнула въ памяти тоненькая, блѣлая дѣвчонка, но трудно ее узнать въ этой истощенной и какъ будто старой женщинѣ.

— Ужели это вы?

— Я самая.

— Есть у васъ дѣти?

— Какъ же, трое дѣтей, да вотъ мать еще мужа, старуха.

— Вы, значить, здѣсь и живете?—Вопросъ вырвался невольно.—И спите здѣсь—да гдѣ же?

— А вотъ тутъ всѣ на полу.

Трудно помѣститься; кому-то приходилось спать почти надъ кроватью больного отца, кому то подъ столомъ.

Дѣти на время похоронъ были у сосѣдки: два славныхъ мальчика, чистенькіе и не запуганные, и дѣвочка, похожая на мать.

Вотъ такъ и живутъ. И она росла въ такой же комнаткѣ, въ тѣснотѣ и обидѣ, подъ постоянные окрики раздраженной и больной отъ нужды и вѣчной работы—матери. Училась въ школѣ; на переменѣхъ бѣгали съ подругами, какъ звѣрьки, вертя хвостиками косичекъ. Радостей было немного и были онѣ маленькія: мать купить на платье или новые башмаки, похвалить учитель за удачный отвѣтъ; устроить

въ школѣ елку. Кончила школу, обшивала братьевъ и сестеръ, бѣгала въ лавочку, шила у портнихи. Потомъ пришла любовь и замужество; любовь среди ежедневнаго труда. А тамъ пьянство мужа и скоро же дѣти—трое дѣтей. Носить ихъ въ себѣ, няньчить, растить въ нуждѣ, въ раздраженности; вечеромъ съ тоскою прислушиваться къ шагамъ мужа—пьяный или трезвый? Ночью слушать стоны дѣтей, думая съ ужасомъ: ужели заболѣютъ? Хорошо, что этотъ не билъ, а, видимо, любилъ жену.

Счастливы люди, у которыхъ есть время и просторъ для чистыхъ и радостныхъ чувствъ. Здѣсь же—какая бѣдность! Нѣтъ времени для тихой минуты отдыха, некогда сказать приятливое слово; и демонъ нужды почти всегда отгоняетъ свѣтлаго ангела семейнаго мира.

Проидетъ годовъ пять; ея дѣти станутъ, какъ мать, бѣгать въ школу; побѣжить и дѣвочка такая же блѣленькая и будутъ косички болтаться у нея за плечами.

— Слушайте, закричалъ въ разговорѣ со мной знакомый и милый юноша, послушайте, да это и все?

— Да, это и все.

— И такъ будутъ жить и ея дѣти?

— Навѣрно такъ будутъ жить и дѣти ихъ дѣтей и, можетъ быть, много поколѣній.

— Но гдѣ же смыслъ ихъ жизни? Гдѣ религія въ ихъ жизни? Гдѣ въ нихъ вѣчное, прекрасное, святое, то, ради чего человекъ рождается

на свѣтъ, безъ чего нѣтъ смысла въ его жизни, понимаете, никакого смысла?

— Понимаю, но не знаю, гдѣ. Должно быть тамъ, гдѣ въ горести своей и среди непосильной работы берегла она въ душѣ своей маленькой свѣтикъ, чуть замѣтный, вѣру, что все здѣшнее—не настоящее. Тамъ это, гдѣ, вырвавъ минуту и упросивъ сосѣдку побыть съ дѣтьми, бѣжала въ церковь и припадала ко Христу Истинному, молила Его о дѣтяхъ и мужѣ. Это тамъ, гдѣ думала: есть правда, есть глазъ всевидящій, есть Богъ правосудный. Оторвались мы отъ Него, бѣднымъ стало богатство души, потускнѣла радость жизни, но все же глубоко живетъ чувство: Твое я созданіе, не отринь отъ Себя, помоги! Среди муки жизни ихъ несетъ, укрѣпляетъ и даетъ радость все эта же вѣра въ высокаго Бога, въ правду небесную.

Какая это громадная, могучая и живая сила!

Страшно, когда человѣку некуда пойти? Но для миллионовъ людей только сюда и можно пойти, только тутъ можно сказать все безутайно. Здѣсь опора послѣдняя: укажутъ смыслъ тамъ, гдѣ по земному нѣтъ его, укажутъ радость среди нестерпимаго горя, дадутъ отраду, хотя бы кругомъ было пусто и холодно. И есть кому поручить малыхъ дѣтей своихъ.

Кто даетъ отраду? Эти мертвые стѣны? О, да! Даже стѣны эти мертвые и холодныя; вѣрнѣе со стѣнъ смотрящіе лики людей праведныхъ, вѣдь жившихъ же на землѣ когда-то, не

должно же говорившихъ: есть Богъ великій и милосердный, есть иная счастливая жизнь.

И почти радость и увѣренность крѣпкую несетъ мать, выйдя изъ церкви, что и въ самомъ дѣлѣ не погубить Господь свѣтлыхъ душъ ея дѣтей и сохранить ихъ отъ зла.

Правда и любовь.

О дѣлѣ, которое Господь совершилъ, сказано, что въ немъ „милость и истина встрѣтились, правда и миръ облобызались.“

Но если встрѣтились, то ясно, что было время, когда они были разъединены, шли по разнымъ дорогамъ. И если облобызались, то, очевидно, между ними имѣлось какое то несогласіе. И цѣлью дѣла Господа была именно ихъ встрѣча, ихъ согласіе и примиреніе.

Если же такъ, то не здѣсь ли лежитъ узелъ всего дѣла: въ какомъ то разъединеніи правды и любви, въ борьбѣ между ними, потомъ въ постепенномъ приближеніи другъ къ другу и окончательномъ ихъ единеніи? Не здѣсь ли лежитъ внутренняя, „движущая“ сила всякой религіи?

Любовь и жалость явились на землю вмѣстѣ съ человѣкомъ. До человѣка какъ будто не было жалости на землѣ, не было для нея мѣста. Была любовь, но гдѣ то внѣ, съ иными, не земными чертами.

То, что жило до человѣка, было „добро зѣло“; прекрасно, хорошо. Но прекрасно не жалостью, а непреложностью истины, холодной красотой закона, линій и формъ, красотой мертваго, а не живого. Ни безконечный небесный просторъ, ни міры, великостью своей уничтожающіе человѣческую мысль, которые громадно движутся тамъ, они не имѣли точекъ соприкосновенія съ человѣческой жалостью. Ни вода, ни деревья на землѣ, ни животныя—не имѣли жалости или имѣли лишь смутные проблески ея.

Но пришелъ человѣкъ и пришла любовь; согрѣшилъ и явилась жалость. Возникли болѣзни, мученія совѣсти, страданія отъ разрушающихъ силъ природы и смерть.

И человѣкъ пожалѣлъ себя.

Первое дуновеніе вѣтра, и нарушалась гармонія его жизни. Уходило счастье. Недолгая болѣзнь, и что то ужасное надвигалось, и смерть кончала всякую жизнь, какъ бы она ни была прекрасна.

И пожалѣлъ человѣкъ себя въ себѣ и въ ближнемъ.

И сталъ искать защиты и опоры. И когда, отыскивая ихъ, взглянулъ вокругъ и посмотрѣлъ на небо, онъ увидалъ тамъ нѣчто непоколебимое и неумолимое. Видя черты непоколебимаго въ мірѣ, онъ перенесъ ихъ и на Бога; ему казалось, что въ небѣ тѣ же вѣчные и равнодушные законы, что и на землѣ, тѣ же холод-

ные и суровые глаза. И это неумолимое и высокое человѣкъ назвалъ правдой.

Правда лежитъ внѣ меня и началась раньше меня. Любовь же во мнѣ; я—человѣкъ ее осуществляю. Меня, моего я нѣтъ, и любви нѣтъ. А правда есть, хотя бы меня не было,

Любовь—это чувство жизни во мнѣ; ея обратная сторона есть жалость къ тому, что страдаетъ, болитъ и умираетъ. Нарушу правду и она отвнѣ нанесетъ мнѣ карающій ударъ; нарушу любовь и умираю внутренне, гнѣю, саморазлагаюсь. Если же есть любовь, есть чувство жизни, есть жалость, тогда пусть гнѣетъ мое тѣло; я и въ проказѣ могу быть не безрадостенъ. Вспомните жизнь святыхъ, вспомните „Живыя мощи“ Тургенева.

Съ того времени, какъ человѣкъ пожалѣлъ себя, съ этого времени началось то отношеніе человѣческаго къ Божескому, въ сферѣ котораго проходитъ извѣстная намъ исторія человѣчества.

Жалость это былъ огонь человѣческаго, зажегшійся среди сплошнаго бытія правды. Это онъ освѣтилъ для человѣка ее и себя; это онъ далъ ему разумъ даже до отдѣленія себя отъ правды, далъ свободу даже итти или не итти къ Богу. Огонь, который согрѣлъ иззябшее, удержалъ отъ гибели смертельно на землѣ раненое сердце человѣка, давалъ силы жить на краю обвала, пропасти, dna которой не было видно, которую онъ назвалъ смертью и въ которую зналъ, что упадетъ неизбежно.

Правда свѣтитъ прекрасно, ярко, но холодно, страшно, даже до безумія холодно. Это свѣтъ великолѣпнаго сіянія сѣвернаго солнца. Отъ него идутъ лучи, которымъ все равно, что они освѣщаютъ. Имъ чужды тепло и жалость. Они не любопытны: что тамъ, на землѣ, какая боль или какая радость?

Правда мыслится, какъ неизмѣнная сила, неуступная ничему, что твердаго знаетъ на землѣ человѣкъ. Она тверже камня, тверже человѣческаго страданія, выдержитъ отчаяніе матери, потерявшей любимаго сына, и не уступитъ.

Плачетъ мать, плачетъ. Ея скорбь такъ велика, что уже нѣтъ, чтобы рассказать о ней, человѣческихъ словъ. Но сильнѣе правда, сильнѣе материнскаго горя безконечно идущіе дни времени; не дадутъ они отвѣта женщинѣ, сотрутъ скорбь ея и милыя черты родного лица изгладятъ изъ памяти.

Гдѣ корни правды? Въ Богѣ ли высокомъ или въ мірѣ вѣчномъ? Терялось сердце, и человѣческая мысль единила то и другое.

Правда идетъ медленнымъ, величественнымъ, царственнымъ шагомъ. Она на вершинѣ, въ бѣлыхъ снѣгахъ, гдѣ свято, всегда невозмутимо, всегда одинаково.

А жалость—это человѣческое, своевольное, измѣнчивое. Ея цѣль отстоять себя, защитить, охранить. Отстоять отъ власти неумолимаго, отъ поглощенія имъ. Отстоять свою жизнь, хотя видятъ, что нельзя отстоять. Охранить жизнь

близкихъ, хотя видить, что они должны погибнуть. Удержатъ радость, когда горе до смерти сжало сердце.

И оттого жалость всегда измѣнчива и вся порывъ. Надѣется и приходитъ въ отчаяніе, творить чудеса силы и изнемогаетъ. То возносится кверху, выше правды, до высоты, съ которой и правда кажется несправедливой. То опускается внизъ, ниже неправды. Копаются въ грязи, обливаются кровью, спускается до предѣловъ, ниже которыхъ нельзя спуститься.

Правда не останавливается поднять падающихъ: ей нѣтъ дѣла до тѣхъ, которые раздавлены ея тяжелой стопой. Человѣкъ столкнулся съ правдой и погибъ. Повернулось колесо исторіи. И человѣка не вспомнить правда. Такъ казалось, такъ кажется, что не вспомнить. Идетъ дальше твердо и невозмутимо. Поступь ея тяжела и дорога у нея длинная—гдѣ конецъ ея пути? И покрыта ея дорога, какъ дорога великой арміи, которая опустошаетъ великую страну, покрыта трупами, умирающими, больными, разоренными душою и тѣломъ.

Хотя весь міръ гибнетъ, правда идетъ невозмутимо дальше. Пусть гибнетъ міръ, но царствуетъ, но живетъ правда!

А любовь сойдетъ со своей дороги и не оставитъ гибнущаго, пока не поможетъ. Она готова на ужасъ: потерять вѣчное—вѣчную и бессмертную жизнь, лишь бы спасти другого.

Суть любви въ томъ, чтобы брать у себя и

отдавать другимъ; а правда отъ другихъ требуетъ все и беретъ себя.

Правда взвѣшиваетъ, измѣряетъ; любовь „сжижаетъ“ старое и „родитъ“ новое. Правда наказываетъ всякое отклоненіе и всякій грѣхъ; любовь прощаетъ грѣхъ и, простивъ разомъ, ставитъ на добро, „перерождаетъ“. Сколько приѣмлетъ внезапнаго дѣйствія любви. „Любовь делаетъ чудеса“. Правда не имѣетъ къ нимъ касанія. Она вся въ законѣ, въ отрицаніи чуда. Можетъ быть она тоже чудо, но ея чудесная, ея живая сторона гдѣ-то слишкомъ высоко и для насъ не видно.

Любовь вся въ совѣсти, живетъ и трепещетъ; укоряетъ, стыдитъ и утѣшаетъ. У правды нѣтъ совѣсти, она виѣ ея; у нея нѣтъ сердца или оно такъ высоко, что намъ кажется, будто у нея нѣтъ сердца.

Обвѣянные духомъ правды, въ нее вглядываясь, люди придумали „право“. Ихъ сердце, склонное къ жалости, приклоняетъ „нормы“ права къ жизни, вводитъ „судъ присяжныхъ“. Отъ правды идетъ война, отъ жалости „красный крестъ“, „сестры милосердія“. Правда ведетъ въ тюрьму; любовь учитъ: посѣти находящагося въ темницѣ, помоги ему, облегчи то, къ чему приговорила правда. Правда предаетъ смертной казни, предаетъ другихъ, предаетъ во свое имя; любовь себя отдаетъ смерти во имя другихъ.

„Любовь сильнѣе смерти“. Это потому о ней сказано, что ей часто приходится умирать. Если

она не идетъ на смерть, она не совершенна. Смерть для нея почти естественна въ условіяхъ этого міра. Здѣсь она, главнымъ образомъ, самоотверженіе, жертва за другого. Правдѣ не для чего умирать; ради нея умираютъ, ради нея умираетъ и любовь.

Изъ этихъ двухъ—любви и правды—человѣкъ всегда на сторонѣ любви. Смотрите, какъ человѣкъ любитъ жалость; какія о жалости и любви великолѣпныя слова человѣкомъ сказаны, какія думы продуманы удивительныя. А о правдѣ ни думъ такихъ, ни чудесныхъ этихъ словъ.

Въ правдѣ логика, причинность, законъ. „Вѣчный законъ“.

А любовь—это я.

Да, да, мы должны страдать. И моя болѣзнь, какъ дважды два, справедлива. Понятна правда, ясны ея пути и что ты можешь ей возразить? Согрѣшилъ, неси наказаніе. Сдѣлалъ зло, получи страданіе тою же мѣрою. Зубъ за зубъ. Все такъ естественно. И что ты говоришь: дѣти невинны? Но они твои и виновны, ибо ты виновенъ. Если не я, то согрѣшилъ вѣдь мой отецъ или дѣдъ; или кто-то другой, далекій и уже совсѣмъ невидный въ туманѣ прошлаго—они въ чемъ-то были виновны, когда-то согрѣшили, въ-чемъ то слабы были. Такъ это выходитъ по „экономіи“ правды, по закону непрерывности причинъ и слѣдствій.

Все такъ; но мое я кричитъ: я—не отецъ мой, не дѣдъ, не ближній. Все справедливо и

высчитано; нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ ошибки, идеальнѣйшій математикъ не найдетъ ея. Но я—не хочу умирать. Я жить хочу. Это я, самъ, хочу жить и чувствую, что не равна смерти моя вина, какъ не равна смерти была вина Іова. Живая личность выдѣлилась, всѣ законы нарушила, вопреки всякой логикѣ требуетъ невозможнаго, какъ вопреки всякой логикѣ разбойникъ на крестѣ просилъ спасенія. Отецъ виноватъ, но—я? Мнѣ тяжело, я гибну, мысль тускнѣетъ. Мнѣ жаль солнца. Я тоже въ его лучахъ бы грѣлся, радость жизни ловилъ; видѣлъ бы счастливыхъ много людей, надъ колыбелью моей малютки стоялъ бы, улыбка ребенка радовался, ловилъ бы проблески сознанья его.

Любовь непонятна, мистична, незаконна, неестественна—любовь и снисхожденіе. Согрѣшилъ, заболѣлъ и молишь: прости! Но почему? почему только тебя?. Гдѣ была твоя мысль, когда ты грѣшилъ? Думалъ ли о Богѣ, когда нарушалъ Его волю? О ближнихъ, когда былъ къ нимъ жестокъ? О милосердіи, когда люди и дѣла требовали отъ тебя милосердія, а ты ставилъ навстрѣчу остріе твоего самолюбія, твоей злобой и черствой натуры?.

Но всмотришь въ человѣка ближе, всмотришь въ себя, когда страдаешь, стонешь и не видишь помощи, гибнешь одиноко и о, какимъ необходимымъ, какимъ мудрымъ, до чего божественнымъ, несущимъ жизнь, покажется милосердіе!

То, что вокругъ человѣка, велико и сильно,

оно устрашает и притягивает. Сила правды столь громадна, что ея боится человекъ какъ бездны, въ которой онъ можетъ исчезнуть безъ остатка.

Человѣческое кажется ничтожнымъ—все, созданное человекомъ. Все это—что? Дымъ, пыль и полевая трава. Стираются очертанія человеческого лица, уже какъ будто и совсѣмъ нѣтъ его.

Кажется, что все бытіе только тамъ, все величіе, вся будущность всего. Для человеческого же бытія нѣтъ будущаго, нѣтъ своей исторіи, своихъ цѣлей. Только въ сліяніи съ тѣмъ, въ исчезновеніи въ томъ—цѣль.

Человекъ стоитъ на узенькой, узенькой тропинкѣ, и по ней идетъ, а кругомъ пропасть, смерть. Тутъ жалость къ человеку, какъ жалость къ тому, кто стоитъ на краю пропасти. Человекъ, по безпомощности, какъ ребенокъ на краю обрыва стоитъ и вотъ, вотъ упадетъ.

Вотъ свалился Толстой со своей—человѣческой—узкой тропинки, не удержался на ней и упалъ въ бездну правды. И личность погибла, ея не стало. И все, что личность создала, что за личность цѣпляется, все потеряло смыслъ—наука, общественная дѣятельность, государство, религія.

Потонулъ человекъ, прошли круги по водѣ, и ничего не стало кромѣ безконечнаго „воднаго“ пространства. Что тамъ за содержаніе подъ безграничною водною поверхностью? Глубокое и, можетъ быть, громадное содержаніе, но наши

глаза ничего не видятъ. Что-то будто движется, но, можетъ быть, это солнце играетъ или вѣтеръ струитъ воду, иллюзія, кажется, а на самомъ дѣлѣ не знаю, что тамъ въ глубинѣ. Глубоко и далеко и никогда не узнаю.

Великое содержаніе по размѣрамъ, „безмѣрное“, но мнѣ-то туда не хочется. Ибо тамъ смерть для меня, а я жить хочу, жить. Туда не хочу.

Мнѣ свѣтъ солнца данъ и радость его утра и печаль его вечера, и прилѣпился я къ красотѣ и теплу земли, и не могу, и не хочу отрываться отъ нея. О, я вижу печаль земли и мысль тоскующую ея. Но не хочу отъ нея уходить. Дорога мнѣ печаль ея, ибо объ одномъ она у нея и во мнѣ, хотя говоритъ не моимъ языкомъ. Вотъ если вмѣстѣ съ нею уйти, когда и она будетъ радостна и свята? когда я буду знать, что нѣтъ уже на землѣ больше горестной мысли и не слышится вздоха боли и скорби? Въ новое небо и въ новую землю.

Что тамъ, за этой дорогой, возлѣ тропинки?

„Суета суетъ, все суета! Что пользы человеку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ? Восходитъ солнце и заходитъ солнце, и спѣшитъ, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ. Идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои. Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется; къ тому мѣсту, откуда текутъ

рѣки, онѣ возвращаются, чтобы опять течь. Что было, то и будет; и что дѣлалось, то и будет дѣлаться,—и нѣтъ ничего новаго подѣ солнцемъ”.

Такъ писалъ Соломонъ, имя котораго одно время Толстой любилъ ставить рядомъ со своимъ.

Печальные слова! Они охватываютъ вѣяніемъ вѣчнаго и непреложнаго. Непреложное стоитъ надъ человѣкомъ столь высоко, что онъ кажется совсѣмъ внизу, гдѣ-то на далекомъ, на самомъ днѣ.

Въ прекрасномъ разсказѣ о томъ, кого называютъ Буддой, великій учитель Востока встрѣтился съ неуклонными законами правды: болѣзнью, старостью, смертью. Встрѣтился и не смогъ ни побороть, ни отодвинуть ихъ, самъ передъ ними принизился, поставивъ ихъ надъ собою, какъ неодолимую силу.

Человѣческая личность взглянула въ глаза непреложности законовъ бытія и, пораженная, принесла къ ихъ подножію все свое: искусство, науку, самое себя, свою любовь, обиды и страданія.

Все исчезнетъ въ безконечной смѣнѣ вещей, „какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ“. Все унесетъ слѣпой потокъ времени, все сломить сила неизбѣжности.

Вознеся непреложное и вѣчно текущее неизмѣримо высоко надъ собою, признавъ за нимъ послѣднее царственное значеніе, человѣкъ лучшимъ для себя нашелъ сладостное погруженіе въ эту пучину безъ дна и верха, безъ границъ

времени. Будда идетъ въ нирвану, какъ чело-вѣкъ, потерявшій личное счастье, ищетъ утѣшенія въ созерцаніи прекраснаго природы, тонетъ въ морѣ звуковъ и красокъ.

И Будда, и Толстой, и слова Соломона—обвѣяны дыханіемъ правды. Они ее восприняли, ея духомъ прониклись. Ни Будда, ни Толстой не крикнули неизбѣжности, безконечной смѣнѣ времени, не крикнули смерти и страданію: посторонись! Дай дорогу! Они сами преклонились предъ неизбѣжностью, принизились предъ нею. Признали за нею царственное значеніе. Неизбѣжность и есть у нихъ Богъ, истинное и послѣднее. И не только не крикнули, но кричащаго и страдающаго отъ боли человѣка они тянутъ, вопреки его волѣ, въ пучину безконечнаго, заглушаютъ его голосъ, хотятъ внушить, что боль не боль, что горе не горе и смерть не смерть.

Личность растеряется въ безмѣрномъ и безграничномъ, и жалость къ отдѣльному человѣку переходитъ въ сладкую грусть и тихую радость о безконечномъ и невѣдомомъ бытіи. Уже можетъ и не быть жалости къ отдѣльному человѣку, и жестокимъ можно стать къ нему.

Такъ Толстой, такъ Будда, такъ всѣ пантеисты. Но не такъ обычный человѣкъ.

Отношеніе къ правдѣ обычнаго человѣка имѣетъ двойственный характеръ: человѣческая жалость боится правды и борется съ нею, но и чего-то ждетъ отъ нея, неотступно обращена

къ ней своимъ лицомъ. Обращена къ тому, что жестоко и холодно, что бьетъ и ужасаетъ, чего боится и противъ чего вооружается. Считаетъ мертвой и ищетъ въ ней жизни, видитъ жестокой, но ждетъ: не засіяютъ ли оттуда глаза милосердныя?

Держится человекъ за свое человеческое; жалѣетъ себя въ себѣ и въ ближнемъ; не хочетъ, чтобы человеческое было поглощено ни небытіемъ, ни инымъ бытіемъ, какъ бы велико и прекрасно ни было оно. Напрягаетъ жалость, собираетъ знанія, создаетъ науку, государства, нравственность, чтобы отстоять свое лицо отъ поглощенія силъ, которыя, онъ видитъ, ему угрожаютъ.

И когда неотступно смотреть въ глаза правды, онъ ищетъ, хочетъ найти въ ней родное себѣ.

Вижу жестокою и ненужною смерть; умираетъ послѣдній ребенокъ у бѣдной матери, загнанной суровымъ мужемъ. Ужели было нельзя карающую руку не опускать? Оставить матери это утѣшеніе, отпустить измученную душу ея на свободу? Но... „слава Тебѣ, Боже, упованіе наше, слава Тебѣ!“,

Послѣ каждой смерти, какъ бы она ни была ужасна, въ концѣ cadaго отпѣванія, я неизмѣнно восклицаю эти слова.

Землетрясеніе въ Мессинѣ: погибли сотни тысячъ. Но... „исповѣдайтесь Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его“. Даже послѣ этой

ужасной гибели многихъ тысячъ слова о милости для меня не стали бессмысленны.

Вы видите: какая-то мысль, мнѣ противная, ко мнѣ какъ будто жестокая, какъ будто безумная, вошла въ меня и я ей покорился, ей служу. Какихъ-то корней, связывающихъ меня или съ міромъ или съ Богомъ вырывать не хочу. Иногда, какъ Іовъ, извиваюсь въ скорби и смертельномъ ужасѣ, и ужасъ жизни, какъ жена праведнику, подсказываетъ: похули Бога, похули.

Но не хочу хулить. Не хочу отъ Него уходить; все толкусь къ Нему и стучу: Ты разъяснишь, не покинешь?!

Все думаю: гдѣ нибудь, въ концѣ правды, не найду ли жалости. Какъ будто правда и любовь сходятся, какія-то точки соприкосновенія имѣются между ними.

Какъ бичемъ ударяетъ правда въ открытые глаза моей жалости, но кричитъ и проситъ и умоляетъ ее жалость моя.

Такъ что же, что же такое правда?

Но развѣ вы не разглядѣли еще, что не все божественно въ правдѣ. Много грѣховнаго и жестокаго связалъ человекъ въ своемъ сознаниі съ божеской правдой связями крѣпкими и вмѣстѣ съ прекраснымъ и Божиимъ поклонился въ ней дьявольскому.

Въ Геесиманской молитвѣ, какъ во всей жизни и во всемъ дѣлѣ Господа, ясны три вещи: есть невѣдомая, въ недоступныхъ для человека вы-

сотахъ живущая правда; есть другая, низшая, правда, она ближе къ человѣку и особенно видна ему въ такъ называемыхъ законахъ природы; и есть человѣкъ.

Верховная правда заключаетъ въ себѣ то послѣднее бытіе, содержаніе и границы котораго безконечно шире человѣческаго познанія. Правда низшая несетъ въ себѣ добро, истину и жизнь, но спаянныя крѣпко и сильно со зломъ, ложью и смертью.

И опираясь на высшую правду, чувствуя, что тамъ находится начало и конецъ всего, человѣкъ упорно и страстно хочетъ раскрыть добро, которое видитъ въ низшей правдѣ, и столь же упорно борется съ тѣмъ зломъ, которое въ ней заключено.

Цѣпи жестокихъ законовъ природы—ихъ выковалъ грѣхъ человѣка. Болѣзнь есть оброкъ грѣха и неумолимая смерть вошла въ міръ дьявольской завистью.

И человѣческая жалость тщится разрушить въ правдѣ чуждое ей, очистить ее отъ примѣсей вражескихъ, хочетъ рядомъ съ ней стать, разглядѣть подлинный ликъ ея.

Милость хочетъ облабызаться съ правдой и истиной.

Сколько взвалили на человѣка, на каждого человѣка? Грѣхи едва не всѣхъ людей.

И человѣкъ запутался, измучился.

Прости и пожалѣй! Но въ отвѣтъ гремѣло: простить нельзя, ибо нарушенъ святой законъ.

Преступилъ немного и уже проклять, ибо весь законъ преступилъ. „Нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единого“.

Но вѣдь это ужасно. Это ужасно, потому что я страдаю, мучаюсь, дѣлаю добро, стремлюсь же къ нему. И еще больше: есть же возлѣ меня тихіе и кроткіе, почти не сдѣлавшіе грѣха?

И что то темное, но громадное по силѣ, коренное и крѣпкое, шептало, говорило, кричало въ моей душѣ: я не столь виноватъ.

Я нарушилъ правду. Но около меня, но мою правду какъ терзали? Безсмертную душу, назначенную мнѣ Богомъ, какъ вы ее загрязнили? Прежде чѣмъ получилъ я безцѣнный даръ этотъ Божій, онъ сто разъ былъ поруганъ тѣми, кто жилъ раньше меня. Въмѣсто драгоценнаго сосуда Божія, наполненнаго питіемъ благоухающимъ, дали мнѣ нѣчто больное и бѣдное и спрашиваютъ отъ меня дѣлъ сіяющихъ. Толкали, толкали на зло и произносите тяжкія слова обвиненія.

Караете за грѣхи отцовъ? Злобу ближнихъ вмѣняете мнѣ? За дѣла, и тѣни которыхъ я не видѣлъ, казните меня?

Бѣжитъ преступникъ, травимый людьми и звѣрями. Жалѣю его. Помилуйте, можно ли жалѣть преступника? Развѣ не правъ законъ, его покаравшій?

О, да! Справедливо наказанъ преступникъ и правъ законъ, ибо тяжело человѣкомъ нарушена правда. Но его—преступника—правду какъ мы

жестоко ранили? Сколько своихъ и чужихъ грѣховъ на него навалили. Все толкали на зло, жизнь толкала на зло, едва не каждый изъ насъ приложилъ руку къ его грѣху.

Проснулось сердце преступника, истосковалось отъ горя и дѣлъ злобныхъ, потянуло къ добру.

Но ставимъ на встрѣчу упорную жестокость; не смягчимъ холодъ суроваго закона мягкимъ ласковымъ сердцемъ: грубы приставники, жестоки съ нимъ заключенные, несовершененъ законъ. Это развѣ *имъ* нарушена *наша* правда, а не *нами его*?

Я грѣшенъ. Вотъ мой грѣхъ, и вотъ, и еще. Но не до смерти же грѣшенъ. А мои извиняющія обстоятельства? Нѣтъ, грѣшенъ, но не до смерти; виновенъ, но заслуживаю снисхожденія; виновенъ, но поплачь же надъ моей виной и надо мною вмѣстѣ. Пожалѣй меня, прижми къ сердцу, скажи: бѣдный, ты, бѣдный!

Должно быть пламенно радовалось сердце еврея, всегда горѣвшее религіознымъ огнемъ, нетерпимое и взволнованное, ибо всегда былъ подъ Божьимъ проклятіемъ—радовалось, когда почувствовалъ онъ, что снимаютъ великую тяжесть съ души его. Христосъ снимаетъ.

„Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы закона“.

Торжествуетъ въ восторгѣ Павелъ, стремительно несетъ дорогую вѣсть. „...Въ опасностяхъ... въ трудѣ и изнуреніи, часто въ бѣднѣи, въ голодѣ и жадѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ“...

Было, было за что потерпѣть. Жили, страдали, любили, но всякая радость, улыбка, ласка и отдыхъ—были отравлены затаеннымъ страданіемъ: неуплаченъ долгъ Всемогущему; гнѣвъ и суровъ Его ликъ.

Быль привязанъ къ Богу еврей неуплаченнымъ долгомъ своимъ; суровымъ Его считалъ, но не могъ отъ Него оторваться.

Вотъ откуда безпокойная стремительность еврея въ вѣрѣ и въ дѣлѣ; порывы къ высокому и провалы въ бездну грѣха; вотъ откуда еврейство дало великихъ святыхъ и великихъ преступниковъ.

Въ еврействѣ Богъ далъ человѣку почувствовать всю тяжкую его зависимость отъ цѣпей правды низшей и всю величину грѣхопаденія.

Въ религіи и молитвѣ самая интимная встрѣча человѣческой жалости и высшей правды. Тутъ я и Богъ встрѣчаемся непосредственно; мои нужды и Его требованія встрѣчаются безъ покрововъ чуждыхъ. Эта дорога узка; она идетъ среди сплошнаго бытія правды низшей. Но это та истинно человѣческая дорога, идя по которой, человѣкъ отстаиваетъ себя отъ потопленія въ бытіи иномъ, старается утвердить свое человѣческое лицо и найти лицо Божіе.

Развѣ ты не видишь, что всякой молитвой, всѣми этими воплями: Господи, помилуй! и всякими другими молитвами, какія люди твердили всегда и во всѣхъ религіяхъ, что ты и всѣ люди какъ-то себя самоопредѣляютъ, шепчутъ сло-

ва какого-то своего оправданія. Всякая молитва есть какъ бы опознаніе человѣкомъ лица своего.

Вѣдь если есть только моя вина и есть правосудіе, какъ дважды два четыре, то при чемъ тутъ: Господи, помилуй? При чемъ жертва, обрядъ и поклоны? При чемъ всякій культъ? При чемъ религія и молитва? Безсмысленное и пустое дѣло. Вотъ, по истинѣ, глупый человѣкъ бьетъ лбомъ стѣну.

Но бьемъ, и все человѣчество бьетъ.

Почему? О, несомнѣнно, не били бы, если бы не чувствовали всѣ, если бы все человѣчество, которое когда либо молилось Богу, не чувствовало, что тамъ не стѣна. Ибо какъ то чувствуемъ, что бьемъ не стѣну, а даемъ голосъ чему то живому, очертанія коего громадны и граничатъ съ безконечностью, но въ этомъ громадномъ видится живое лицо.

Это чувствуетъ человѣкъ, идя по своей человеческой дорогѣ, идя цѣлые вѣка. На этой дорогѣ все, что создалъ человѣкъ; все, что сулитъ жизнь, что ее обѣщаетъ, что ей помогаетъ. И еще чувствуемъ, что имѣемъ какое то основаніе бить и просить. Въ томъ основаніе, что мы живы, мы есть, и что же намъ дѣлать? Есть у насъ жизнь, мы ее не сами взяли, она намъ дана, дано сознаніе, самосознаніе, свобода.

Пощади! Но развѣ не видите, что этимъ самымъ вы себя какъ то оправдываете, въ глубинѣ души уже оправдали, какъ бы право какое то на пощаду въ себѣ утверждаете.

Сотвори чудо и пощади! И вѣримъ, что пощадилъ, и съ несомнѣнностью говоримъ: вотъ Онъ пощадилъ и сотворилъ чудо. Тогда вотъ, когда исцѣлялъ хромыхъ и слѣпыхъ, ходилъ по землѣ, и сейчасъ всякій день видимъ. Да зачѣмъ, ради чего чудо? Что такое чудо? Милость Божія? Но почему мнѣ милость, а другому человѣку, моему сосѣду, нѣтъ милости?

Да вѣдь тѣмъ только, что я молюсь и еще больше тѣмъ, что признаю чудо, я признаю, что я въ чемъ то невиновенъ.

Чудо не въ томъ состоитъ, что Богъ оказался ко мнѣ явно пристрастенъ, а къ кому то столь же явно не справедливъ, мнѣ далъ благо, а кому-то его не далъ. Ибо если моя дочь или мой сынъ умерли, то вѣдь умеръ сынъ и у моего сосѣда, и сколько ихъ умираетъ всякій день; всякое кладбище полно умершихъ.

Въ Наинѣ у вдовы умеръ сынъ; но сколько другихъ было городовъ и сколько тамъ вдовъ, и сколько вдовъ тоже потеряли сына, какъ и эта вдова. Или въ Виѳездѣ: „слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды...“ Всѣхъ ихъ видѣлъ Господь, но подошелъ къ одному и ему только сказалъ: возьми одръ твой и ходи!

Слѣдовательно, не въ томъ чудо состоитъ, что этого Онъ пожалѣлъ, а къ другому остался холоденъ, а въ томъ, что Онъ увидалъ во мнѣ что то, какую то точку, стоящую какъ будто внѣ правды, внѣ непрерывности причины и слѣд-

ствія, и нашель, что я справедливо себя оправдалъ. Только и всего. Онъ призналъ и, разумѣется, я выздоровѣлъ. И спасень. Ибо по истинѣ: „послеси Духа Твоего и созиждутся, и обновииши лицо земли“. Какъ и противоположно: „отымеши Духъ Твой и исчезнутъ и въ прахъ обратятся“.

Въ чемъ то невиновень. Пусть въ маленькомъ и незначительномъ, въ какой то точкѣ; но эта моя точка какъ то внѣ вины стоитъ, съ Богомъ говорить, Ему на что то въ себѣ, на себя, указываетъ. И такъ громко Ему о себѣ кричитъ, что Онъ—великій и не имѣющій границъ—увидаль эту точку и пришелъ на ея зовъ. Неизмѣримый объемъ Своей сузилъ до пониманія маленькаго моего, минутнаго, горя; горя неизмѣримо малаго ничтожества, затерявшагося въ безднѣ пространства и вѣковъ.

Всѣ виновны и во мнѣ все виновно, но кромѣ того, что во мнѣ отдѣляетъ меня и отъ Адама, и отъ другого человѣка, отъ моего отца, моего сына, даже отъ Бога. Вотъ *это*, какъ же оно будетъ виновно за грѣхъ не мой? Былъ грѣхъ въ Адамѣ, и я виновень за его грѣхъ, несую его послѣдствія на себѣ. Весь въ злѣ лежу: проклятіе Бога, наслѣдственность, дурной примѣръ, но... не до послѣдней точки. Послѣдняя точка не виновна. Ибо она не была въ Адамѣ, не была ни въ комъ, кромѣ меня, она только и есть во мнѣ. Она—моя, она—я, и Адамъ тутъ не при чемъ. Ибо я, который сейчасъ живу, тогда я не жилъ.

Только признавая полнѣйшую, абсолютную свободу какой то послѣдней точки въ моемъ я, мы поймемъ смыслъ воплощенія Господа, смыслъ Божьяго отношенія къ человѣческимъ страданіямъ, смыслъ Геосиманской молитвы, чуда; возможность вѣчныхъ мученій—окончательнаго отхожденія человѣка отъ Бога или—обратно—возможность спасенія всѣхъ.

Если бы въ человѣкѣ рѣшительно *все* было зависимо отъ Бога, было въ Его обладаніи, было Божье, и ничего въ человѣкѣ не принадлежало бы человѣку, тогда Богу не надо бы дѣлаться человѣкомъ, тогда воплощеніе не было бы тѣмъ великимъ дѣломъ, которое привело человѣка къ выкупу отъ рабства проклятію, болѣзни и смерти, создало условія для рожденія новой твари.

Если нѣтъ въ человѣкѣ ни одного момента, который бы стоялъ внѣ и независимо отъ Вѣчнаго и Вездѣсущаго Бога, тогда не было бы границы между Богомъ и человѣкомъ, не было бы, не должно быть никакого чуда. Если бы чудо было давленіемъ на обладаемое Богомъ, на подчиненное Ему существо, тогда почему чудо не со всякимъ, кто страдаетъ и болитъ? Но, усмотрѣвши въ абсолютно-свободномъ даннаго къ воскресенію отъ грѣха и волю къ жизни, Онъ подходилъ къ нему и исцѣлялъ. Иначе, видя жестокия, ежечасныя страданія людей, развѣ Онъ не избавлялъ бы ихъ всегда, всегда развѣ не приходилъ бы на помощь человѣку?

И вотъ почему святые отцы Церкви вынесли столь тяжкое заключеніе по вопросу о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ. Они не могли сказать иначе; не могли сказать, что мученія будутъ не вѣчны. Не потому возможны *вѣчныя* мученія, что мы здѣсь временно грѣшимъ; но потому возможны, что возможно свободное и вѣчное отдѣленіе отъ Бога свободныхъ и разумныхъ существъ; возможна потеря разума и нравственное одичаніе до слѣпоты физическихъ законовъ природы. Въ исторіи земли подобное было однажды. „Не иметъ духъ Мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть“ (Быт. VI, 3).—Господь сказалъ это нѣкогда людямъ и истребилъ ихъ потопомъ.

О, это не значитъ, что мученія непременно будутъ вѣчны. Мы можемъ, мы должны желать, чтобы этого не было: умолять Бога о прощеніи грѣшниковъ и еще болѣе сами работать надъ возрожденіемъ человѣка.

Только признаніемъ абсолютной свободы моего *я* можно понять и смыслъ Геѳсиманской молитвы; абсолютно свободное подчиненіе человѣческой природы во Христѣ природѣ Божественной, но съ яснымъ сознаніемъ, но съ пламеннымъ желаніемъ—по человѣчеству—иного, человѣческаго пути.

Среди вѣчно текущаго времени и вѣчно измѣняющагося пространства является нѣчто, съ нами борющееся и побѣждающее; точка, имъ не подчиняющаяся, опознавшая себя, какъ нѣчто

отдѣльное, самостоятельное, всегда себѣ равное. Это она, вотъ эта послѣдняя точка, растеть цѣлые вѣка и уже выросла значительно. Это—*я*, моя жизнь, моя свобода, мое сознаніе.

Всякая молитва къ Богу и особенно христіанская молитва есть, прежде всего, утвержденіе чѣловѣческаго лица. Есть оно, есть, какъ бы ни спорили противъ этого. Признано оно Богомъ; ради него и Христосъ приходилъ. Было въ чело-вѣкѣ нѣчто, за что Господь пожалѣлъ его.

„Ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, и далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ Человѣческій“ (Іоан. V, 26, 27). Не по Божеству Онъ далъ жизнь Сыну, но по чело-вѣчеству, потому что Онъ есть „Сынъ Человѣческій“. По чело-вѣчеству Сынъ создаетъ поваго чело-вѣка, „новую тварь“, творить новое бытіе. Идущее отъ Христа чело-вѣчество, Имъ искупленное, Св. Духомъ водимое, получило отъ Бога *жизнь въ себѣ*, которую можетъ, которую должно хранить, расширять и усовершеншать безконечно.

Молотомъ страданія ударяетъ чело-вѣкъ въ стѣну правды и высѣкается искра религіи.

Почему отъ страданія вѣра?

Потому что здѣшнее никогда не дастъ отвѣта страданію.

Такъ напрягаетъ чело-вѣкъ свою жалость, что превозмогаетъ ею ужасъ правды. Столь сильно чувствуетъ жестокою скорбь своихъ страданій, что въ огромныхъ, въ холодныхъ и каменныхъ

глазахъ правды начинаетъ видѣть нѣчто живое и милосердное.

„Послѣдній врагъ человѣка смерть“. Послѣдній, крайній ужасъ любви есть встрѣча человѣка со смертью.

Въ наиболѣе обнаженномъ и жуткомъ видѣ предъ человѣкомъ является смерть другого человѣка, но родного, близкаго и любимаго. Умиравшему видѣть ужасъ своей смерти мѣшаетъ болѣзнь, затемняющая сознание. И почти всегда, до послѣдней минуты, больнымъ владѣетъ надежда, что онъ не умретъ.

Умеръ единственный ребенокъ мой.

Лучше бы мнѣ самому за него умереть? О, конечно, я умеръ бы за него тысячу разъ. Тяжко мнѣ и страшно. Бросаюсь куда-то, въ омутъ, въ отчаяніе.

Все извѣстное, здѣшнее ушло, ненужно и бессильно. Всякое земное лицо разсыпается прахомъ, является изъ себя ничтожество: лицо природы, искусства, лицо близкаго человѣка. Кто изъ нихъ поможетъ? Въ чемъ изъ нихъ объясненіе моего горя? Ни въ комъ и ни въ чемъ. Какъ поется въ церковныхъ и нецерковныхъ пѣсняхъ: для страдающаго гаснетъ солнце, не свѣтитъ луна, и роскошь звуковъ смѣняется тишиной, гдѣ слабый стукъ оглушаетъ, какъ громъ.

Ничто земное и человѣческое не можетъ служить мѣрой для смерти!

Кажется, теряю и свое лицо, Ибо кто я — при этомъ ужасѣ безмысленномъ и огромномъ?

И вдругъ, на послѣдней глубинѣ отчаянія, что-то новое начинаю видѣть въ правдѣ. Сначала съ трепетомъ страха и недоверія, выдвигая впередъ обиду свою; уже сберегая ее, какъ дорогое сокровище. Ибо если Ты и обиду возьмешь, что у меня останется? Потомъ же съ какимъ неизъяснимымъ умиленіемъ все смотришь и смотришь...

Куда-то далеко отдвигается камень правды; уступаетъ неуступное, склоняется непреклонное.

Видится, видится за нимъ иная сила.

Отходить отъ правды то, что человѣческое сердце всегда считало зломъ и не Божиимъ, отходить, какъ враждебное Богу.

Не добро, но тяжкое зло есть человѣческая нищета. Опустошаетъ душу и тѣло; ея глаза озлоблены и завистливо хищны. Какъ зло уходитъ болѣзнь. И не другъ, но жестокій „послѣдній“ врагъ человѣка есть смерть.

Ужасенъ трупъ разлагающійся и запахъ глѣнія, идущій отъ него. Тѣло гибнетъ; гибнетъ мысль, которую понималъ человѣкъ въ мірѣ этомъ, и радость, которую носилъ онъ въ сердцѣ своемъ. „Не знаете ли, что тѣла ваши суть храмы живущаго въ васъ Святаго Духа, котораго вы имѣете отъ Бога“.

Вмѣстѣ съ тѣломъ уходитъ безконечно дорогое намъ и опять не придетъ никогда.

За нищетой, болѣзнью и смертью видится лицо того, кто нѣкогда пришелъ къ Господу и го-

ворилъ Ему: „развѣ даромъ богобоязненъ Іовъ?... Но простри руку Твою и коснись всего, что у него,—благословить ли онъ Тебя?... Простри руку Твою и коснись кости его и плоти его,—благословить ли онъ Тебя“ (I и II гл. Іова)?

Отходить отъ Бога враждебное Ему. Свѣтлѣеть Его суровый ликъ. Знакомый и родной намъ. Жалостно свѣтятъ очи высокой, нездѣшной Правды. И когда пришелъ на землю Богъ и мы увидали лицо Его, оказалось, что Божіе лицо есть любовь. „Богъ есть любовь“.

Какой просторъ и радость какая! Уходитъ рабство; нѣтъ страха смерти. Живъ Богъ и жива душа моя. И вмѣстѣ съ моимъ лицомъ возвращается лицо всего, что я люблю на землѣ: лицо природы, науки, искусства, родины, человѣчества.

И только тамъ разрѣшеніе моего горя.

Бѣдный, бѣдный ребенокъ мой! Лежишь ты глубоко подъ землей. Уже истребили, вѣрно, черви нѣжное и слабое тѣльце твое и нѣтъ глазъ твоихъ, чудесно улыбавшихся мнѣ. Но пусть, пусть... Ибо твоя смерть и это тяжкое горе мое крѣпкими корнями связано съ горемъ всѣхъ живущихъ и жившихъ раньше насъ на землѣ. Нельзя иначе, дѣвочка милая! Ты и я—мы тоже должны послужить великому дѣлу искупленія людей.

Много страданія въ мірѣ. Смотри, вотъ дѣвочка четырнадцати лѣтъ уже жертва разврата; заболѣла нехорошей болѣзнью и, озлобленная, хочетъ сдѣлать больными другихъ.

Милая дочка моя! если бы ты осталась одинокой въ громадномъ этомъ мірѣ, развѣ не могла и ты стать столь же несчастной?

Вотъ мальчикъ, страдая за мать, говоритъ: мама, давай умремъ вмѣстѣ! И умираетъ, застрѣлившись. И въ оставленной запискѣ съ такимъ ужаснымъ горемъ и такъ по-дѣтски (ему было одиннадцать лѣтъ) написалъ: „мама! какъ я люблю маму! За что, за что плачу? Не знаетъ мама, какъ я люблю ее!“

А тамъ благородная и съ глубокимъ сердцемъ дѣвочка мечется въ смертельномъ ужасѣ съ выжженными глазами.

Дѣвочка, милая дѣвочка! Я вижу, я вижу теперь, что Тотъ, далекій и недоступный, Кто такъ жестоко отнялъ тебя у меня, что только Онъ милосердъ и благъ.

Онъ сына не пожалѣлъ, а обычный отецъ пожалѣлъ бы? Но это Онъ Себя не пожалѣлъ, потому что тебя пожалѣлъ, маленькое и жалкое, какъ тростиночка, тѣльце твое, слабую душу твою, и эту бѣдную дѣвушку, и мальчика, и несчастную маму его.

И когда раздалось повелѣніе Предвѣчнаго, чтобы пострадалъ Единородный Его, въ громовыхъ и тяжкихъ раскатахъ Божественной воли послышалось нѣчто, человѣку знакомое, родное его человѣческой жалости. И Божеская воля къ смерти чудеснымъ образомъ отождествилась съ человѣческой волею къ жизни, самую смерть—

послѣдній конецъ земного и человѣческаго—
содѣлывая началомъ новой жизни.

Воспринявъ Божескія мысли въ свой разумъ,
коснувшись человѣческимъ сердцемъ непреклон-
ной воли Отца, Господь и по человѣчеству добро-
вольно и сознательно принялъ ее: да будетъ воля
Твоя!

Такъ совершилось въ Немъ единеніе двухъ
воль: Божеской и человѣческой. Такъ стремле-
ніе къ жизни единичной расширилось въ Немъ
безконечно въ стремленіе къ жизни, радости
и счастью—всеобщимъ.

Вы видите: есть нѣкто, правосудный не на-
шимъ правосудіемъ и жалостливый иной, вели-
кой жалостью. Болѣе крѣпкій, чѣмъ камень за-
кона, болѣе сильный, чѣмъ неуклонность страш-
наго времени, подчиняющій неизмѣримыя бе-
здно вселенной.

Къ Нему инстинктивно стремится человѣкъ,
отодвигая пространство и время, презирая бо-
лѣзни и смерть, какъ ненужное и злое, силь-
ное предъ человѣкомъ, но ничтожное передъ
Богомъ.

И, можетъ быть, побѣдимое человѣкомъ при
помощи Бога?

Москва

26. IX. 1914

7, 500